

ЛИТЕРАТУРНАЯ

10.335
1966

ГРУЗИЯ

12

1966

ՀԱՅԿԵՍՏԱՆԻ
ՆԱԽՆՈՒՄԻՆՅԱՆ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ
ГОД ИЗДАНИЯ ДЕСЯТЫЙ

СОДЕРЖАНИЕ

К 70—летию Н. С. Тихонова

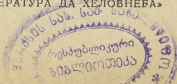
САНДРО ШАНШАШВИЛИ. Поэту-борцу. Стихи. Перевод с грузинского Э. Анабашвили	3
Николаю Тихонову	4
ИРАКЛИЙ АБАШИДЗЕ. Николай Тихонов	5
СИМОН ЧИКОВАНИ. Как песня, молодой	6
НИНА ТАБИДЗЕ. Из воспоминаний	8
ГУРАМ АСАТИАНИ. Да не угаснет чистый свет сердец!	9
МИХАИЛ ДУДИН. Восемь строф на могилу Георгия Леонидзе. Стихи	12
ГЕОРГИЙ ЛЕОНИДЗЕ. Родник. Было — Кахетия! Стихи. Перевод с грузинского Евг. Евтушенко	13
ЕЖИ ЗАГУРСКИ. Два тоста из поэмы «Тамара». Стихи. Перевод с польского А. Ревича	15
ДАВИД КВИЦАРИДЗЕ. Марина, где ты?! Роман. Перевод с грузинского Д. Мгеладзе. Окончание	16
НИКОЛАИ ЧАЧАВА. Песня. На морском берегу. Стихи. Перевод с грузинского Ст. Куняева	45
ЛИДИЯ МАГИСТРОВА. Осенние мотивы. Стихи	46

79.490

12

ДЕКАБРЬ

1966

РЕВАЗ ИНАНИШВИЛИ. Кто-то опаздывает на автобус. Повесть. Перевод с грузинского А. Абуашвили. Окончание	47
ТАМАЗ НАТРОШВИЛИ. Шатели. Рассказ. Перевод с грузинского Эм. Фейгина и Л. Лагидзе	56

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ВЛАДИМИР МАЧАВАРИАНИ. Время, человек, литература	62
ИГОРЬ БЭЛЗА. Книга о певческом дыхании	71
Б. ГОРДЕЗИАНИ. Отражение виденного и пережитого	72

ИСКУССТВО

НАТАЛИЯ ЧХЕИДЗЕ. «Золушка» С. Прокофьева на сцене театра имени З. Палиашвили	74
---	----

800 ЛЕТ РУСТАВЕЛИ

ИЛЬЯ РУРУА. На палестинской земле. Окончание Хроника	77
Хроника	93
Содержание журнала «Литературная Грузия» за 1966 год	94

На 2-й стр. обложки — «Новый Тбилиси». Фото Г. Размадзе.
На 3-й стр. — из альбома худ. Н. Чернышкова (см. статью на стр. 72).

Главный редактор **МИХАИЛ МРЕВЛИШВИЛИ**

Редакционная коллегия:

- И. АБАШИДЗЕ, Б. ГАСС (ответственный секретарь),
Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ (заместитель главного редактора), М. ЗЛАТКИН,
А. КУЗЬМИЧЕВ, В. МАЧАВАРИАНИ, Р. ТВАРАДЗЕ, Э. ФЕЙГИН,
Н. ЧАВЧАВАДЗЕ, Д. ШЕНГЕЛАЯ.

Адрес редакции: Тбилиси, 8. Улица Ленина, 5, телефон 9-06-59.

ПОЭТУ-БОРЦУ

Сражался ты за Ленинград,
Шагал сквозь черный шквал;
Когда свистел свинцовый град,
Ты песню запевал.

Душа твоя, как наш простор,
Привольна, широка.
О дружбе чистой с давних пор
Поет твоя строка.

Знаком ты с горем и бедой,
А крепче молодых.
Нам люб звенящий голос твой,
Твой мужественный стих.

Ты добр, в беде лукавства нет,
Друзьям ты друг навек.
Таким и должен быть поэт
И русский человек.

Из брони будто бы отлит,
Стоишь ты предо мной...
А твой крылатый стих летит
Над стороной родной.

Взмывает песен яркий рой,
Как стая голубей,
Над алазанскою струей,
Над Грузией моей...

Идешь ты по родной Москве,
Сияньем Кремль одет.
Ты в озаренной синеве
И Картли видишь свет.

Ты Грузии давнишний друг,
Россия мне — как мать,
И ленинского братства круг
Вовек не разорвать.

Я слышу голос твой: Москва
Народам говорит.
Звучат спокойные слова:
«Пусть в мире мир царит!»

В моем ли доме иль в твоём,
Сойдясь в счастливый час,
Мы «Мравалжаниер» споем
С тобой еще не раз!

Сандро Шаншншвили

ДОРОГОЙ НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ!

Мы счастливы приветствовать Вас в день Вашего семидесятилетия. Этот день и для нас — большой и радостный праздник. Ведь вы — давний и верный друг грузинской литературы, десятки лет связанный с нами крепкими и нерасторжимыми узами, продолжатель великой традиции, заложенной еще классиками русской литературы, в творчество которых вдохновенно и органично вошла тема Грузии.

Вас связывает также личная дружба со многими нашими поэтами. Вы — их первый переводчик на русский язык. Благодаря Вам во всей своей первозданной силе и красоте прозвучали по-русски стихи Георгия Леонидзе, Симона Чиковани, Сандро Шаншиашвили, Ило Мосашвили, Раждена Гветадзе и многих других.

В Вашем лице мы всегда имеем преданного и неизменного друга нашего журнала. Никогда не забудем мы Ваших теплых и ободряющих слов, написанных в связи с выходом первого номера «Литературной Грузии», очарования Ваших «Цхнетских вечеров», помещенных в нем, Ваших светлых и мужественных стихов, не раз украшавших страницы нашего журнала. Мы всегда чувствуем Вашу поддержку, горды ею, всегда ждем от Вас новых стихов, рассказов, писем...

Неоценима Ваша роль в проведении юбилея Шота Руставели, посвященного 800-летию со дня его рождения.

С огромным удовлетворением опубликовал наш журнал Вашу статью о великом грузинском поэте и мыслителе.

На всех этапах литературной жизни республики, как в ее радостные, так и трудные дни, — Вы были с нами, наш друг, наш побратим.

Ваше имя, Ваша поэзия накрепко спаяны с Грузией. Ваши прекрасные стихи о ней вошли в наше сознание. Спасибо Вам за них. За эти стихи, ставшие классическими, стихи, в равной мере являющиеся фактом и русской, и грузинской поэзии, олицетворяющие не только дружбу литератур и их взаимовлияние, но и дружбу наших братских народов, — Вам по праву присуждена премия имени Шота Руставели.

От всего сердца поздравляем Вас с этой наградой. Мы преисполнены гордости от сознания того, что в ряду наших славных лауреатов — есть и Ваше имя.

Мы знаем Вас также как большого общественного деятеля, поборника мира во всем мире, возглавляющего Советский Комитет защиты мира, председателя Комитета по Ленинским премиям в области литературы, искусства и архитектуры, секретаря правления Союза писателей СССР, одного из крупнейших русских поэтов нашего времени. А теперь еще — и Героя Социалистического Труда.

Будьте же здоровы, будьте счастливы! Многие, многие лета Вам, дорогой наш Николай Семенович!

Коллектив редакции журнала «Литературная Грузия».

Николай Тихонов

Николай Тихонов — человек, о котором в день юбилея с одинаковым основанием можно сказать и то, что этому полному энергии поэту никак нельзя дать 70 лет, и то, что поэту, прожившему такую жизнь, должно быть не 70, а по крайней мере 100 лет. Ведь творчество Николая Тихонова — летопись нашего века, а сам он, поистине, человек целого столетия.

Окинем взглядом его богатую и бурную творческую жизнь: это бесконечный путь. начатый хотя бы с «Перекопа»; последуем за ним к Ладоге и Финляндии, в Среднюю Азию на поиски нового героя, в Кяхтию, встанем над «седым, как сказанье, и, как песня, молодым» Гомбори, побродим вокруг Бастилии и у Вердена, вернемся и нешкою попытаемся догнать этого бывалого альпиниста, влюбленного «в лесов раскат, скалистые края, в твой сильный сад, Сванетия моя», и здесь, в горах, подобно ему и Лермонтову повторим: «Горы Кавказские для меня священны». Эльбрус, Гуниб, Шхара, Шхельда, Донгузорун, Мамисон — тысяча вершин, тысяча перевалов, тысяча извилистых троп в горах Кавказа и Средней Азии.

Затем... Затем Родина, обласканная сердцем, исхоженная вдоль и поперек в огне Отечественной войны, ленинградская блокада — «Огненный год», «На неприступном берегу», «Обрубим руку мы врагу», «Стой, ленинградец, на посту», — тысяча бессонных ночей и дней, великая победа и вновь огненные строки.

Затем снова дороги, Запад, демократические республики Европы, Азия и Африка, пламенные стихи, очерки, рассказы... И после этой нескончаемой Одиссеи подсчитаем, сколько лет жизни потребует человек к этому.

И все-таки молод наш юбиляр, молод своей влюбленностью в жизнь, юношеской страстью, неиссякаемым творческим горением. Ему не семьдесят, нет!

Сегодня мне, грузинскому поэту, хочется сказать Николаю Тихонову самые теплые слова любви и уважения, мне хочется и я обязан сказать слова особой благодарности этому замечательному русскому человеку и поэту за ту щедрую любовь, за ту великую услугу, которую вот уже более тридцати лет оказывает он грузинской культуре.

Я все еще нахожусь в плену его пламенных выступлений в Москве на открытии памятника Шота Руставели и юбилейном вечере в Большом театре Союза СССР, в плену его незабываемых слов, с которыми он предстал перед московским обществом в руставелевские дни, ставшие днями Грузии...

Сколько энергии, сколько тепла своего благородного сердца вложил он в подготовку руставелевских торжеств как председатель Всесоюзного юбилейного комитета. Как щедро дарил нам себя этот человек, занятый многочисленными делами, постоянный участник всех больших культурных начинаний в нашей необъятной стране!

Поистине колоссальной энергией наградила природа этого выдающегося русского поэта и гражданина.

Николая Тихонова заслуженно считают своим другом все народы Советского Союза, но мы, грузины, прежде всего и особенно!

Развитие и укрепление дружбы, начатой еще в XIX столетии Пушкиным, Лермонтовым, Грибоедовым и деятелями грузинской культуры, в наше время связано в первую очередь с именем Николая Тихонова. Можно сказать, что эта дружба послужила примером и прообразом той большой дружбы писателей братских республик Советского Союза, которая известна сегодня во всем мире.

Благодаря этой дружбе, благодаря великолепным русским переводам и вышли литературы союзных республик не только на всесоюзную, но и на всемирную арену.

Велика в этом заслуга Николая Тихонова. Вот почему произносит с таким особым уважением имя замечательного русского поэта писатели всех республик, входящих в Советский Союз.

Здесь же хочется отметить, что дружба русских и грузинских писателей прошлого столетия была скорее личной и не носила характер деловой литературной дружбы, такой, как понимаем мы ее сегодня.

Великие русские классики, разумеется, еще не знали грузинскую литературу и ее историю. Сегодня мы можем лишь гадательно предполагать или на слово верить специалистам, что Пушкин, например, был знаком хотя бы в пересказе с «Витязем в тигровой шкуре» и что упоминаемый им

«поэт той чудной стороны» — не кто иной, как Руставели. Что же сказать о переводах с грузинского языка на русский. Известно, что в 80-х годах Илья Чавчавадзе мечтал о русском переводе хотя бы нескольких образцов грузинского стиха.

Настоящая деловая литературная дружба русских и грузинских писателей начинается с 30-х годов нашего столетия. Именно в начале 30-х годов перед Первым Всесоюзным съездом писателей, когда по инициативе Максима Горького группа русских писателей посетила Грузию, была заложена основа для настоящей деловой дружбы, вылившаяся в систематическое сотрудничество по переводу с грузинского на русский язык. Основную и решающую роль в этом деле сыграл Николай Тихонов вместе с Борисом Пастернаком и Николаем Заболоцким.

Николай Тихонов в то время был сравнительно молодым, но уже широко известным поэтом; позади остался сложный путь поэтических исканий, наступили годы творческой зрелости. Яркое свидетельство тому — замечательные «Стихи о Кахетии».

Я прошел над Алазанью,
Над причудливой водой...

Или:

...За Гомборами скитаясь,
Миновав Телав вечерний.

А разве можно забыть сказанные на «Алавердоба» слова печальной любви:

О не пившей и не евшей,
Не смотревшей на меня...

Помню, с каким восторгом повторяли эти строки в Грузии мы — поэты и многочисленные почитатели поэзии. К сожалению, многих из них сегодня нет уже среди нас.

С тех пор вдохновение Николая Тихонова неутомимо парит над вершинами Грузии, и большой мастер русского стиха не знает усталы в волшебной перечеканке грузинских строк на русский лад. И благодарная Грузия в юбилейные дни нашего великого предка заслуженно наградила Николая Тихонова высшей национальной наградой — Грузинской Советской Социалистической Республики — премией Руставели.

От всего сердца поздравляю Николая Тихонова с 70-летием со дня рождения!

Симон ЧИКОВАНИ

Как песня, молодой

Николай Семенович Тихонов — выдающийся советский поэт, один из зачинателей и основоположников советской поэзии, разносторонний деятель советской культуры — прозаик и очеркист, публицист и автор блистательных переводов, неутомимый общественный деятель, один из пионеров великого современного движения за мир.

Трудно представить, как одна человеческая жизнь может объять такой огромный мир впечатлений и наблюдений, знаний и интересов, борьбы и творчества. И, конечно, не случайно признание, которым Николай Семенович открыл предисловие к одному из сборников избранных своих произведений: «Иногда мне кажется, что я жил несколько жизней». Мы ничего не скажем здесь о «первой жизни» писателя — об его детстве и юности, об его долитературной биографии — это был своего рода период «первоначального накопления» жизненного и духовного опыта, который обрел затем вторую свою жизнь — жизнь в искусстве — во всемирно из-

вестных поэтических книгах Тихонова «Орда» и «Брага» (1919—1924 гг.), в книгах, сыгравших исключительную роль в становлении и развитии всей советской литературы наряду с лучшими творениями тех лет Маяковского и Есенина, Асеева и несколько позднее Баррицкого. Уже эти первые поэтические книги Николая Тихонова, смело утвердившие в русской поэзии новую тему героической борьбы народа за свободу, достоинство и счастье человека, обогатили вместе с тем русский стих новыми ритмами и интонациями, новым образным видением мира.

В год Октябрьской революции Тихонову было двадцать лет. И именно Октябрь кристаллизировал поэтический дар автора «Орды» и «Браги», именно идеи Октября и многообразный бурный поток новой жизни, начало которой положил Октябрь, предопределили все дальнейшие духовные и творческие поиски Тихонова, его человеческую и поэтическую биографию. Он сам писал об этом позднее: «Я, как и многие поэты нашего времени, могу сказать, что меня сделала поэтом Октябрьская революция. Она открыла мне глаза на мир и

Из личного архива С. Чиковани. Публикуется впервые.

воспитала во мне чувство того великого интернационализма, которое соединяет народы и дает им силу в борьбе за будущее».

Чувство великого интернационализма — вот, пожалуй, основа основ писательской и общественной работы Николая Тихонова. Чувство дружбы, с силой подлинной высокой страсти живущее в душе писателя, определило и направило все его поиски — поиски темы и поиски пера. Все маршруты на карте тихоновской поэзии выверены по этому безошибочному духовному компасу, магнетическая сила которого открыла поэту Грузию и Армению, Среднюю Азию и Дагестан, Пакистан и Афганистан, Китай и Индию, Францию и Бельгию, почти весь мир. Так родились поэтические книги Тихонова «Юрга» и «Стихи о Кахетии», «Тень друга» и «Горы», «Грузинская весна» и «Два потока», «Серго в горах» и «Стихи о Китае». К этой же

Я не изгнанник, не влекомый
Чужую радость перенести,
Мне в этом крае все знакомо,
Как будто я родился здесь.

Этими строками открывался знаменитый цикл Тихонова «Стихи о Кахетии», и в этих строках был уже дан ключ ко всему идейному, эмоциональному и тематическому строю цикла. Не взгляд туриста или случайного путника, увлеченного экзотикой незнакомого и чуждого края — а сердце, душа, взгляд, слух, острейшее восприятие обратима и неразлучного друга, сроднившегося с полюбившимся ему краем, постигшего все тайные богатства человеческих душ и природы, культуры и быта, прошлого, настоящего и будущего Грузии. Как мы знаем, эта братская дружба с Грузией дала и другие обильные всходы — Николай Тихонов оказался одним из первых зачинателей то-

На этом снимке, сделанном в 1935 году, Н. Тихонов с супругой (в первом ряду, в центре) — среди грузинских писателей: И. Мосашвили, А. Кутатели, С. Чиковани (стоят, слева направо), А. Шаншишвили (сидит, крайний справа). Крайняя слева — его супруга — М. Шаншишвили.

творческой линии относится и значительная часть замечательной прозы Тихонова — его рассказы о Востоке — Советском и зарубежном.

Для меня, как для грузинского поэта, особенно дороги стихи Николая Тихонова, посвященные моей родной Грузии. Тем более, что среди этих стихов встречаются изумительные шедевры тихоновской лирики, подлинные жемчужины всей новой русской поэзии — такие, как «Гомборы» и «Цинадали» или, скажем, «Ночной праздник в Алаверды».

го великого литературного процесса, который называется переводами художественной литературы народов СССР. Тихонов — переводчик, Тихонов — редактор, Тихонов — знаток и страстный пропагандист грузинской (и, конечно, не только грузинской!) поэзии — это тоже целая жизнь, большая жизнь поэта, достоящая, чтобы прославить любой подлинный талант. А если подвиг такой самоотдачи совершен поэтом ярчайшего дарования, одним из лучших представителей современной русской поэ-

зии — то трудно, конечно, переоценить значение подобного творческого подвига.

«Мне в этом крае все знакомо», — эти слова мог бы повторить Тихонов о любом крае, «переселенном» им в свои стихи. Человек обширнейших и детальнейших знаний, почерпнутых из книг, Тихонов никогда не был кабинетным и книжным знатоком мира. Он чужд ли не пешком исходил Грузию и Армению, Дагестан и Среднюю Азию. Он поистине «боками учил географию», и поэтому тема почти каждого его стихотворения — это не просто частица души поэта, а частица его биографии, его жизни в буквальном смысле этого слова. За каждой такой темой — страна, люди, события, с которыми писатель знакомился непосредственно, которые видел воочию.

Но есть у Николая Тихонова заветный уголок души, являющийся заместителем самых, быть может, дорогих и кровных, интимно-близких и страстных дум, чаяний и переживаний. В душе поэта живет и всегда будет жить образ родного Ленинграда, с которым связана почти вся его жизнь. Он — сын этого великого города, он его левец и он его солдат. И так же, как зимой 1939 года «в сумрачных зимних лесах Карельского перешейка» поэту-солдату помогла его прежняя закалка — «долгие походы по Кавказским горам, ночевки в лесах, на снегу, в скалах, под ветром и снегом» (так писал сам Тихонов в сво-

ей автобиографии), — точно так же весь свой прежний жизненный и литературный опыт, все свои знания, весь свой талант, все свое мужество мобилизовал Николай Тихонов с первых же дней Великой Отечественной войны и поставил их на службу родному Ленинграду, на долю которого выпали тяжелейшие из самых тяжелых испытания невиданной до того мировой войны. Прославленная поэма «Киров с нами» и «Ленинградские рассказы» — литературный итог этой поры.

Не удивительно, что поэт и боец, участник первой мировой, гражданской, финской и Великой Отечественной войн, герой защиты красного Питера и обороны Ленинграда, в гущу битв познававший ужасы войны, — не удивительно, что старый солдат Николай Тихонов стал активнейшим сторонником мира. Он с самого начала возглавлял Советский Комитет защиты мира, затем стал и членом Всемирного Совета Мира, а в 1958 году Международный Ленинский Комитет присудил ему премию «За укрепление мира между народами».

Поэт и боец не знает старости и успокоения. И его стих, его ораторская речь — по-прежнему огненные, страстные, вдохновенны. Таким его знает и любит советский народ, таким он живет в наших сердцах —

Седой, как сказанье,
И как песня, молодой.

Нина ТАБИДЗЕ

Из воспоминаний

В бригаду Оргкомитета, приехавшую перед Первым съездом советских писателей в Грузию, входил и Николай Семенович Тихонов.

Каждому, кто с ним впервые знакомился, надолго запомнились его маленькие, синие-синие, напоминающие финские озера, глаза, очень живые и веселые. Поражал его необычайный оптимизм. Очень часто, рассказывая что-либо, он начинал смеяться и, смеясь, передавал все так весело и интересно, что всех заражал своим смехом: слушали его обычно залпом. Это его черта — душевное веселье, заражающее окружающих, — осталась в нем и до сих пор. В задумчивом смехе Тихонова — он весь, с его любящим сердцем и ясной душой, с его прекрасной поэзией.

В 1934 году Тихонов приехал не впервые. Он бывал на Кавказе и раньше. Он обошел всю Сванетию, перешел из Дагестана в Кахетию, и уже тог-

да ему горячо полюбились Грузия, верным другом которой он остается и по сей день.

Приезжая в Тбилиси, Николай Семенович любил бывать у своих друзей, встречавших его с распростертыми объятиями, посещал театры, музеи, знакомился с окрестностями Тбилиси.

Однажды он приехал вместе с женой Марией Константиновной в Грузию на отдых, решив провести его в Кахетию, в Цинандали. Там уже отдыхали Леонид Леонов и Бруно Ясенский с женой. Провожали Тихонова многие его друзья — грузинские поэты и их жены. Ехали по Гомборской дороге. В Гомборах, где мы остановились, Николай Семенович долго стоял как зачарованный, наблюдая изумительную картину заката солнца. В саду был накрыт стол и за столом, поднимая тосты за здоровье гостей, каждый старался доказать ему, как его любит и ценит.

В Цинандали Тихоновых устроили в том же доме, где отдыхали Леонид Леонов и Бруно Ясенский.

Побыв вместе с ними день, мы вернулись в Тбилиси. Но и потом мы с Тицианом и другие наши поэты часто навещали друзей.

Встречи проходили в старинном парке, где гуляли Грибоедов и Нина Чавчавадзе и где, предполагают, Александр Чавчавадзе принимал Лермонтова.

Вместе с поэтом Сандро Шаншиашвили и его супругой Тихоновы побывали в Алавердском монастыре на празднике «Алавердоба». Впечатление, оставшееся от этого фантастического вечера, Тихонов замечательно передал в своем стихотворении «Ночной праздник в Алаверды»:

...Чихиртмой, окажным дымом пахли
жаркие харчевни,
Над стенами баранов с перепуганным
лицом.
Люди чавкали и пели с кахетинской
истойой
И шумели по-хевсурски под навесами в
кустах.
Мчались всадники с шестами, и горящая
солома
Освещала все сучки нам на танцующих
шестах...
Больше не было покоя в дымах,
пахнувших металлом,
Ни в навесах сумасшедших, ни в ударах
черных ног,
Это старый бурый бубен бесновался,
клокотал он,
Бормотал, гудел, он бурю бурным волоком
волоком.
И упал я в этот бубен, что владычествую
выплыл,
Я забыл другие ночи, мысли дымные
клубя,
И руками рвал я мясо, пил из рога, пел
я хрипло,
Сел я рядом с тамадою, непохожий на
себя...

Тихоновы побывали в селении Джугаани — в гостях у Сандро Шаншиашвили. О нем — стихотворение «Джугань».

Очарованный гостеприимной хозяйкой — Марней Иосифовной Шаншиашвили, супругой поэта, Тихонов посвятил ей свои «Стихи о Кахетии».

Поэта покорила красота Кахетии, когда он, проезжая Сигнахи, увидел с высоты Алазанскую долину. Приехав в Тбилиси, он восторженно рассказывал об этом, и я невольно вспоминала переводчика Лозинского, который так же влюбленно смотрел из Сигнахи на долину реки Алазани.

Спустя несколько дней мы провожали Тихоновых в Москву, желали им провезти у нас и следующее лето.

С тех пор Николай Семенович как бы вошел в жизнь Грузии, усвоив ее сущность, ее ритм, темп, пульс. Он участвует во многих начинаниях, в праздниках и юбилеях, делит с грузинским народом его радость и горе.

...Бывая в Ленинграде, мы всегда посещали Тихоновых, которые приглашали нас к себе на Васильевский остров. В их семье каждый чувствовал себя как дома: Мария Константиновна принимала всех тепло и приветливо. Здесь можно было встретить и начинающих поэтов, и писателей, известных всей стране. Время проходило весело, непринужденно. Сестры Марии Константиновны чудесно пели. Даже кот, которому надевали очки, казалось, принимал участие в общем веселье.

Когда мы впервые были у Тихоновых, Николай Семенович читал свои переводы стихов Тициана, Георгия Леонидзе и других грузинских поэтов. Было удивительно, что некоторые из них Мария Константиновна знала уже наизусть.

В 1937 году в Ленинграде был устроен вечер поэзии Тициана. Организатором, вдохновителем и руководителем его был Н. Тихонов. Открывая вечер, он произнес очень теплое вступительное слово. Он вообще умел представлять нового человека с любовью, большим тактом, так что аудитория принимала его как уже знакомого, очень близкого человека.

Гурам АСАТИАНИ

Да не угаснет чистый свет сердец!

Два выдающихся поэта современности, русский и украинец — удостоены премии имени Руставели. Естественно, что в такой день чувства наши приподняты от сознания необычайности происшедшего. Возможно, кто-нибудь расценит это как проявление национального тщеславия. Но

мы знаем и другое слово, которое не утратило своего высокого значения. Это — гордость, гордость народа за свое прошлое и настоящее, за свою жизнь, за бессмертие своей культуры, за ее истинных друзей.

Мы дети очень древнего народа, кото-

рый, однако, еще не потерял вкуса к жизни, не растратил свою веселую веру в земные чудеса, и поэтому поэзия Николая Тихонова, праздничная, веселая, бесноватая сила «Орды» и «Браги» близка и понятна нашему сердцу.

Мы потомки старых мастеров, умевших поражать человеческое воображение глубиной замысла и тончайшей работой, и поэтому творчество Микола Бажана, отмеченное высокой культурой мысли и чувства, близко нам по духу.

Нам приятно сознавать, что 30 лет тому назад русский поэт, открывший на нашей земле новые краски мира, вместе с тем как бы нашел и самого себя и свой истинный поэтический голос, что после целого десятилетия понсков и метаний в «Стихах о Кахетии» Николай Тихонов смог навсегда преодолеть ощущение мучительного разлада между серой реальностью и красочной выдумкой поэзии, когда перед взором поэта вновь «возник мир цветущий».

Волной вселенского размера
Лесов немеркнувший прибор?

Николай Тихонов был одним из первых русских поэтов нашего времени, открывших для советского читателя наш край. Что может сравниться с чувством, которое добрый садовник, убеленный седной, но еще не уставший, не состарившийся, должен испытывать при виде того, как посаженные когда-то его руками крупные ростки превратились в высокие, красивые деревья. Что может быть слаще их плодов. Тихонов перевел многих грузинских поэтов — и классиков и современных. Неудивительно, однако, что особенно близкой для него стала поэзия тех мастеров грузинского стиха, которые своим творчеством непосредственно были связаны с воспетой им Кахетией. И в первую очередь здесь надо сказать о поэзии его ближайшего друга, ровесника, собрата по перу — Георгия Леонидзе. Образ грузинского поэта как бы

С. Чиковани, Н. Тихонов и М. Бажан.

Я не изгнанник, не влекомый
Чужую радость перенести,
Мне в этом крае все знакомо,
Как будто я родился здесь.

И все ж с гомборского разгона,
Когда в закате перевал,
Такой неистово зеленой
Тебя, Кахетия, не знал...

И к поэту вновь вернулось былое ощущение грандиозности явлений бытия, присущее лучшим стихам его молодости.

Но где найдется чувству мера,
Когда встает перед тобой

навсегда был вписан в тот немеркнувший, светящийся всей пестротой фазаных крыл, многоцветный мир, каким Грузия предстала перед глазами русского поэта.

Заря через сумрак рассветный
Как розовый кралась олень,
Являлся потом многоцветный,
Стихами пронизанный день.

И правды стиха не унизив,
Природа вставала над ней,
Над шквалами строф Леонидзе
Всей песенной силой своей...

Мы знаем, что воспевая «ликование громких лавин Кавказа», проникаясь строгой любовью к величавым башням Сигнахи, Тихонов везде, в каждом своем стихотворении оставался прежде всего русским поэтом. И искренность этой любви и «верности такой, что все ничто пред ней», тем более дорога, что это есть любовь друга, который пришел к нам с открытой мужественной душой, пришел как товарищ строить новую жизнь и новую поэзию.

Своей дорогой шел к Грузии и Микола Бажан — один из крупнейших мастеров современной украинской поэзии.

Он принес с собой в нашу страну дыхание поэзии, исполненной драматизма исканий, сложный мир страстей и образов, пронесенных поэтом через чистилище своего духа.

Многие поэты переводили поэму Руставели, и каждому из них мы признательны за благородный труд. Но очень немногим удавалось добиться того, чтобы созданное в другой стране, на другом языке произведение превратилось в явление истинной поэтической значимости их родной литературы.

Осуществленный Миколой Бажаном перевод «Витязя в тигровой шкуре» — результат не только многолетней творческой работы. Это следствие многих лет жизни, горения, глубокого проникновения в мир Руставели. Это плод вдохновения, рождающего не бледный отблеск оригинала, а ощущение самой жизни.

И здесь, безусловно, отразился тот бесценный опыт, те живые впечатления, мысли, чувства, с которыми поэт шел по Грузии, по старой Тmogвнйской дороге над руинами древнего Кутаиси, с которыми он склонялся над вновь вырытой на Мтацминде могилой Важа Пшавела, делия со своими друзьями — грузинскими поэтами переживание величия минуты. В такие мгновения мир Руставели должен был оживать, раскрываясь в причудливой игре света и тени, в трагическом контрасте между «недолговечностью человека и надолго задуманной огромностью его задач». И заветы Автадила воплощались в живом трепете близких сердец.

Таким должен был представлять мир Руставели перед украинским поэтом и спустя четверть века, когда он переводил стихи Ираклия Абашидзе, воскрешая вслед за оригиналом интимный облик и души сокрытые движения автора бессмертной поэмы.

...Та ночь Мтацминды, когда молодые писатели новой Грузии и их друзья стояли

вокруг гроба великого Важа Пшавела — навсегда врезалась в память поэта.

Цე раз було — щого не буде двічі,
Була тбіліська ніч і вш
Ліш череп твій
Жахаючись, в твої вдвлявся вічі,
Земля лежала в них, і тьма, і супокій.

Я хочу привести эти стихи в грузинском переводе Симона Чиковани:

ეს მოხდა ერთხელ, არ იქნება განმეორებით,
ვნახე მთაწმინდით შენი ქალა, ლამე თბილისის
თვალთა უკენში ჩაეცქეროდი მძრწროლავ
გონებით,
შოგ იყო მიწა, სიწყნარე და სიბნელე ნისლის.

მათზე — ილია, ალექსანდრე, ვაჟა, ავაკი,
ქვემოთ ხმაურობს გაწოლილი დედა-ქალაქი, —
ახალ მნათობით შევსებულა შუქი მგოსნების,
ვარსკვლავებივით სიმალდიან ამკობენ ქალაქს
და როგორც ხმლებით სამკუთხიან

გვიბაროსებით
მიწა და ქვები ფშველ რაინდს აძლევენ საღამს.

То, что святыя для нас имена — Важа, Акакий, Александр, Илья — зазвучали в украинском стихе, вместились в сжатую, чеканную строку поэта, то, что они навсегда вошли в неделимость его чувства, это предопределили люди, в течение многих лет делившие с ним и сердце, и жизнь, и тепло души, и самые высокие ее порывы.

И в первую очередь это был человек, перу которого принадлежит перевод стихов Бажана.

Многие замечательные поэты возводили величественную арку дружбы народов, дружбы литератур. Многих нет сегодня среди нас. Поредели ряды пионеров этой дружбы...

Приветствуя Николая Тихонова и Миколу Бажана, мы че можем скрыть горечи, что сегодня среди лиц, разделяющих их радость, отсутствуют люди, вся жизнь которых как будто ждала и предчувствовала этот прекрасный день.

Пусть жар их сердец, умевших так горячо верить во все, что есть истинно прекрасного в человеческой жизни — в любовь, в верность, в дружбу, — пусть этот жар души согреет сердца их друзей, продолжающих биться и пылать и поныне.

Да не угаснет свет, рожденный чистым горением таких сердец.

Михаил ДУДИН

ВОСЕМЬ СТРОФ НА МОГИЛУ ГЕОРГИЯ ЛЕОНИДЗЕ

Ушла из глаз живая жизнь
В заоблачные выси.
Как твой высокий оптимизм —
Печален был Тбилиси.

И заскользила тень крыла
По трепету крушины.
Нет в мире неба без орла,
Нет без орла вершины.

Ты все что мог и смел, — свершил,
Спел песню в полный голос.
И песня, падая с вершин,
О камни раскололась.

Кто вправе оценить всерьез
Ту песню без улыбки.
Нет в мире музыки без слез,
Нет Правды без ошибки.

И этой грустной порой,
За этой песней следом
Я над полночною Курой
Шел никому неведом.

Густая ночь. Пустая ночь
И гор нагроможденье
Кричало в ночь, прося помочь,
Тоске перерожденья.

И очень тонкий диск луны
Сиял над снежной Ушбой.
И дух стиха под плеск волны
Грозился новой дружбой.

И только тень от бытия
Вдаль по волне бежала,
Как два тончайших острия
Хевсурского кинжала.

РОДНИК

1

С кувшином,
с чашей,
или с чашей рук
я прихожу к тебе,
твой сын и внук.

Я позабыл про все,
что позади,
и, на коленях
милости моля,
стою перед тобою... Посади
за голубую пазуху меня!

Израженный,
измотанный в борьбе,
измученный от чувств неразделенных,
губами припадаю я к тебе,
как припадает к вымени теленок...

2

Как ты журчишь —
неторопливо,
дарственно,
и это не считаешь ты за труд.
Тебе деревья кланяются царственно
и листья тебе на спину кладут.
Цветам себя ронять в тебя не жалко
—они плывут,
нисколько не скорбя.
Настиг ли ты
в своем пути фиалку,
или фиалка, может быть, тебя?
И ты себе течешь и не скупаешь,
течешь,
не зная, что там впереди,
и радуги, как девочек,
качаешь,
на доброй,
тихо дышащей груди.
Несешь надежды,
мысли о свободе,
с усталых ног смываешь пыль и прах.
По капелькам рассеянный в народе,
ты светишься на чьих-нибудь губах.

Все слезы жизни,
дивной и проклятой,
текут к тебе раздольно и светло.
Ты овеиваешь лица нам
прохладой,
как будто голубиное крыло.

Дай мне возможность
звездным быть ночами,
дай чистоту подземного ключа,
чтоб жил я не крича —
цветы качая,
журча, шепча,
а надо — рокоча...

3

Откуда ты узнал,
скажи, родник, —
о жажде губ моих,
о жажде сердца?
Быть может,
ты во плоть мою проник
и жилкой в ней пульсируешь
весенней?

Откуда ты узнал,
что я любил
с глазами родниковыми то чудо,
которое смешало мои чувства,
как ворох листьев, блекнувших
без сил...

Ты,
как вино священное стиха.
Тебе себя
я, как кувшин, подставил.
Я пуст.
Меня вином своим хрустальным
наполнил,
смыв сначала пыль греха!

4

День устает,
и ночь ложится спать.
Уходят солнце и луна на отдых.
А ты бессонен.
И в бессонных водах
отражена земная благодать.
Да,
замерзает и в морях вода,
но ты не замерзаешь никогда!
Да,
люди плачут полчаса и час,
но вечно плачешь ты
за всех за нас!
Да,
птицы улетают за моря.
Ну что ж —

такая, видно, птичья доля,
но, зависти в душе не затая,
ты никогда не изменяешь дому.
И если желчью не отравит враг,
в любой мороз ты все-таки

найдешься —
ты ситцевой рубахой обойдешься,
плащишком ветхим,
как любой бедняк.
С одним куском заплесневелым

мчади,
дита земли,
играя и шутя,
ты выступишь,
родник,
в любом несчастье,
как выстояло все перо Шота...

5

Омой мне сердце ласкою,
дремотой...
Заступником перед святыми будь!
А если сделал доброе я что-то,
то все-таки прошу я —
не забудь.
Простят ли люди мне,
что был так слаб

мой голос
в хоре моего народа?
Дай молоко твое —

не надо слов

и громкого посмертного надгробья!

Прошу я, —
за меня ты заступись
перед людьми,
перед моей страной,
хотя б за то,
что никогда не ноя,
взметал я брызги радужные ввысь!
Не затопи мой сад.
Не растеряй
мои стихи случайно по дороге.
Неси хорошим людям
эти строки,
ну а плохим
не слишком раздаряй.
И для меня
у неба попроси
прощенья за грехи мои —
не казни.
А если я иссохну, —
ороси,
не пожалей какой-то лишней капли.

БЫЛО—КАХЕТИЯ!

Это
было,
как лик Арагвы.
Это было,
как лихорадка.
Было —
нежно
всем наперекор —
губы неба
с губами гор!
Было —
грубо,
как «Жги!»
«Топчи!»

Было —
глухо,
как бьются мечи.
Было —
обвалы.
Было —
расстрел.
Поцеловала...
Окаменел...
Было —
и сплыло!
Было —
Кахетия!
Солнце было!

Перевод с грузинского Евг. Евтушенко.

ДВА ТОСТА ИЗ ПОЭМЫ «ТАМАДА»

* * *

Поначалу выпьем все мы
 За красавиц этих гор:
 Сохранили наши геммы
 Тонкий профиль с давних пор.

Трех прекрасных дев когда-то
 Чавчавадзе воспитал,
 Катерину он просватал
 За орла мегрельских скал.

Но, прервав полет орлиный,
 Поразила смерть орла,
 И вдова сама дружины
 С гор на турок повела.

Мирная пора настала,
 И в Петрополе самом
 При дворе вдова блистала
 Благородством и умом.

Нину ждал удел суровый
 И терновый ждал венец:
 Век печалилась у гроба,
 Где умолк ее певец.

Тот, чьи рифмы мир вместили,
 Драматург, чужак в очках.
 Тот, чье имя возносили
 Декабристы, словно стяг.

И когда его творенье,
 Словно гром, разит сердца,
 В черном кто-то входит тенью,
 В свете ramпы замерцав.

Софью — светоч дня бесценный,
 Напоенный медом воск —
 Парижанин к водам Сены,
 Как реликвию, увез.

Озарял кареты стекла
 Лик ее, как свет луны,
 Пред ее красой поблекла
 Прелесть лучших жен страны.

Век спустя еще мечтали
 Все француженки иметь
 Очи в виде двух миндалин,
 Золотистые, как медь.

* * *

Утро. Ловит луч в бокале капли, золотом сверкая.
 Кручи пестры, как павлины, стаи туч, как попугаи.
 Скоро мастера палитра на покатых вспыхнет склонах,
 Серебро и чернь коснутся скал лиловых, раскаленных.

Разольется медью глина, пепел свой обрушит лава,
 Грянут птиц лесных оркестры, затрещат цикады: «Браво»!
 Пусть не мучит нас тревога о красе земли и здравьи.
 Погляди, Кура с Арагвой были сном и стали явью.

Перевод с польского А. Ревича

Давид КВИЦАРИДЗЕ

Марина, где ты?...

РОМАН

Перевод с грузинского Д. Мгеладзе

«РИОНИ»

У входа в сборочный цех стояли Гиви Чхеидзе, Шота Варданидзе и Ладо Гордадзе.

Гиви заглядывал в щелочку и знаками сообщал друзьям что-то насчет того, что происходило в цехе. Только что закончилась смена, и товарищи, приняв душ, тотчас же отправились проведать, как шли дела у Гоги. В последнее время они особенно сблизились, ребята не отходили от Гоги, который заканчивал наладку последних узлов своего «Риони». Друзья помогали ему отливать нужные детали. Такие уж это были ребята — на все руки мастера, и в слесарном деле мастаки, и в токарном, и в наладочном. Словом, втроем заменяли целую бригаду монтажников-наладчиков.

Гиви, глядя свозь щелочку в цех, махал рукой ребятам: мол, подойдите поближе. Первым заглянул Ладо, за ним — Шота. Гоги Ломидзе, сидя на полу, прислонился спиной к колесу своего трактора-малютки и... спал, свесив голову набок.

— Как вам это нравится? — буркнул Ладо.

— Пошли! — решительно сказал Шота.

Гиви осторожно открыл дверь. Простая дощатая дверь резко закрипела. Но Гоги продолжал спать — он не слышал ни этого скрипа, ни шагов троих друзей.

Он спал, причмокивая во сне губами, как маленький ребенок.

Ребятам стало жаль будить его. Они стояли, окружив его с трех сторон, и молча смотрели на него.

Прошло несколько минут. Гоги потянулся, открыл глаза, потер их тыльной стороной ладони. Потом посмотрел на часы.

Заметил ребят, усмехнулся.

— Давно вы здесь?

— Мы тайком пробрались сюда, чтобы похитить «Риони» или его автора, — грозно произнес Гиви.

Гоги искренне обрадовался друзьям. Последние три дня он и впрямь жил совершенным отшельником, никого не видал, ни с кем не разговаривал...

Его работа подошла к концу, «Риони» уже готов. Дня через два-три будут назначены заводские испытания.

Гиви Чхеидзе торжественно объявил:

— Приемная комиссия в составе трех человек — это мы, иланайтесь, ребята, — постановила отметить рождение новой машины поездкой за город. Что вы на это можете сказать?

Гоги улыбнулся, кивнул головой, спросил:

— И где вы собираетесь отметить это событие?

— Чего-чего, а таких мест в окрестностях нашего города сколько угодно, долго искать не придется.

По виду Гоги можно было заключить, что он все еще колеблется.

— Сегодня суббота, — принялся за математические вычисления Шота, — испытания назначены на той неделе, не так ли? — Гоги снова кивнул.

— Так не будем терять драгоценного времени, отправимся в путь!

— Пошли! — согласился наконец Гоги. — Подчинюсь грубому насилию.

Окончание. Начало в № 11.

Они вышли из маленькой загородки, отведенной для ломидзевского «Риони». Гоги защелкнул на двери замок, запер на ключ. У входа их поджидал какой-то парень.

— Вы ко мне? — спросил Гоги.

— Вас вызывает директор. Дважды приходил я сюда, но оба раза двери были закрыты.

— Я спал, — объяснил парню Гоги.

— Директор просит вас зайти, — напомнил тот.

— Ребята, подождите меня в проходной, я сейчас подойду. — И Гоги отправился к административному корпусу, где на втором этаже находился кабинет директора.

В приемной за столом сидела Лалиса. Против обыкновения она не встретила его улыбкой. Да что там улыбка — даже головы не подняла от бумаг. Гоги не сомневался в том, что она увидела и узнала его. Ему даже показалось, что когда он открывал дверь директорского кабинета, девушка вслед ему прощала:

— Начинается...

Директор стоял у окна и смотрел на улицу. В ответ на приветствие Гоги он молча кивнул головой — это показалось молодому инженеру малообнадеживающей приметой.

— Так вот, товарищ Ломидзе, — начал директор без предисловий, — работа над валлим «Риони» чрезвычайно затянулась. Трактор — маленький, а хлопот с ним — слишком много!

«Что за официальный тон?» — думал в растерянности Гоги. Он чувствовал, как в нем поднимается раздражение.

— Трактор готов. Можете хоть завтра назначить приемные испытания. Мне кажется, что лучше задержка на день-другой, чем провал. Работа проделана немалая. Почти все приходилось делать заново. Я не хотел срамиться сам, да и... — Гоги хотел сказать «вас», но в последний момент передумал, — завод подводить не хотелось...

Директор улыбнулся, но Гоги опять показалось, что в этой улыбке не чувствовалось теплоты, — или то была простая мнительность? Может быть... Директор отошел от окна, сел в свое кресло посредине стола и внимательно посмотрел на Гоги. Потом вздохнул и сказал:

— Итак, испытания — в понедельник. Проведем их не на полигоне, а в рабочих условиях — на горных участках Зестафонского района. Посмотрим, как проявит себя ваша машина...

Георгий Ломидзе-младший вытянулся, словно хотел ответить по-военному: «есть!» — но директор продолжал, не давая ему возможности вставить ни слова.

— Если все будет в порядке, сразу поставим вопрос о строительстве под Кутаиси завода по производству малогабаритных горных тракторов типа «Риони» вашей конструкции.

— Новый завод?.. — пораженный Гоги не находил, что ответить на эту произнесенную обычным деловым тоном фразу, которая превосходила самые смелые его мечты.

— Итак — до понедельника, — решительно закончил директор.

— Благодарю вас...

Подхваченный крыльями радости, покинул Гоги кабинет директора. В приемной в прежней позе сидела Лалиса. Не в силах сдержать удивления, проводила она взглядом Гоги — видно, для нее было неожиданностью, что он вышел от директора в таком веселом настроении, можно сказать — потеряв голову от счастья.

СУДНЫЙ ДЕНЬ

— Ты спишь, отец?

— Нет, сынок, заходи.

Гоги осторожно приоткрыл за собой дверь.

— Что ты там рассматриваешь с таким интересом?

— Вот, в газете, твой портрет и статью о тебе напечатали. Видал?

— Видал. Поторопились они в литавры бить.

— Почему, сынок? Завтра — испытания. Я верю — «Риони» выйдет из них победителем.

— Так это завтра. Чего же сегодня шум поднимать! — с досадой махнул рукой Гоги, присаживаясь на краешек кровати и беря газету из рук отца.

— Ну, завтра — понедельник. Наша городская не выходит.

— Напечатали бы во вторник, не пожар.

Георгий сразу заметил, что сын был не в духе — угрюмый, нахмуренный, и отвечал отрывисто, резко. Волнуется? Или боится? Что ж, и то и другое вполне понятно.

Сколько времени ждали этого дня, и вот он пришел — день испытания. Можно подумать, что всю свою жизнь он только и делал, что готовился к этому дню. Завтра...

Долго крутился Гоги вчера ночью, прежде чем удалось заснуть...

А отец делает вид, будто не замечает ничего необычного, говорит как ни в чем не бывало:

— Уже ставят вопрос о проектировании нового завода для твоего «Риони». Кажется, даже место для него подобрали, за городом, в дубовом лесу — не завод, а курорт будет. Так что дела ты завертел нешуточные.

— Если...

— Никаких «если», — перебил Георгий сына, — мы все верим в тебя, такое доверие оправдать надо.

«Еще раз проверить все, еще раз убедиться...» — повторял Гоги про себя, шагая по дорожкам заводского двора к своему цеху. Несмотря на воскресный день, ему навстречу попадались немало людей — знакомых и незнакомых, все с любопытством всматривались в него — как же, на весь завод знаменитость! — пожимали руку, желали успеха.

Завод жил своим рабочим ритмом, и только привычное ухо могло бы различить, что шум работы в этот воскресный день звучал приглушеннее, чем обычно. Но Гоги теперь не прислушивался, как всегда, к музыке заводских цехов — он любил по звуку различать цеха: вот шум компрессора, гул литейного, прохот кузнечно-прессового, ровное пульсирование главного конвейера...

Подойдя к своему закутку, на дверях которого по-прежнему красовался повешенный им замок, как будто никем не потревоженный («Артисты!» — с восхищением подумал он про отца и Владимира Джугели), Гоги вдруг переменял намерение и пошел обратно.

В детском саду окна закрыты снаружи деревянными ставнями и заложены щеколдами, но дверь открыта настежь. Младшие группы уже вывезли в Боржомское ущелье, в Ахалдаба — там был выстроен летний лагерь для детей автозаводцев. Но многие воспитательницы и нянечки еще укладывали и собирали все необходимое для отъезда.

Марина задержала отъезд своей группы — она нарочно затянула сборы, чтобы присутствовать при испытании «Риони». Гоги легко нашел ее в скверике, где всегда играли ее воспитанники, — это был их участок, и они с самым серьезным и деловым видом обрабатывали его совками.

Пройдя к знакомой голубой скамейке, Гоги сказал:

— Вам не скучно одной, уважаемая учительница?

Марина вскочила ему навстречу.

— Слава богу, и обо мне вспомнил наконец!

— Все упреки будут приниматься с послезавтра.

— А что такое послезавтра?

— А то, что с послезавтра мы всегда будем вместе.

Девушка быстро взглянула на Гоги — он говорил об этом как о решенном деле!

— Отец сказал, что нечего дальше тянуть и откладывать, — продолжал Гоги. — И он прав. Понедельник, сама знаешь, день тяжелый, да тут еще и эти испытания вклинились, а потом... — Он говорил самым беззаботным тоном, как будто дела, о которых шла речь, — совершенно будничные и обычные. Но Марина достаточно хорошо знала его. Она видела в его глазах затаенный огонек ожидания и счастья.

По-детски всплеснув руками, Марина закружилась на одной ноге.

— Завтра! Послезавтра! Завтра! Послезавтра! — вполголоса напевала она.

— Отец сказал, что как расширится, мы будем жить у нас, а он перейдет...

Девушка внезапно остановилась. Удивленно уставилась на Гоги.

— Почему? Мы ему будем мешать?..

— Не знаю, — Гоги пожал плечами. — Он так сказал.

Но сейчас для Марины все вопросы решались легко и быстро — она была счастлива, и ей хотелось, чтобы все кругом тоже были счастливы.

— Никуда мы его не отпустим! Пусть почувствует, что такое дочь в семье, пусть узнает, что такое женская рука в вашем хостяцком доме...

И снова завертелась, потом побежала к своим ребятам, растормошила их, поставила в хоровод, закружилась с ними. Веселый смех разносился под елями, а потом дети все вместе закричали, и в их хоре выделялся звонкий голос их воспитательницы:

— Дядя Го-ги! Дядя Го-ги! И-ди-те!..

Дети, выстроившись парами, идут к своему садику — пора завтракать. И в самом конце этой веселой гомонящей колонны, тоже взявшись за руки, идут Марина и Гоги.

— Сегодня вечером идем в театр, — говорит Гоги. — У меня два билета.

— Меня возьмешь? — смеется Марина.

— Тебя? А для кого же у меня второй билет?!

— Взял бы три, и отец с нами пошел бы.

— Отец сам и брал эти билеты, — говорит Гоги. — Пригласи, говорит, свою Марину, а то, говорит, совсем бирюком заделался.

— Так и сказал: «свою Марину»? — спрашивает девушка.

— Так и сказал. Так что к семи часам будь готова, я найду за тобой.

— Зачем тебе такой крюк делать? Мне по дороге.

— Только не заставляй ждать. — Он потянул Марину за руку, нагнулся к ней — хотел поцеловать. Но оглядевшись вокруг, не решился и убежал.

...Гоги в белой рубашке стоит перед зеркалом и старательно повязывает галстук.

То и дело его глаза непроизвольно тянутся к часам, но минутная стрелка будто остановилась. Рядом с часами на стене висит большое фото в рамке — на нем Георгий Ломидзе, еще молодой, но такой знакомый. И куда бы Гоги ни пошел, из какого бы угла комнаты ни посмотрел на фотографию, кажется, что отец неотступно следит за ним и улыбается чуть-чуть, словно хочет поделиться какой-то современной тайной.

Гоги подошел к окну, уперся лбом в прохладное стекло. Там, за окном, по улице проносятся машины, снуют люди. Там, за окном, ветер, всегдашний кутаисский ветер, суматошливый и порывистый, пригибающий к земле ветки молодых тополей, вздымающий тучи пыли, срывающий шляпы с мужчин, задирающий подолы платьев у женщин.

Часы пробили семь.

Гоги смотрит на улицу. Марины не видно. Только машины, деревья и ветер. Казалось, что люди попрятались от этого сумасшедшего ветра, что он разогнал их по домам, по подьездам.

«И надо же ему было подняться именно сейчас», — с досадой думает Гоги. Но разве бывает Кутаиси без ветра?

Где же Марина?

Снова бьют часы. Один раз. Половина восьмого.

Видно, девушка так увлеклась сборами, что позабыла о времени. Ах, эти женщины! Как начнут наряжаться да прихорашиваться, обо всем на свете забывают.

Время идет.

Теперь оно бежит, стремительно и неотвратно, а не тянется с бесконечной медлительностью, как это было час назад.

Сейчас они уже должны бы сидеть в театре.

Он подходит к окну. Выглядывает на улицу. Открывает окно, чтобы посмотреть подальше, в самый конец улицы, — может быть, там уже показалась Марина?

Но вдруг новый порыв ветра вырывает раму из рук Гоги, и осколки стекла сыплются на пол.

Только этого не хватало в этот проклятый вечер!

Гоги с трудом захлопывает окно. Закрывает ставню. Подбирает осколки.

Часы бьют один раз.

Это уже половина девятого.

Ждать больше нет смысла.

Нет смысла надеяться, выглядывать, прислушиваться к каждому стуку на лестнице.

Может быть, что-то произошло — неожиданное, страшное, что-то такое, что помешало ей прийти вовремя?.. Может, ей стало плохо? Или случилось какое-нибудь несчастье?

Гоги срывает пиджак со спинки стула и, на бегу продевая руки в рукава, стремглав сбегает по лестнице.

Ветер бьет в лицо, сбивает с ног, хлопает полами пиджака. Гоги, прыгнувшись, бежит по улице.

«Может быть, Марина испугалась ветра?» — думает он.

Чем ближе к дому Марины, тем медленнее идет он.

Ближе, ближе... Там, за углом больницы, ее дом.

Вот и знакомая дверь.

Гоги поднялся по лестнице. Перевел дух. Наконец решился: поднял руку и постучал. В ответ ни звука. Постучал другой раз, третий. За дверью — молчание.

Налет на дверь. Она легко подалась и открылась.

Зайдя в комнату, Гоги быстро огляделся кругом. Картина, представшая его взору, заставила его в ужасе отпрянуть.

Дверцы шкафа распахнуты настежь. Платья Марины валяются на полу беспорядочной кучей. Незастеленная постель сбилась комом.

В угловом окне разбито стекло. Одна створка беспомощно раскачивается на петле под порывами ветра и громко хлопает по стене. Занавесь над окном оборвана. Ветер свободно носится по комнате.

— Марина! — кричал Гоги.

Голос, подхваченный порывом ветра, исчез где-то за окном.

— Марина!

Что случилось? Что произошло в этой всегда такой тихой и аккуратно прибранной комнатке? Куда исчезла девушка?

— Марина!

Гоги мечется по комнате, не отдавая себе отчета, заглядывает в шкаф, под кровать, выбегает на кухню. Все в квартире вверх дном.

И только ветер, беспрепятственно проникавший в открытое окно, оживляет безжизненный хаос пустой комнаты.

Гоги безотчетно закрыл окно на задвижку. Но ветер по-прежнему завывал в пустой раме, и казалось, что это живой голос, мольба беспомощной девушки о помощи, крик боли и страдания.

Что делать? У кого узнать о том, что произошло здесь?

Кого спросить о Марине?

Выбежав в коридор, Гоги стал стучать в дверь соседней квартиры, но там тоже никого не было. Слово весь дом опустел, вымер, пораженный неведомой болезнью.

Вернувшись снова в комнатку Марины, он решил еще раз оглядеть ее — по возможности спокойно, внимательно, взвешивая любую мелочь.

Под стеклом маленького письменного столика, стоявшего в углу, Гоги заметил тетрадный листок, сложенный вдвое. Торопливо вытащил его, развернул.

Ветер воеет, визжит и стонет, проникая в разбитое окно...

Гоги замер, словно каменное изваяние. Он пытается кричать, застонать, позвать на помощь, но дыхание замерло в горле и он не может издать ни звука. Он хочет перебить, разнести все вокруг, но руки и ноги не слушаются его, застыли в неподвижности.

Потом вдруг, прохрипев что-то нечленораздельное, он поворачивается и стремглав выбегает на улицу.

...Ветер нагнал тучи. Начался дождь. Капли бьют в лицо, заливают лоб, застилают глаза.

Бежит Гоги, ничего не видит кругом.

И в ушах его — не шум ветра, не мокрый плеск дождя по мостовой, не ошалавшие сигналы встречных автомобилей. В ушах его знакомый, родной голос, звучащий глухо, надтреснуто, с нескрываемой грустью.

«Гоги, любовь моя и беда моя. Я не могу больше видеть тебя, не смею заглянуть в глаза. Горе мне, несчастной. Однажды я сказала тебе, что мне не суждено быть счастливой...»

Как назвать мне тебя? Любимый? Не имею права. Родной? Да, родной! Даже больше того — брат мой!

Ты — брат мне.

Увы, это так. В этом не может быть сомнения. И эта весть погубила меня. Может, лучше было бы скрыть все от тебя? Похоронить в сердце? Скрыться молча, чтобы в памяти твоей все осталось по-прежнему до самой могилы? Может, тогда хоть ты бы остался счастливым?...

Что мне писать...

Не ищи меня, Гоги. Это моя последняя просьба.

Марина».

Вот что прочитал Гоги на том листке в косую линейку, вырванном из школьной тетрадки.

...Он удивленно остановился перед дверью своей квартиры. Навалился на нее — она оказалась заперта. Гоги не мог вспомнить, захлопнул ли он ее, выходя, или оставил открытой.

Все также бессознательно, безотчетно нащупал он ключ в кармане, встал в прорезь замка, повернул. Стукнул в дверь башмаком. Дверь распахнулась и он очутился прямо в отцовской комнате.

Огляделся. Никого не было. Гоги показалось, что здесь тоже царил беспорядок, и ветер, проникший в разбитое окно, разгуливает по комнате с жалобным воем. И этот вой снова напомнил ему женский плач, мольбу о помощи.

С протяжным звоном пробил час. Гоги взглянул на стену: половина десятого. Рядом с часами с большого портрета загадочно и таинственно улы-

боялся Георгий Ломидзе. Сын смотрел на фотографию с нескрываемой враждебностью.

— Молчишь?! Всегда, всегда молчишь... Почему ты не сказал мне, кто моя мать, кто моя сестра! Ну же, заговори хоть сейчас, произнеси хотя бы одно слово, отец! Мой несчастный отец... Ты все глядишь, и улыбаешься, и молчишь!..

Гоги закрыл лицо руками, упал на стул, уронил голову на гладкую, полированную поверхность стола.

За окном бушевал ветер.

Снова поднял голову, посмотрел на портрет отца.

— Зачем ты скрывал от меня, что я не единственный твой сын, что у тебя была и дочь?! Я бы обязательно догадался, почувствовал, понял, что это Марина... А ты молчал, молчал, все скрывал в своем сердце.

Он встал, теперь уже необыкновенно спокойный, как человек, принявший решение. Вышел на улицу, аккуратно притворив дверь, щелкнул замком.

«Надо найти его, во что бы то ни стало найти и поговорить, расспросить, разузнать обо всем».

...А Георгий Ломидзе тем временем был на заводе. Отправив сына в театр, он решил в последний раз устроить «Риони» свои собственные испытания — такой у него был характер, пока сам во всем не убедится, не успокоится. И вот он примеряется к сиденью трактора-малютки: «Ничего, удобно», — включает зажигание, то пустит мотор на полную мощность, то приглушит. И слушает, слушает... Ровно, без перебоев и натуги бьется сердце новой машины. Здоровое сердце, сильное и надежное. А раз сердце здоровое — значит жить долго будет. Это он по себе знает... Георгий приложил ладонь к груди с левой стороны, прислушался, усмехнулся: «Вот этот мотор уже барахлить начал. Ничего не поделаешь — перегрузки!»

Выходя из цеха, Георгий заметил Сандро Мелия. Он стоял у двери и, увидев Ломидзе, подался навстречу. Видать, его поджидал. Георгий приостановился, посмотрел на Сандро: что, мол, скажешь?

— Здравствуйте, уважаемый Георгий!

— Что так поздно на заводе, Сандро? Дела покоя не дают?

— Я вас разыскивал.

— В чем дело?

— На ваше имя пришло письмо. Никак раньше передать не мог — тинде не нашел, — сказал Сандро.

— Давай, — сказал Георгий.

Сандро сунул ему в руки голубой конверт и поспешно вышел. Проводив его взглядом («с чего это он вдруг решил почтальоном заделаться?»), Георгий прислонился к стене и надорвал конверт.

...Владимир Джугели не долго ломал себе голову над тем, где можно скорее всего разыскать в этот вечер Георгия Ломидзе. Он направился к сборочному цеху, где был участок «Риони». Увидев, что на двери не было замка, он улыбнулся: конечно, Георгий здесь, как же иначе!

Толкнул дверь и сразу же остановился пораженный. За порогом, раскинув руки, навзничь лежал Георгий. Владимир бросился к нему, повернул на бок, приложился ухом к груди.

— Доктора!

Вбежала какая-то девушка из ночной смены, увидела парторга, склонившегося над бездыханным Георгием Ломидзе...

— Врача, скорее!

...И всплеснув руками, убежала.

Через минуту времянка наполнилась рабочими. Прибежали Гиви и Ладос.

— Вызовите скорую помощь! Его надо немедленно перевезти в больницу!.. — суетились вокруг. Но Владимир решительным жестом заставил всех замолчать.

— Раздайтесь, дайте больше воздуха. У него — сердечный приступ, в таких случаях трогать с места нельзя. — Владимир пытался нащупать пульс Георгия и только сейчас заметил в руке у него скомканный листок бумаги. Осторожно высвободил, расправил, пробежал глазами. Оглядел всех вокруг.

— Кто был здесь последним?

Все молчали.

— Никто не видел кого-нибудь постороннего? — повторил Джугели.

— Как будто этот маленький, из отдела снабжения, выходил отсюда минут десять назад, — нерешительно проговорил кто-то.

— Мелия?

Прибежал врач. Велел очистить помещение. Вышли все, кроме Владимира Джугели, Гиви Чхеидзе и Ладос. Георгию сделали укол, растерли грудь

спиртом. Он открыл глаза, непонимающе огляделся кругом. Узнав Владимира, слабо улыбнулся.

— Лежите, лежите! — забеспокоился врач. — Вам нельзя двигаться!

К дверям цеха с воем подъехала машина скорой помощи. Вчетвером осторожно переложили Георгия на носилки. Взревела сирена. Машина понеслась к больнице.

...Гоги махнул проезжавшему в сторону центра города самосвалу и прыгнул в кузов. За Белым мостом машина остановилась. Он соскочил, дальше пошел пешком. Кто-то попался навстречу, поздоровался — видно, знакомый. Гоги кивнул головой, не оглядываясь.

Целной мост...

Гоги остановился, оперся о перила, задумчиво глядя в быстрые, мутные воды Рионы.

Из голубого дощатого духанчика, свесившегося над самой рекой, доносился шум гулянки. Кто-то во весь голос распевал старую-престарую песню:

Заболел я, что мне делать,
Дорогая?
Приходи меня проведать,
Дорогая!
Принеси с собой лекарство,
Дорогая,
А не то погибну я,
Черно-гла-а-за-а-я!

Премел аккордеон, перекрывая грохот волн. Голос певца был хриплым, надтреснутый, не понять — то ли беззаботный и бесшабанный, то ли полный горя и тоски...

Гулял, веселился голубой духан, пристанище местных кутил и поэтов...

«Эх, хорошо вам, — думал Гоги, — ни горя, ни забот!»

«Не ищи меня, Гоги!»

«И где мне искать тебя, Марина? Где найти? А если и найду, то что сказать?»

Он сел в автобус, идущий к поселку автозаводцев.

Сошел возле дома. Медленно поднялся по лестнице. Казалось, что нет больше сил идти, двигаться, подниматься по ступенькам. Остановился перед запертой дверью. «Хотя бы отца не было дома», — пронеслось в голове.

Зайдя в пустую квартиру, сел в кресло, прохладной ладонью сжал лоб. Стало приятно — освежила прохлада руки. В разбитое окно по-прежнему со свистом врывался ветер и трепал повисшую на одном гвозде занавеску.

Вот здесь, в этом кресле, сидела Марина в тот вечер...

Как далек тот день!

Они были тогда на вершине счастья.

А теперь...

Гоги усилием воли заставил себя припомнить все, что написала ему Марина в прощальной записке.

Вдруг Гоги вскочил с места. Внезапная мысль поразила его.

Дневник. Отцовский дневник. Тетрадка в потрешанной клеенчатой обложке...

Он лежал здесь, в этом ящике...

Гоги потянул ящик письменного стола. Он оказался заперт.

Все перерыл Гоги, пока нашел наконец ключ от ящика. И вот она перед ним, тетрадь с затаенными мыслями отца...

МЫСЛИ, ДОВЕРЕННЫЕ ВУМАГЕ

Почему я решил писать дневник? Почему сижу сейчас перед письменным столом и веду на этих страницах беседу сам с собой? Скорее всего, потому что за последнее время произошло многое такое, что заставило меня взяться за перо...

Прежде чем начать писать, хочу пожелать себе одно: пусть эта тетрадка всю жизнь будет со мной. А если когда-нибудь она попадет в руки кому-нибудь, пусть, прочтя это, он поймет, что написанное здесь не предназначено для чужих глаз. Пусть поймет и задумается над этим.

1940 год. 10 мая.

Наша часть расположена в одном из городов Западной Белоруссии.

Мы здесь уже вторую неделю. Живем обычной солдатской жизнью. И за все это время — ничего примечательного. День идет за днем, и сегодня похо-

же на вчера как две капли воды. Завтра будет то же самое. Но для меня этот чудесный майский день все же особенный и незабываемый.

Я получил письмо от своего маленького сына, от Гоги. Вот оно передо мной, это письмо на тетрадном листочке, покрытом детскими каракулями, крупными и неровными. Смотрю я на него и чувствую, как какой-то комочек подкатывается к горлу. Кто знает — солдатская жизнь полна неожиданностей, лучше, чтобы не потерять это письмо, перепису его в свой дневник.

Вот что написал мне Гоги:

«Дорогой папочка!

Целую тебя много-много раз. Очень я по тебе соскучился. Чувствую себя очень хорошо. Тетя Юлия часто водит меня на могилу мамы. Я хорошо учусь и жду тебя. Приезжай скорее. Скажи своему командиру, что я очень по тебе скучаю, и он пустит тебя к нам. Целую тебя еще раз. Твой сын Гоги».

* * *

Листает Гоги страничку за страничкой. Читает одну запись за другой. Иные — подробные, обстоятельные, со всеми деталями. А иные набросаны второпях, и почерк торопливый, неразборчивый. Строки бегут кривь и вкось. Даже даты не проставлены — догадывайся, что когда случилось...

...Хорошая, по всему видно, семья у Аркадия. Дружная, мирная. И жена его Евгения мне сразу понравилась, женщина приветливая, ласковая такая, улыбка. Два сапога — пара, про таких говорят.

Но сейчас — о другом совсем, что мне в душу запахло.

Только подошел я к воротам тяпкинского домика, мне навстречу попала какая-то молодая женщина. Я сперва думал, это жена Аркадия, и вежливо поздоровался с ней. Она ответила, пригласила в дом. Выбежал комиссар, подхватил меня под руку, представил женщине:

— Знакомься — это капитан Ломидзе, Георгий Ломидзе. — А потом добавил со смехом: — Он грузин, а его фамилия по-грузински знаешь что означает? Сын льва, вот что! Львов по-нашему.

Женщина удивленно встала брови и спрашивает:

— Что, у грузин фамилии по внешности подбирают, что ли?

Ну, все, конечно, смеются, а я от смущения готов сновоземлю провалиться. Аркадий — он, видно, почувствовал мое положение — снова пришел мне на помощь, подвел еще к одной женщине, которую я, сказать правду, сразу и не заметил, и говорит:

— А это, Георгий, моя половинка, прощу любить и жаловать!

Тут я совсем растерялся, перевожу глаза с одной женщины на другую, — если это жена, думаю, то кто же та, другая?

И словно догадавшись обо всем, комиссар окончательно все разъяснил:

— Это ее сестра, Тамара.

Рядом стояла высокая стройная женщина, в волосах у нее поблескивали серебром первые ниточки седины.

Тамара! Услышав здесь это имя, я даже вздрогнул.

Мою жену тоже звали Тамарой...

* * *

На следующий день после того самого ужина я снова встретился с Тамарой. Честное слово, совершенно случайно. Она пришла вместе с подполковником комиссаром в наш командирский клуб. Сказать правду, я даже обрадовался, увидев их... Ее, конечно. Подошел и поздоровался. Завязал разговор — я уже чувствовал себя с ними совершенно свободно. Комиссар вскоре ушел по какому-то своим делам, и остались мы вдвоем. Говорила, конечно, больше Тамара, а я, в основном, молчал и ее разглядывал. Рослая женщина Тамара, почти с меня ростом. Светлые волосы — совсем цвета спелого пшеничного колоса — были уложены просто, но красиво, и седина в них почти не видна, только иногда сверкнет под ярким светом электрических ламп. Лицо белое, чистое, и на нем глаза светлокариые, как у нас в Грузии говорят — медового цвета. На мой взгляд, она даже красивее Евгении, жены Аркадия. Хотя сестры очень похожи друг на друга. Особенно привлекателен у Тамары голос — низкий, спокойный, чуть глуховатый, — и улыбка.

Она меня все рассказывает про Грузию — можно сказать, просто влюблена в нее! И историю ее знает, и про разные знаменитые места слышала, видеть. Я, конечно, стараюсь ответить на все ее вопросы, но иногда просто поражаюсь: кое-что она знает даже лучше меня, и ее вопросы порою просто ставят меня в тупик.

Потом выяснилось — Тамара сама со смехом призналась, — что она кандидат филологических наук и при работе над темой ей пришлось многое узнать про историю и литературу моей родины. Она даже начала изучать грузинский — правда, слова пока что звучат у нее очень смешно... очень мило. А она все смеется!

— Если вы захотите помочь мне, Георгий, мои успехи станут гораздо более значительными, — говорит, а сама смотрит прямо в глаза, и мне кажется, что не просто смотрит, а как-то особенно, со значением.

— Конечно, — говорю, — с большим удовольствием, только...

— Что только? — спрашивает и опять смеется.

— Только не знаю, смогу ли помочь вам, я ведь автоинженер, и какой из меня педагог еще получится — один бог знает!

— Ничего, — говорит, — для меня ваших знаний вполне достаточно. Итак, договорились, отныне — вы мой учитель а я — ваша послушная и приятная ученица!

— К вашим услугам, — отвечаю.

— Ну вот и отлично. А сейчас — пойдём танцевать.

В зале под звуки вальса кружились пары. Наш полковой оркестр играл «На сонных Маньчжури».

Мы присоединились к танцующим.

В ту минуту я не помнил ни о чем.

Просто я чувствовал себя счастливым.

Первый урок начался сразу же, во время танца. Потом я проводил свою ученицу — а она и впрямь оказалась очень внимательной и способной ученицей — до дома. Я не собирался заходить к ним, но в дверях нас уже поджидал Ташкин — я даже не заметил, когда он ушел из клуба — и насилу затаячил меня к себе.

— Георгий Васильевич согласился учить меня грузинскому, — сразу же объявила Тамара. Комиссар рассеялся и, взяв нас обоих за руки, завед в комнату.

— Вот вам и класс, занимайтесь на здоровье.

— Сейчас уже поздно, — отвечаю, а сам все поглядываю на Тамару, как, думаю, она реагировать на это будет, и добавляю: — очередной урок у нас завтра.

— Хоть чаю с нами попейте.

— Простите, Аркадий Петрович, мне надо торопиться в часть, вы уж меня извините.

И, распрощавшись с хозяевами, пошел к себе.

Прошла ночь (должен сознаться, для меня — бессонная ночь).

Прошел день.

Вечером, как ни крепился, я вновь очутился на знакомой улице. Тамара, увидав меня в окне, помахала рукой.

Аркадий с женой и Сережкой ушли гулять. Мы с Тамарой были одни.

— Начнем? — спрашивает она своим прекрасным низким голосом.

— Начнем, — отвечаю.

Два часа пролетели как одна минута. Тамара относилась к нашим занятиям с полной серьезностью. Я даже не заметил, когда вернулся с прогулки Аркадий с семьей, и потому, услышав его густой командирский бас, вздрогнул от неожиданности.

— Ну, как идут занятия? — поинтересовался он, заглядывая в нашу «классную комнату».

— Превосходно, — сообщила ему Тамара.

— Ну вот и отлично, продолжайте. Мы не будем вам мешать.

— Урок уже окончен, — сказал я, и мы все втроем вышли в гостиную.

Комиссар обнял Тамару за плечи и подвел к роялю.

— Ну-ка, дорогая, спой нам что-нибудь, не то мы, наверно, замучили Георгия. Он и без того предпочитает уединение и грусть.

Тамара не стала жеманиться и отказываться. Молча села за круглый стул-вертушку у рояля, один раз закружилась вокруг себя и вдруг стала серьезной, даже задумчивой. Осторожно приподняла крышку рояля, провела пальцами, будто погладила клавиши, так что ни одна струна не зазвучала. Потом обеими руками взяла низкий, сочный аккорд, прислушалась. И сразу запела.

Я сидел в кресле в углу комнаты и наблюдал за ней. Она пела какой-то грустный старинный романс, который прежде я никогда не слышал. Звуки его были так задушевные и теплые, что, казалось, я слушал что-то давно знакомое, но позабытое, слушал и вспоминал...

Проходят годы вереницей.

А мы храним в душе своей

Те сны и радостные страницы
Далеких, но чудесных дней...

И столько искреннего чувства было в голосе Тамары, столько безыскусственности и страсти, что подумалось: видно, и этой женщине жизнь не устала дорою розами, и она немало горя повидала на своем веку...

...Те сны и радостные страницы
Далеких, но чудесных дней...

Пела Тамара и, казалось, плакала по ком-то, искала, звала...

Романс окончился. Не скажу, чтобы от него мне стало веселее на душе. Когда отзвенела последняя нота, Тамара встала и посмотрела в мою сторону. Все захлопали. Я от души поблагодарил ее за удовольствие, и она радостно улыбнулась в ответ.

При прощании сама напомнила:

— Завтра урок.

Так и пошло: завтра, послезавтра. В моем однообразном гарнизонном существовании появилось что-то новое. Каждый раз, собираясь к Тяпкиным, я колебался, решил не идти, порвать все раз и навсегда. Принимал такое решение и... шел. Все мои мысли, все переживания имели теперь один источник — Тамару.

* * *

Что-то зачистил я в командирский клуб. Раньше, бывало, меня туда и арканом не затянешь...

Вечером мы с Тамарой ходили на танцы. Теперь она старается говорить со мной только по-дружески. Наши занятия идут успешно. Скоро кончается ее отпуск и она спешит. Кончается отпуск! Она уедет...

Наш полк перевели в другой город.

* * *

Вечером вызывает меня Аркадий.

— Знаешь, Георгий, — говорит (мы с ним уже на ты перешли), — мне сейчас никак нельзя отлучаться. Дела! Не согласишься ли ты съездить за моей семьей, помочь им в переезде?

— Что за вопрос, — говорю, — конечно. Когда ехать?

— Чем скорее, тем лучше.

Мой батальон устраивался на новом месте. Время для поездки выкроить было не так уж сложно. Я получил разрешение от командира полка, отдал все необходимые распоряжения и уже через час сидел в поезде, который мчал меня обратно.

Через час я был уже на месте. Пробегал несколько кварталов до комиссарского дома — эта единственная улица стала за столько месяцев какой-то прямо даже родной, честное слово! — и поднялся по ступенькам.

Дверь на звонок отворила Евгения Николаевна, жена Аркадия. Ну, а ей, конечно, передал все: мол, так и так, комиссар прислал за вами, собирайтесь, если надо, я вам помогу и так далее.

А сам гляжу — у нее прямо слезы на глазах. Очень, говорит, прижились мы тут, даже переезжать не хочется, да уж что поделаешь, такова солдатская жизнь, кочевая и беспокойная...

Слушаю я ее, а сам все по сторонам оглядываюсь. Наконец не выдержал.

— А где Тамара, Евгения Николаевна? — спрашиваю.

Она словно только и ждала этого вопроса. Сразу про все свои заботы да переживания позабыла, уставилась на меня и разглядывает так внимательно, как будто изучает. Потом не говоря ни слова выходит в другую комнату и возвращается с конвертом в руках. Конверт как конверт, ничего особенного, только толстый слишком, чуть не разрывается по швам. А у меня сердце екнуло.

— Уехала? — спрашиваю.

— Да, — говорит, — уехала. Очень жалела, что перед отъездом с вами повидаться не удалось, и вот — написала... Правду говорю, не ждали мы вас так скоро обратно.

Взял я конверт и тут же, при ней, распечатал. А она, словно и не интересно ей все это, пошла собираться в дорогу.

Вот что писала мне Тамара:

«Друг мой, перед отъездом я так хотела повидаться с Вами и поговорить! Но очень уж неожиданно свалилось на нас расставание. Возможно, наша встреча произойдет не скоро, а, может быть, нам и вообще не суждено больше

встретиться, кто знает... Мне действительно очень нужно было поговорить с Вами перед отъездом. Мы ведь друзья, не правда ли? И признаюсь, что мне очень хотелось обнять Вас на прощание. Впрочем, возможно, на самом деле я и не решилась бы... В письме все кажется легче.

Не удивляйтесь!

Я знаю про Вас очень многое. Аркадий по моей просьбе рассказывал про Вас целую ночь, все-все (разумеется, то, что сам знал) — и про жизнь Вашу, и про жену, и про сына. Сейчас я могу сознаться, что это он просил меня познакомиться с Вами и помочь немного развеяться. Не знаю, какие у него были планы, но я-то...

Наши судьбы очень схожи — Вы убедитесь в этом, когда узнаете мою жизнь. Может быть, он просто хотел познакомиться друг с другом двух не очень счастливых людей, чтобы помочь обоим? Он очень хороший человек, Аркадий, хороший и благородный. Я не знала Вас, но согласилась. Чем это можно объяснить? Может, тем, что я так любила Ваш край, Ваш народ, чудесный Тбилиси... И вот я увидела Вас. Меня поразило, что при такой мужественной внешности (я Вас назвала львом, помните?) Вы были очень робки, стеснительны, нерешительны, молчаливы. Наверно, я Вам тогда показалась чересчур веселой, шумливой. Поверьте, мне было не так весело, как можно было предположить...

Я много думала о Вас, о Вашей судьбе. О наших судьбах, Георгий! Я писала уже, что в них так много схожего. И я потеряла в жизни друга. Со мной осталась только маленькая дочка, Мария, единственное счастье и отрада в моей жизни.

Почему я не рассказала Вам этого тогда, когда мы так хорошо говорили с Вами, встречались, гуляли? Впрочем, нужно ли было?..

Мне так надо повидаться с Вами еще!

Обязательно надо!

Верю, что хоть в этом судьба будет благосклонной к нам и позволит встретиться еще раз, хотя бы один только раз.

Своему «суровому» учителю я обещаю, что к этой встрече я не позабуду его уроков и буду с ним разговаривать только по-грузински. Вот так! Обещаю.

И еще одно. Мне хочется хотя бы в письме, хотя бы под самый конец сказать так, как я говорю своим немногим, но настоящим друзьям — на ты.

Будь счастлив, Георгий!

Я по-настоящему желаю тебе этого.

Жму тебе руку, друг мой.

Тамара Родионова.

Дочитав, я обратился к Евгении Николаевне, которая уже уложились и теперь тихонько стояла в уголке, над узлами и чемоданами, и смотрела на меня с сочувствием.

— Почему же она не написала своего адреса? — спросил я.

— Наверно, забыла. Запишите, я продиктую.

Я записал адрес Тамары в книжку.

* * *

Переписку для памяти и свой ответ на это письмо — ведь листок бумаги сдует ветром, он и пропал, а тетрадь эту, как я уже говорил, всегда буду хранить, как самую ценную вещь.

Итак, вот что я ответил Тамаре:

«Дорогая Тамара, я пишу Вам после того, как прочитал — и не один раз, поверьте, — Ваше письмо. Что мне сказать, что написать?»

Вы пишете, что судьбы наши очень сходны.

Признаюсь, что в последние дни я не раз подолгу думал о своей судьбе, о жизни, о будущем, о Вас, Тамара... Ругал себя за то, что поддался своему душевному порыву и так сошелся с Вами. И ругал, и... оправдывал. Ну, конечно, и Аркадий, человек редкой душевной чуткости, приложил руку к тому, что нам с Вами стало приятно разговаривать, встречаться, просто бывать друг с другом. Кажется, я могу это утверждать и за Вас, правда? Впервые после смерти Тамары, моей жены, я вышел из своей душевной замкнутости, и одиночество перестало доставлять мне удовольствие.

Чувствую, что мне многое надо сказать Вам еще, но я с трудом переключаясь на бумагу то, что лежит на сердце. Рука не успевает за мыслями, мысли — за чувствами. Вы знаете — писатель я никудышний. Нет, нам нужно поговорить лично, непременно нужно встретиться и поговорить!

Было бы просто замечательно, если б Вы собрались посетить нас здесь — надо ведь продолжить наши уроки! Я как учитель утверждаю, что Вы далеко еще не закончили курс по изучению грузинского. Устроились мы здесь хорошо, так что приезжайте!

Желаю Вам здоровья. Поцелуйте маленькую Марию.
Ваш Георгий Ломидзе.

А на ты мы перейдем, обязательно перейдем — мы ведь друзья! только сперва надо по нашему грузинскому обычаю вчлнить «вахтангури». Это такой тост, когда те, кто решили подружиться, скрецаивают рога, полные вином, ну, можно, и стаканы, конечно... Впрочем, всего не опишешь, пожалуй. Объясню, когда встретимся.

Георгий».

20 ноября.

Спят зимние казармы. Мы здесь уже больше двух месяцев, и все это время я не вспоминал об этой тетрадке.

На дворе снег. Из моего окна видна большая старая ель. Ветви ее склонились под тяжестью снега.

Когда я смотрю на эту ель, вспоминаю грузинских старцев — седоволосых и крешких, стройных, несгибаемых стариков в белых чохлах. Правда, есть между ними и сходство, и разница. Ель отряхнет с себя снежные хлопья, весеннее солнце растопит пушистое белое покрывало, и молодая живая вновь устремит зеленые иголки навстречу лучам.

Я успел полюбить здешнюю зиму, — суровую, сухую, но такую тихую, спокойную, располагающую к созерцанию и размышлению.

Снег за окном падает щедро, обильно, а мне сумятица мохнатых снежинок в воздухе вновь напоминает родину. Так бело бывает у нас, когда цветут деревья ткемали и алычи и белый ураган лепестков застилает небо.

Гляжу за окно и думаю... Мысли уносят меня из зимы, из маленького городка в Западной Белоруссии в мою Грузию, на зеленые улицы моего города, к моему мальчику...

Тамара так и не приехала. Я огорчился, как будто мне семнадцать лет и девушка обманула меня, не придя на первое свидание.

Мы по-прежнему переписываемся, и теперь в наших письмах мы совершенно откровенны друг с другом, как самые близкие и родные люди. Она обещает приехать к нам на Новый год — раньше не отпускают с работы, — и тогда я...

Что?

Не знаю...

Знаю лишь, что так дальше продолжаться не может. Надо принимать какое-то решение. Но можно ли что-либо решать без Гоги, не спросив его?..

Он уже большой мальчик. Все понимает. Все поймет.

Мне хочется поехать в Грузию вместе с Тамарой. Мы и ту девчущку-кудряшку возьмем с собой, которая в каждом письме Тамары передает мне привет. Мы поедем все вместе и там, в Грузии, окончательно решим...

Как легко написать: решим.

1 января.

Только что вернулся с новогоднего вечера, и легкий хмель, кажется, еще не вполне выветрился из головы. Но я должен записать хотя бы несколько фраз в этом дневнике. Обязательно должен.

Новый 1941 год я встречал в семье комиссара.

Тамара так и не приехала, только телеграмму прислала с поздравлением. Пришла телеграмма от Гоги.

А как я мечтал о том, что мы в этот день будем все вместе!

Тамадой на вечере был Аркадий — научился у меня. Отличный он человек, Аркадий, и жена у него очень хорошая, и сын Сережка.

На еловых лапах — высокий снег.

Большой снег нынче у нас, в Белоруссии.

* * *

Жизнь течет довольно однообразно. Скоро весна, и тогда я поеду в Грузию. Гоги писал мне: вырасту и стану как ты — инженером.

Пусть станвится! Инженер Гоги Ломидзе — звучит!

Теперь-то уж, кажется, Тамара приедет наверняка, — в каждом письме обещает — немного потеплеет, и я у вас. А пока — середина зимы, и до тепла не близко. Приедет она, и тогда все решится.

И на этом завершится мой дневник. Хватит. Я и так вспоминаю о нем от случая к случаю.

Может быть, вообще стоит забросить эту тетрадку подальше в ящик, не дожидаясь приезда Тамары? Пусть полежит там, отдохнет. Да и меня перестанет мучить.

2 мая.

Пришлось мне переменить свой приговор, вынесенный этой тетрадке, и вызвать ее из заточения досрочно. Сегодня был чудесный день — такие бывают только весной, и душа наполняется чем-то новым, неопределенным, невыразимым в словах, но жаждущим излиться. И вот я отыскал эту заброшенную тетрадь — где еще изливаться душе, как не в дневнике — и решил снова взяться за нее. Надеюсь, в этот раз — более аккуратно.

Получил письмо от Гоги. В конверте была и фотография. Долго смотрел я на сына, на его большие черные глаза и вьющиеся волосы, которые не в силах усмирить никакие гребенки и щетки. Даже на карточке видно, как блестят у мальчика глазенки..

Он все больше и больше становится похож на меня. Или мне это только кажется? Крепенький паренек, стройный, весь открытый солнцу и жизни, совсем, как молодой тополь весной, завязавший первые почки..

Даже у нас, в Западной Белоруссии весна уже набрала силу. Ельник за нашей казармой тоже, кажется, помолодел.

До моего отъезда остается все меньше времени. Увольнение уже почти оформлено, окончательный приказ — вопрос дней, может быть — недель. Впрочем, сейчас отчего-то я сам уже не тороплю события.

Чем ближе день, когда я должен распрощаться с армией, тем грустнее мне это расставание. Удивительно, как велика сила привязанности к армии у тех, кто прослужил в ней столько, сколько я, сроднился с ее укладом, привык к строгому порядку и дисциплине. Впрочем, вопрос об увольнении решен — и для меня, и для командования, так что все эти рассуждения уже ни к чему.

Со дня на день должна приехать Тамара.

16 июня.

Сразу стало жарко. Такого зноя не запомнят местные старожилы. В комнате невозможно дышать, окна настежь, но все равно никакого движения воздуха.

Сегодня я написал сыну: жди меня к концу месяца.

Уже все в порядке.

Документы выправлены.

Через неделю должна приехать Тамара. Несколько дней мы побудем здесь, а потом вместе оправимся в Кутаиси. Я так и не решился написать Гоги, что приеду не один.

20 июня.

Снова пришлось переезжать. У меня — последние дни службы, и вдруг — опять передислокация. Видать, командование к чему-то готовится.

Теперь наша дивизия располагается в большом красивом городе недалеко от границы.

Еле-еле успел телеграфировать Тамаре наш новый адрес. Она должна приехать в воскресенье. Наконец-то! Уже устал ждать.

Попросил у командира полка машину, чтобы встретить их на вокзале. «Их» — потому, что Тамара едет с дочерью. Может быть, лучше было бы мне самому заехать за ними в Москву и оттуда — прямо в Грузию? Но сестре очень хотелось повидаться с Тамарой, да и Аркадий просил, чтобы мы уезжали отсюда.

21 июня.

Вечер. Тихий, спокойный, какой-то безмятежный. Редко-редко пропрохочет на улице автомобиль, набущая безмолвие, и снова все успокаивается. И это — в самом центре города! Огня моей комнаты выходят на главный проспект.

Долго глядел я в окно. В небе ни облачка. Ровное бескрайнее пространство, только не голубое, а побелевшее от жары.

Завтра утром приезжает Тамара. Последние часы ожидания просто невыносимы. Я замечаю, что чем ближе становится день ее приезда, тем чаще я обращаюсь к своему дневнику. Спасибо тебе, мой верный собеседник!

Я пишу эти строки во время короткой передышки.

Вчера ночью нас разбудил страшный грохот. Вскочив с кровати, я успел посмотреть на часы — ровно четыре. Значит, это случилось в четыре часа утра в воскресенье, 22 июня, «Конец света», — подумал я и не намного ошибся — это был конец мира, последняя ночь нашей мирной жизни.

Гул самолетов и грохот бомбовых разрывов уже поднял на ноги весь город. Небо на западе полыхало огнем — в этот день заря занялась не с востока!

Наш полк в несколько минут был в боевой готовности. Я в последний раз перед получением задания осматривал ровный строй своего батальона — крепкие, здоровые ребята, ставшие такими родными и близкими... Что ждет вас и меня вместе с вами?..

Едва начинало светать, а полк уже вступал на боевые позиции в знакомом лесу. Стал ясен смысл нашей передислокации: дивизия занимала позицию на второй линии обороны, сразу за приграничными частями...

Меня вызвали к полковому комиссару.

— Георгий, — начал он, и я заметил, что он старался не смотреть на меня. — Я не могу отлучиться, никак не могу. Знаю, что и тебе не до того... Но другого выхода у меня нет — я снова должен обратиться за помощью к тебе... Надо съездить в город, помочь Евгении и Сережке собраться. Наверно, и Тамара уже приехала. Постарайся отправить их в тыл, не то... Кто знает, что может случиться?

— Есть, товарищ полковой комиссар! Только... — внезапное сомнение заставило меня умолкнуть.

— Я присмотрю за твоими ребятами. За них не бойся.

— Да я не о том говорю. Если вам придется менять позицию, где мне искать вас?

Тяпкин внимательно посмотрел на меня.

— Отыщешь, я знаю, что ты отыщешь свою дивизию. А сейчас — дай я тебя обниму на прощанье.

Мы обнялись, расцеловали друг друга.

Я не стал разыскивать машину — сейчас это могло быть и опасней, и дольше — просто побежал по опушке леса. Вот и окраина города. Первые дома стоят целехонькие. Но вскоре показались первые развалины. Пыль еще не осела вокруг. Обломок фасадной стены большого дома продолжает осypаться, как будто весь дом сооружен из песка. Но сейчас не до того, — надо спешить, бежать. За поворотом — главный проспект, а там, в самом начале — железнодорожная станция. Не задумываясь, повернул я к вокзалу, но вдруг остановился. Сначала надо пойти к Тяпкиным, организовать их отъезд.

Вот и знакомый дом возле казармы. Я взбежал по лестницам, постучал. Никакого ответа. Налег на дверь, и вдруг обе створки распахнулись настежь. Квартира была пуста.

Что делать? Куда бежать? Где искать их или хотя бы узнать об их судьбе?

Я вышел на улицу и стоял, не зная, куда идти. Вдруг прямо передо мной пронесся, сирежеща тормозами на повороте, грузовик с кузовом, набитым женщинами, детьми, узлами, чемоданами, связками.

— Георгий, Георгий! — донесся до меня голос Евгении Николаевны. И сразу же, почти одновременно резкий мальчишеский крик:

— Дядя-я-я Гео-о-о-о-о-о-о-о-о-и!

Это был Сережка. Он почти перевесился за борт кузова и махал мне рукой. Я бросился вдогонку.

Так до сих пор я и не могу понять, каким образом удалось мне тогда догнать машину, как я сумел уцепиться руками за борт и залезть в кузов. Наверно, никогда и не пойму. И, конечно, ни за какие блага не смогу повторить этот сумасшедший трюк.

Еле переводя дух, отвечал я на многочисленные вопросы, которые посыпались со всех сторон.

— Что с Аркадием, он жив? Здоров?

— Как там папка? Сколько фашистов убил?

— А моего случайно не видали? Как они там?

— А моего?..

Мчитса машина по проспекту. Вот и вокзал. Сколько народу здесь! Кажется, весь город снялся с места и высypал на перрон. Штурмом берет вагоны, за лезает в окна, устраивается на крышах... Крик, плач, визг детей...

— Ну-ка, — говорю я Сереже и Евгении Николаевне, — быстро, за мной! В одной руке у меня огромный чемодан, за другую уцепился Сережка, он может затеряться в толпе и не отстает от нас ни на шаг.

Подойдя к какому-то вагону, я посадил Сережу и он ловко влез в узкое вагонное окно, передал ему все узлы и чемоданы. Потом каким-то образом сумел протолкнуться в дверь Евгению Николаевну, и вот она уже стоит в окне рядом с сыном, утирает слезы и говорит:

— Аркадию передайте, пусть о нас не беспокоится... Скажите, следите за собой... Мы будем в Москве, у Тамары...

«Тамара! А где она сама? Ведь она должна была приехать сегодня утром, может быть, даже этим же самым поездом!..».

Поезд потихоньку тронулся, как бы нащупывая себе путь в людской толпе, обступившей его с обеих сторон. Я иду рядом с вагонным окном, пожимая руки Евгении, Сереже, выслушивая последние слова прощания, говорю сам:

— Слушай, Сережка, ты теперь главный мужчина в семье, следите за мамой... Еле-еле выбрались я из толпы, которая долго бежала вслед поезду, словно надеясь еще догнать его... И вдруг:

— Георгий! Георгий!

Я оглядываюсь по сторонам, не знаю — правда ли слышал я этот голос или мне почудилось, — и я вижу: на дальнем пути, там, где только что остановился новый состав, из-за чьих-то плеч, голов, спин выглядывают в окно знакомые, родные глаза Тамары.

Добежал, пробился я к этому вагону. Что-то кричу плачущей Тамаре, успокаиваю: сестра, мол, в безопасности, только что уехала, предыдущим поездом... А сам тоже плачу, как женщина, как ребенок.

— Прощай, Георгий! — кричит Тамара. Перед ней возникает в окне маленькая светловолосая девчушка. Я узнаю ее — дочка.

— Мы еще увидимся, обязательно увидимся, Тамара!

Под вечер я вернулся в расположение полка. Явился к комиссару. Доложил:

— Ваше приказание выполнено.

— Ты сам усадил их в поезд? — в десятый раз спросил он, но получил утвердительный ответ, все же не успокоился:

— А вдруг их разбомбят в дороге?..

Успокоив его, как мог, я отправился в свой батальон.

Вот сейчас сижу я и вношу в тетрадку эти записи — мне кажется, что они вообще будут последними — не до того сейчас. Хотя я никогда не расстанусь со своим дневником. До высылки оставалось минут тридцать — сорок. Ко мне заглянул Гиви Чхеидзе:

— Разрешите обратиться, товарищ капитан!

— О, вы еще живы, ребята! — обрадовался я.

— Живы, — говорит, — и умирать не собираемся. Сперва всех фашистов на тот свет отправим. Только ребята меня прислали к вам: пусть, мол, капитан объяснит тебе, где они, эти самые фашисты. А то пока враг нас только сверху бьет, а мы его не видим, не знаем, где он — спереди, сзади, справа, слева!

Не унывает этот зестафонский паренек. Никакая сила не одолеет нас, пока у нас будут вот такие ребята!

— Не горюйте, — ответил я ему тогда, — увидите с врагом, успеете. И не раз вам эта встреча предстоит, пока он не уберется с нашей земли. Так что будьте в боевой готовности.

— Есть! — закричал Гиви так радостно, как будто, если бы я не уверил его, он сомневался в том, что ему удастся произвести в противника хотя бы один выстрел! Повернулся кругом и вышел.

Через несколько минут выступаем на передовую.

Пора.

Прощай, мой дневник! Теперь мои руки будут заняты оружием, а не пером...

* * *

Гоги дочитал последнюю исписанную страницу дневника, но продолжал сидеть неподвижно, не в силах отвести глаз от пожелтевших страниц.

Вся жизнь отца прошла перед ним, жизнь, полная горя и бед, трудных радостей и искренних, чистых чувств. С какой любовью писал Георгий о нем, каждое слово о сыне дышало в дневнике теплотой и заботой.

И такого отца он осудил в порыве горечи — бесосновательно, поспешно, несправедливо. Теперь он понял, как чист и великодушен был его отец в каждом своем поступке, каждом душевном движении.

Читая дневник, Гоги все время слышал голос отца, ровный, спокойный, неторопливый. Смущенно поднял глаза — со стены напротив таинственно и непонятно улыбался Георгий, он не сердился, не осуждал сына, в глазах его не было упрека и укоризны...

— Прости, отец!

Гоги уронил голову на полированную поверхность стола, прижался, ощущая лбом прохладную свежесть гладкого дерева.

«Где ты сейчас, Марина? Где искать тебя? Где найти?»

«Не ищи меня напрасно, Гоги!»

Это ветер завывает в окне или голос Марины?

Нет, теперь все уже стало ясно! У отца нет вины перед сыном, перед чужой жизнью, перед самим собой!

Где ты, Марина?

Неужели не суждено нам больше встретиться...

Никогда.

Зазвенел телефон.

Гоги поднял голову, посмотрел на черный подрагивающий аппарат. Ему не хотелось отвлечься от своих дум. Но потом — «вдруг это она, и я услышу голос Марины!» — стремительно схватился за трубку.

— Слушаю.

— Это Гоги Ломидзе? Поторопитесь в больницу, если хотите застать отца в живых.

— Что?! Кто говорит?

Но в трубке уже раздавались отрывистые, короткие гудки.

* * *

...В больничном корпусе он налетел на какую-то женщину в белом халате.

Женщина плакала навзрыд, закрыв лицо руками.

Увидел: возле одной двери суеилось несколько человек.

Неужели — поздно?

Неужели — все?

Осторожно приоткрыл дверь, прошел в палату, молча встал у стены. Туман в глазах постепенно рассеивался. Он начал различать отдельные фигуры, лица. Вот Владимир Джугели. Рядом с ним — Гиви.

— Что? — выдохнул он, с трудом разомкнув губы.

На кровати, вытянувшись под простыней, лежал Георгий Ломидзе.

* * *

На Платановом кладбище добавилась еще одна могила.

Остался Гоги совсем один.

Отец — в сырой земле.

И неизвестно где, в каких краях и весях — Марина.

Ничего о ней не слышно. И сама не дает о себе знать. Как в воду канула, в омут провалилась.

И что особенно удивительно — нигде в эти дни не было видно еще одного человека: Сандро Мелия.

Ладо, Гиви и Шота ни на минуту не отходили от Гоги, не оставляли его наедине со своим горем ни днем, ни ночью. Да к тому же и они — по своим каким-то секретным каналам — тоже кое-что предпринимали для розысков бесследно исчезнувшей девушки.

Три ночи подряд караулил Ладо Гордадзе возле дома, где жил Сандро. Три ночи простоял зря. Утром выходил в свою смену невывспавшийся, злой, со вспухшими глазами. Как ни отговаривали его друзья — он ни в какую. Поклялся во всеуслышание:

— Пока я не разыщу этого жулика, в своем доме ночевать не стану, не будь я Ладо Гордадзе!

Таинственное отсутствие Мелия все сильнее укрепляло его подозрения, что разбитной снабженец сыграл какую-то роль в мрачной истории, приведшей к смерти Георгия Ломидзе.

...Стоит Ладо на своем посту — в подворотне напротив дома, где жил Мелия. Курит сигарету за сигаретой, чтобы не заснуть, глядит по сторонам, вглядывается в каждого прохожего.

Подходят Гиви и Шота.

— Ничего? — спрашивают.

Молча качает головой Ладо, и по злым искрам в его глазах видно: лучше сейчас отстать от человека, не приставать к нему с расспросами да разговорами.

— Пошли лучше к Гоги! — говорит Гиви и берет его за локоть, но все так же молча Ладо отталкивает его.

— Не глупи, — настаивает Чхеидзе, — что за сыщик нашелся. Его и без тебя найдут, как миленького, и ответ спросят.

— Я сам должен поговорить с ним, — глухо рычит Ладо.

— Говорили, что его видели только что поблизости, — говорит Гиви.

Гордадзе вадгронул, посмотрел на друзей.

— Вы идите к Гоги, не оставляйте его, я вас догоню. — И быстро нырнул за угол дома.

Гиви подмигнул Шота:

— Надо проследить за ним, не то не в себе парень, как бы сгоряча беды не натворил.

Понимающие кивнув, Шота незаметно последовал за другом.

Идет Ладо, торопится, оглядывается по сторонам, внимательно рассматривает прохожих. Переходит с одной стороны улицы на другую. А то остановится вдруг и ждет, пока какой-нибудь одинокий путник не нагонит его, чтобы еще раз убедиться, что это не Сандро.

Шота следует за другом в отдалении.

Вдруг возле Колхозного рынка, недалеко от братской могилы, бросился Ладо к стоявшей у тротуара машине, рывком распахнул дверцу кабины.

Там сидел Сандро Мелия.

Ладо бесцеремонно схватил его за ворот пиджака, вытащил из машины и, кивнув шоферу: сиди, мол, это не твое дело, — потащил за угол в переулок.

— Кто вы? Что вам от меня надо? — заверещал смертельно перепуганный Мелия.

— Молчать, не то придушу на месте!

— Берите все, что угодно, вот — деньги, часы...

Ладо, не выпуская ворота пиджака, резко прислонил его к каменной ограде братской могилы, словно впечатал в стену.

— От меня своими грошами не откупишься!

— Так чего же вам надо.

— Что за письмо передал ты в тот день Георгию Ломидзе?

— Письмо? — Сандро перестал дрожать и так же поспешно стал рассовывать деньги по карманам.

— Я спрашиваю: что это было за письмо?

— Не... Не знаю.

— Знаешь! — Ладо снова придавил его к стенке и для убедительности еще влезил оплеуху.

— Да, да, я отнесил, но, честное слово, не знаю, что там было написано, — побитой собакой заскулил Сандро. — Честное слово!..

— У тебя — честь? У тебя — слово?

Шота предпочитал пока что оставаться в отдалении. Хотя методы беседы Ладо и нельзя было назвать вполне великосветскими, но Шота считал их совершенно оправданными: такие подонки, как этот Мелия, много и не заслуживают.

— Кто тебе дал это письмо для Георгия?

— Лалиса, Лалиса Беридзе. И я правда не знал, что в нем было

— Что за Лалиса?

— Я знаю ее, Ладо. А с этого ничтожества довольно и этого... — Ладо совершенно пораженный повернулся к товарищу, который внезапно выступил из тени на свет.

— Этого же... — Шота даже не знал, как назвать Мелия, — надо отнести к парторгу. Пусть он все Джугели расскажет.

Еле-еле уговорил Шота друга отпустить Сандро.

— Чтобы этот слизняк ходил по земле, а Георгий в этой земле лежал? — никак не мог успокоиться Ладо Гордадзе.

Поздно ночью нашли они Владимира Джугели и передали ему Сандро Мелия с рук на руки. Ночевать оба отправились к Гоги.

Я ИЩУ ДОЧЬ

Жаркое июльское солнце пылает над Тбилиси. Зной затрудняет дыхание. Улицы почти обезлюдели: все попрятались по домам, — разъехались, разбежались. Лишь полумустые трамваи и троллейбусы тарахтят по раскаленным мостовым. Тускло-зеленые листья на деревьях не шевелятся.

Июльское солнце сжигает, испепеляет все кругом.

Тбилисцы, кто только может, спасаются бегством — машины уносят их в Цхети, Коджори, Кикети...

Пять часов полудни.

Асфальт мостовых, гранит знаний, кровля на домах — все раскалено, все дышит так, что трудно дышать. Кажется, в воздухе не хватает кислорода.

Вдоль широкого проспекта Чавчавадзе медленно продвигается поливальная машина, неся перед собой спасительный веер прохлады и воды. На минуту оживляются люди, вздрагивают с облегчением растения, остывает асфальт. Но безжалостное солнце мгновенно испаряет влагу с мостовых, с газонов, с листьев деревьев. И вновь жара в Тбилиси...

По подъему Варазисхеви стремительно выносятся на проспект такси, с визгом притормаживает на повороте и сворачивает в сторону университета. В машине всего лишь один пассажир: на заднем сиденье, почти высунувшись в опущенное окно, сидит женщина и с откровенным любопытством рассматривает места, по которым они проезжают.

Время от времени она перегибается вперед и умоляюще говорит шоферу:

— Езжайте медленнее, прошу вас, потише!

Шофер громко смеется, он не может понять: то ли ей хочется разглядеть повнимательнее Тбилиси (кажется, она приезжая), то ли просто страшно. На минутку он сбрасывает скорость, но потом снова забывает обо всем и с увлечением жмет на акселератор — где это видано, чтобы тбилисские таксисты ездили потихоньку, как туристы какие-нибудь!

Белое здание университета мелькнуло за окнами и осталось позади. Шофер с опаской поглядывал назад, на свою странную клиентку: не велит ли она и здесь остановить машину? Но, слава богу, на этот раз пронесло. Не то от вокзала она раз десять останавливалась. И главное, так вежливо попросит, так улыбнется умоляюще, что и не откажешь!

— Давно не была в Тбилиси, — поясняет она, — здесь все так изменилось.

— Вы не здешняя?

— Москвичка.

А за университетом она достала из большой черной сумки записную книжку, заглянула в нее и говорит:

— Ну, кажется, приехали...

— Вам какой номер?

— Вот здесь, остановите, пожалуйста, я сойду.

Шофер затормозил.

— Большое спасибо вам, — искренне поблагодарила она его.

Тамара Родиснова взяла свои вещи и пошла по тротуару. Щеки ее горели — то ли от жары, то ли от какого-то скрытого возбуждения. Она остановилась под молодой стройной чинарой — сама еще молодая и стройная в своем легком белом платье и открытых летних туфлях — и стала смотреть по сторонам, как будто она вовсе не горошилась.

Казалось, вокруг все любимо и знакомо ей, даже редкие проколки были близкими и родными, хотя на самом деле ее в этом городе не знала ни одна душа.

«Здесь, на этой улице, в этом доме выросла моя дочь, здесь нашла она кров и родительскую ласку... Может, лучше было бы написать Георгию, предупредить о своем приезде?.. Нет, пусть узнает обо всем от меня!»

Остановившись перед большим новым домом, она снова заглянула в записную книжку, сверилась с номером, высевшим над подъездом. Нет, лучше спросить у кого-нибудь... Оглядевшись, заметила идущую в ее сторону женщину в черном, подождала, пока она подойдет.

— Извините меня, — заговорила Тамара, и голос ее в это мгновение дрожал, — вы не скажете... Здесь где-то должен быть детский дом?..

Женщина в черном остановилась в тени чинары, с явным удовольствием воспользовавшись неожиданной передышкой, посмотрела на Тамару с любопытством, потом, немного подумав, ответила:

— Да, кажется, здесь действительно был когда-то детдом. Но его давно перевели куда-то...

— Давно? — Тамара прикусила губу, чтобы не расплакаться.

— Но вы не волнуйтесь, дорогая, — торопливо добавила женщина. — Там, во дворе, детский сад, они непременно будут знать и научат вас, куда идти!

Полутемная арка ворот. За ней, в глубине двора, голубой забор и выкрашенная в такой же цвет калитка. Толкнув калитку, Тамара попала на широкий двор, покрытый ровной травой, сохранившей нежно-зеленую свежесть, несмот-

ря на зной и жару. С края двора, под деревьями, стояли врытые в землю грибки. Вот горка, с которой так любят съезжать дети, площадка с песком. Да это детский сад, хотя сейчас, конечно, здесь нет ни одного ребенка.

Детский сад...

Кому первому пришло в голову это название?..

Фруктовый сад, цветущий сад, детский сад!

Тамара осторожно прошла по траве и постучалась. Дверь открыла полная пожилая женщина.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте. Заходите, пожалуйста.

— У меня к вам просьба!.. — сразу начала Тамара.

— Сперва зайдите в дом, присядьте, а там все и расскажете.

Тамара села на предложенный ей стул. Увидела на столе графию с водой — видно, воду только что принесли из-под крана. На запотевшем стекле видны были капельки.

— Хотите пить? — спросила женщина, перехватив ее взгляд.

— Да, пожалуйста.

Налив стакан воды, женщина протянула его Тамаре, подождала, пока она выпьет, переведег дух, и только потом сказала:

— Ну, а теперь слушаю вас.

— Я даже не знаю, с чего начать. Я из Москвы, только что приехала. Ищу дочь. Столько лет не могла разыскать ее следов и вот теперь... Мне сказали, что она воспитывалась в детдоме, который был здесь. Во время войны я потеряла ее... Их привезли сюда. А детдом перешел... Никто не знает, куда. Вы должны помочь мне найти мою дочь...

— В детдоме? — задумчиво переспросила женщина.

— Да, в детдоме.

Женщина молчала, словно с трудом припоминая что-то. Потом наконец заговорила.

— Был здесь детдом, был. Но его никуда отсюда не переводили. Просто закрыли его, расформировали. А здание отдали нам, детскому саду, — я в нем директором, — пояснила она, — и сегодня вам просто повезло, что вы меня застали здесь. Чистая случайность. А про детдомовских я-то и сама ничего больше не знаю.

— Может, кто-нибудь из ваших сотрудников... — цепляясь за остатки надежды, подсказала Тамара.

— Они все с детьми, на даче. Здесь осталась только уборщица, Соня. Соня! — позвала она. — Зайди-ка сюда на минутку.

Из внутренней комнаты появилась чистенькая старушка. Смело войдя в комнату, поздоровалась с Тамарой.

— Тетя Соня, вы ведь, кажется, еще в детдоме работали здесь? — спросила заведующая.

— Работала.

— Может, вспомните кого-нибудь из тамошних воспитательниц?..

— Как не помнить. Вот Надя Челидзе, например, моя соседка, работала там. Сейчас она на пенсии.

Тамара вздохнула с облегчением.

— Тогда я очень прошу вас, тетя Соня, помогите нам. Кликните ее, пусть она зайдет сюда на минутку. Скажите, что у нас гостя из Москвы и ей нужно помочь.

— Сейчас, сейчас, сейчас, — говорила старушка, бодро выходя из комнаты. Скринула калитка. Вслед за уборщицей показалась глубокая старушка, согбенная и иссушенная грузом лет.

— Мир вам, женщины! — приветствовала их пришедшая.

— Это ты, тетя Надя? — обрадовалась Кетеван.

— Я, я, кто же еще. Говорите, для чего вам такая старуха вдруг срочно понадобилась?

— Знакомься, тетя Надя, это наша гостя.

Тамара поднялась, осторожно пожала протянутую ей руку.

Внимательно оглядев ее, Надя села без приглашения рядом с Кетеван, сняла косынку, поправила седые волосы.

— Пришлось нам побеспокоить тебя, тетя Надя, да по такому делу, что и прощения просить не надо. Гостя наша из Москвы приехала.

— Чем же я могу помочь тебе, детка? — обратилась старуха к Тамаре.

— У нее дочь в войну пропала. Ей сказали, что она в нашем детдоме воспитывалась.

Услышав про детдом, Надя резко обернулась. Старческое благодушие как-то разом сбежало с ее лица.

— В те годы к нам немало сироток да бесприютных привозили. Выросли, разлетелись кто куда, людьми стали. Глядишь, один — инженер, другая — учительницей вышла, тот — женился, та — замуж вышла, своих детей уже воспитывает... Как звали дочку? — неожиданно спросила она.

— Мария, — ответила Тамара, а у самой голос дрогнул: сейчас здесь может решиться ее судьба.

— Мария... Мария... — неторопливо повторила старая Надя.

— Марийкой я ее называла. Шесть лет было ей тогда. Волосы каштановые, но посветлее, и вились слегка колечками на висках. Глаза — карие... И болтушка, болтушка! Вы, конечно, не могли бы забыть ее...

— Пойдемте домой ко мне, это недалеко, — объявила вдруг после долгого молчания Надя. — У меня есть групповые фото, может, и вашу Марийку там найдем.

Вскочила Тамара, она готова сейчас же бежать куда угодно, хоть на край света. Но Кетеван замахала руками:

— Таких дорогих гостей да без угощения отпускать! Перекусили бы с дороги, отдохнули, а там и по своему делу пойдете! Ну-ка, Соня!

Но разве ползет Тамаре сейчас кусок в горло, разве усидит она на месте? Кетеван проводила ее с Надей до улицы, крикнула вдогонку:

— Дайте знать, чем все кончится!

Медленно, с достоинством шагала Надя по тротуару, медленно, останавливаясь и отдуваясь, поднималась по лестнице. Наконец, покопавшись в карманах, отыскала ключ, отворила дверь.

Каждая секунда казалась Тамаре пыткой.

Вот и комната старой Нади.

— Ну-ка, поглядите там, на стене!

Тамара сорвала со стены большую фотографию, окантованную тонкой рамкой, поднесла к свету. Но туман встал в глазах, никак лиц не разобрать на карточке, все плывет и мешается перед нею. Она села в кресло, положила фотографию на колени, вгляделась попристальней. Вот и прояснились первые лица из серой тьмы. Две женщины сидят посередине, а вокруг них — справа, слева, сверху, снизу, сидя, лежа, стоя, человек сорок детей, мальчиков и девочек. И все в одинаковых костюмчиках. Все похоже пострижены, все одинаково глядят прямо в объектив.

— Вот это я, — объясняет Надя, заглядывая через плечо, — а рядом подруга моя Дареджан.

Прямо у ног Дареджан сидит коротко стриженная девочка, ничем не отличающаяся от всех остальных, — сидит и смотрит и, кажется, еле сдерживается, чтобы не расхотаться. И Тамара глядит на нее. Она одна на всей фотографии существует сейчас, только она. На плотный картон карточки капнула слеза.

— Она. Боже мой, это она.

Надя склоняется еще ниже, кладет руку ей на плечо, дышит в самое ухо и говорит — тихо, почти шепотом, еле слышно, как будто боится звуком спугнуть подступившее:

— Да, это она. Так я и думала, Мария, Марийка, болтушка и хохотушка, — это потом, когда отошла, стала она такой, а вначале все молчала и молчала...

— Она... — Слезы льются по щекам Тамары. Она смотрит на карточку, на одно-единственное лицо из всех — такой она еще не видела свою дочь, свою Марийку.

— Плакать-то нечего, милая. Жива она, дочка твоя, жива, перестань слезы лить, бога гневить. Радоваться надо тебе, да и к свадьбе заодно готовиться.

— Что? — Тамара еще не разбирает слов, не понимает того, что говорит эта добрая старая женщина.

— Что, что... Жива она, говорят тебе, и здорова. Как же мне не помнить ее, дочку твою? Привезли ее к нам тогда ночью. Сопровождающий на руках ее вынес. Она сидит, а все лицо слезами залито. Вздрагивала она во сне и все звала: «Мама, мама!» У нас прямо сердца разрывались, на нее гляючи, как она все одна да одна, с детьми не играет, сидит где-нибудь под деревом и думает, думает. А у самой все глаза в слезах. Ну потом понемногу она притерпелась, поправилась, да и детское сердце отходчиво. Как улыбнулась она впервые — словно солнышко на небе выглянуло.

Рассказывает Надя, а у Тамары перед глазами живо все так рисуется, прямо как будто сама сейчас видит.

— Та женщина, что рядом со мной сидит на карточке, Дареджан, удочерила ее потом. Она жила совсем одна — двоих сыновей у нее на фронте убило, — ну и Марийку полюбила как родную дочь. Взяла к себе домой, отдала в школу, потом и в университет устроила, только...

— Что, не удалось окончить?
— Умерла Дареджан, сломили ее горе да работа. Ну, Мария и не захотела больше здесь оставаться. Перевелась в Кутаиси. Там и живет сейчас... Я час стенько письма получаю от нашей Марины.

— Марины? — переспросила Тамара.

— Да, так мы ее называли. Вот и недавно прислала письмо. Пишет, что счастлива, что полюбила хорошего человека, автомеханик он. «Скоро, говорит, тетя Надя, мы тебя на свадьбу пригласим...» Только где мне, старой, сейчас по свадьбам из города в город раскатывать!

Молчит Тамара. Что ей говорить? Что можно сказать, когда на человека такое счастье сваливается? Выжила дочь, выросла, не пропала.

Она выбралась из кресла и, не выпуская той фотографии, обняла старую Надю. Так и стояли несколько минут две женщины, сплетенные в крепком объятии, объединенные одним чувством, одной радостью.

Потом Тамара высвободилась осторожно, повесила карточку на прежнее место и говорит:

— У меня к вам, тетя Надя... Можно, и я вас буду так называть, как моя Марийка? У меня к вам большая просьба. Проедемте со мной на могилу той доброй женщины, которая вырастила мою дочь, как вторая мать, и на путь наставила.

— Проедем, дочка, проедем, обязательно проедем, когда захочешь. Только стара уж стала твоя тетя Надя, обеспамятела. Не знаю даже, найду ли могилку моей Дареджан, а ведь мы как сестры были друг для друга!

На улице Тамара остановила такси, помогла Наде усесться, сама устроилась рядышком. По дороге в цветочном магазине купила большой букет цветов.

Машина ехала по широкой новой улице. Когда проезжали мимо нового парка, Тамара восхищенно всплеснула руками и повернулась к своей попутчице. Та сидела бледная, привалившись к углу, и тяжело дышала.

— Вам плохо, тетя Надя? — забеспокоилась Тамара.

— Ничего, до кладбища протяну, — горько пошутила та в ответ.

Вот большое тенистое кладбище с рядами огороженных могил и памятников.

— Да, разрослось наше вечное пристанище, — проговорила Надя, сворачивая по дорожке, уходящей в сторону от ворот, — здесь и более молодым нелегко разобратся.

— Ничего, тетя Надя, пройдем потихоньку, авось и найдем нужную могилку.

Медленно идет Надя, глядит по сторонам, читает надписи. Тамара так же медленно следует за ней. Все теснее стоят могильные ограды, все уже становится дорожка, все труднее идти.

В сторонке, прирав к невысокому холмику, громко причитала какая-то женщина в черной косынке. Надя и Тамара приостановились на мгновение, прислушались к горьким словам. Женщина, не поднимая головы, приникла к могиле, словно хотела отогреть ее своим теплом.

«Нет у большого горя, чем горе матери!» — подумала Тамара. Надя отодвинула ветку клена, низко свисавшую над тропинкой, и продолжила путь.

МУХНАРИ

Мухнари — так называется чудесный дубовый лес под Кутаиси.

Слева вдоль дороги прорыт канал, умиротворенно катит свои волны Риони, закованный в берега, с ярмом электростанции на гордой вьбе. Небольшой мостик через канал ведет к Лесному техникуму. Чуть поодаль высится корпус еще одного техникума — Горного, дальше — ипподром. Вот там и возведены корпуса нового завода — завода малогабаритных тракторов «Риони».

Вот так прямо уже и возведены?

Да, уже. И нет в этом ничего необычного. Ведь в такое время мы живем, что всякое дело, нужное и полезное для народа, мгновенно обретает плоть.

И нечего удивляться!

Вот уже и троллейбусная линия протянулась от города до остановки «Лесной техникум». Пройдет год-другой, и зашуршат троллейбусные бигели до самой станции Риони. Выйдет Кутаиси на железнодорожную магистраль, шагнет из своего туника на главную линию.

Машина, созданная Гоги Ломидзе, сама по себе не такая уж, как будто, сложная. Но поглядите на завод, который призван выпускать эти маленькие, юркие «Риони». Настоящий великан!

Стоят рядами новенькие, поблескивающие металлом и свежей краской трактора-малютки, и кажется, что они застыли на старте, собрав всю свою силу и энергию в одно, приготовившись вырваться на простор.

Такая картина откроется вашему взору сейчас.

А в то время, о котором рассказывается здесь, несколькими годами раньше Горе обрушилось на Гоги Ломидзе накануне того дня, на который были значены испытания нового трактора.

Смерть неожиданно унесла его отца.

Гоги огородил родную могилу оградой. Заказал надгробье для отца с матерью. И каждый день приходил туда, садился и подолгу молчал, наедине со своим горем, своей бедой, своими тяжкими думами.

Посадили в изголовье могилы две молодые елочки.

Друзья не оставляли его, пытались вывести из оцепенения, рассеять. Но он сторонился всех.

Возвращаясь после работы в свою опустевшую квартиру, садился к письменному столу, напротив которого на стене, рядом с часами, загадочно улыбался с большого портрета Георгий Ломидзе.

В который раз перечитал он отцовский дневник. Почти каждое слово запомнил наизусть. Взвесил и оценил каждый шаг. Нет, ему не в чем обвинить отца. Он был честен, правдив и искренен всегда и во всем.

Однажды вечером Гоги, как обычно, сидел у стола и листал пожелтевшие странички, исписанные рукой отца. Внезапно раздался звон часов. Он вздрогнул и оглянулся, как будто на зов.

По лестнице кто-то поднимался. Звук шагов замолк возле дверей.

В комнату вошел Владимир Джугели.

Гоги поднялся навстречу.

Джугели молча пожал протянутую ему руку, сел в кресло, достал папироску, закурил. Поглядел на стол, на фотографию на стене, вздохнул.

— Хорошего человека мы потеряли, сынок. Ты — хорошего отца, я — хорошего друга. Настоящего. Мне все кажется, будто десницу у меня отсекли. Куда бы ни пошел, места себе найти не могу. Другому бы я не стал говорить всего этого, сынок, но тебе скажу. Ты поймешь меня. Должен понять.

Гоги смотрел на Владимира, прямо в самые глаза, смотрел, и ему казалось, что перед ним глаза отца.

— Смерть безжалостна, сынок, но жизнь всеильна.

— Безжалостней смерти оказались люди, и это горше всего. И кому отец мог поперек дороги встать, за что его так?..

— Люди тоже всякие бывают, мой Гоги, не суди обо всех по одному подлцу.

— Я так и не знаю, что было в той записке, которую вы забрали тогда.

Владимир внимательно поглядел на Гоги. Нет, он ничего не знает. Молодцы, ребята, сдержали слово, так ничего и не сказали ему.

— Выбрось из головы эту дрянную записку, сынок. У тебя в жизни еще многое такое, о чем стоит думать, — и дел, и радости, и счастья...

Гоги горько усмехнулся.

— Да, Гоги, ты слышал, Мелия в шею с завода погнали. Поделом ему. Удивительно, как мы его до сих пор терпели. Впрочем, не он главный виновник...

— Не он? Так кто же?

— Так уж все сложилось, одно к одному. Человек погиб, а обвинения по уголовному кодексу никому и не предъявишь.

— Я хочу знать все, — спокойно и решительно произнес Гоги.

— Лалиса, девочка эта, секретарша директорская...

— Что — Лалиса?.. — в нетерпении поднялся Гоги.

— Совсем, дурная, разума лишилась от любви к тебе. Сама выдумала бог весть что, сама поверила, вот и передала через Мелия эту чепуху... Сейчас головой об стену бьется, — не ведала, мол, что делала. Да и впрямь, видать, черт попутал. Тебе же вот это, другое письмо более интересно будет. Только дай слово, что будешь сохранять спокойствие, не станешь с ума сходить и глупости делать.

Гоги нетерпеливо протянул руку за конвертом, который Джугели извлек из кармана. Вытащил сложенный вдвое листок, прочитал первую строчку.

«Кутаси, Автомобильный завод, Владимиру Шалвовичу Джугели».

Узнав почерк, бессильно опустился в кресло. Развернул листок, повертел его.

— Что это?..

— Читай, читай. Ты обещал сохранять спокойствие. Не то я ведь и обратно его отобрать могу!

Он похлопал его по плечу, закурил погасшую папиросу и, подойдя к окну, выпустил клуб дыма.

«Уважаемый Владимир Шалвович!

Я пишу Вам это письмо как родному отцу. Пишу, зная, что Вы близкий друг Георгия Ломидзе. Пишу, и заранее прошу у Вас извинения за все.

Конечно, Вы и помимо меня узнали бы всю мою историю, но я хочу сама рассказать Вам все.

Начну с того вечера, когда мы должны были отправиться в театр — я и Гоги. Он меня ждал к семи часам, я должна была зайти за ним.

Ровно в семь я была готова и собралась выходить. Когда я открыла дверь, на пол упал конверт. Меня, конечно, не могло не заинтересовать письмо, полученное столь необычным способом, и я тотчас прочла его.

Как описать, как передать Вам, что стало со мной после этого! Даже если бы я и захотела подробно рассказать Вам все, что думала и чувствовала в этот момент, не смогла бы, потому что сама ничего не помню. Кажется, в ту минуту я потеряла сознание. Впрочем, Вы сами можете представить мое состояние: я шла к любимому человеку, к своему жениху (да, мы уже обо всем договорились с Гоги!) и вдруг...

Боже, я даже сейчас затрудняюсь произнести это слово!

Я выскочила на улицу, как безумная, побежала куда-то, но куда? Куда я могла бежать? Что я могла сделать? Раз уж я решила быть откровенной с Вами до конца, то скажу, что я тогда просто не смогла осуществить задуманное. Нет, нелегко расставаться с жизнью, даже в такой момент.

И единственное, что я сделала — первым же поездом уехала в Тбилиси. Меня многое связывает с этим городом. Другой родины я не помню. Здесь я воспитывалась и росла (может быть, Вы знали, Владимир Шалвович, что я из детдома?). Здесь, наконец, была могила той женщины, которую я привыкла называть матерью. Куда же мне было еще бежать?

Здесь, на этой единственной родной мне могиле хотела я выплакать свое горе. Горе! И еще какое горе! Из той записки я узнала, что у меня есть настоящая мать, которая живет в Москве. Туда, к ней, найти ее, где бы то ни было разыскать! Вот все, что мне осталось в жизни. И еще — позабыть, оторвать все, что связывало с Грузией, с Кутаиси, оборвать и не вспоминать...

Не зря говорят, — подлинной жизни не выдумать ни писателю, ни сказочнику! Вы, конечно, удивитесь, да я и сама все еще не могу прийти в себя от изумления. Там, на кладбище, на могиле моей мамы Дареджан, я повстречала родную мать! Да, да, мою родную маму, Тамару Родионову, которая приехала из Москвы, чтобы разыскать меня.

И вновь перо мое бессильно продолжить описание.

Слезы, поцелуи, расспросы и рассказы... Мы поехали в дом одной нашей старой воспитательницы, ближайшей подруги моей мамы Дареджан, которая сопровождала на кладбище мою маму... Маму Тамару! Настоящую маму!

Вы видите, я сама еще путаюсь и не могу разобраться в том, что со мной произошло!

Когда прошли первые переживания и высохли первые слезы, я, наконец, решила спросить у мамы о том, что беспокоило меня больше всего, что отравило мою жизнь. Я спросила ее: — Скажи, кто мой отец и кто такой Георгий Ломидзе. Мама не удивилась, не взволновалась, не испугалась. И это показало мне самым страшным. Значит, в том ужасном письме была написана правда! Это была моя последняя мысль, и я потеряла сознание.

Долго бились надо мной мама и тетя Надя, которую я помнила еще по детдому. А потом всю ночь мы провели без сна, и мама рассказывала мне — про себя, про свою жизнь, про меня и про то, как она меня потеряла. Тяжко было слушать это повествование, поверьте мне! Тяжко и горько.

Я жадно ловила каждое ее слово, ища в нем оправдания или приговора. А когда она закончила, припала к ее груди и долго плакала. Вернее, плакали мы обе. А еще я слышала, как за занавеской на своей постели всхлипывала, сдерживая рыдания, и тетя Надя.

Владимир Шалвович!

Я знаю, что и Вас обрадует моя новость — я и Гоги ничем не связаны, в нашей любви не было ничего дурного и запретного. Сердца наши не обманули нас.

Как я счастлива сейчас, в минуту, когда могу написать Вам эти слова!

Я Вас очень прошу, расскажите все Гоги, объясните, вымолите прощение для меня. Я не решаюсь написать ему сама, хоть и не раз пыталась начать.

...Здесь я прочитала в газете про смерть Георгия Ломидзе. Увы, в эту тяжкую минуту я не могла быть рядом с Гоги, чтобы хоть немного облегчить горе.

Простите, уважаемый Владимир, что я загружаю Вас своими личными делами и переживаниями, зная, как много у Вас важных и больших дел помимо

меня. Но я помню Ваше доброе сердце и всегдашнюю доброту ко мне. Мой тбилисский адрес написан на конверте.

Еще раз извините за беспокойство.

Марина Родионова».

Гоги дочитал письмо. Сложил вдвое, засунул в конверт. Молча протянул конверт Владимиру Джугели.

— Ну, — улыбнулся Владимир, — что скажешь.

Все так же молча Гоги взял со стола потрепанную общую тетрадь — дневник отца — и протянул ему.

Джугели удивленно перелистал тетрадку, вопросительно посмотрел на Гоги.

— Это писал отец. Я уже все знаю. Хорошо, что и Марина все узнала.

— Надо ей написать, и через день-другой она вернется. — Пехехватив недоверчивый взгляд молодого инженера, Джугели повторил: — Непременно вернется.

— Уважаемый Владимир! Я так вам благодарен за все, что вы для нас сделали... Теперь вы мне вместо отца и мне больше не к кому обратиться. Очень прошу вас... Ответьте Марине, напишите, что я все знаю, все понимаю. Пусть она вернется сюда...

— Помни, сынок, отец хотел видеть вас вместе. Ему не довелось дожить до вашего счастья... Что ж! Жизнь продолжается. Сын Георгия Ломидзе продолжает свой путь на земле!

Гоги потянулся к Владимиру, словно хотел обнять его, но не решился. Джугели обеими руками взял его за плечи, притянул к себе и крепко расцеловал.

* * *

Гоги Ломидзе сидит за рычагами своего «Риони». Мотор гудит ровно, ритмично, уверенно. Настороженный слух по-новому воспринимает каждый звук, словно слышит впервые.

Гоги выключил мотор.

Теперь можно идти к директору. Все. Машина готова.

Подойдя к приемной директора и главного инженера, Гоги вдруг остановился в нерешительности. Там, за дверью, Лалиса Беридзе... Как она встретит его?

Он толкнул дверь.

За своим столом, не поднимая головы, сидит Лалиса. Но теперь ее не уязвить — это другой человек. Где ее веселость и жизнелюбность!

Гоги прошел прямо к директору.

Поговорили, обсудили все детали.

Директор поднял телефонную трубку и кому-то позвонил.

«Риони» выходил на испытание.

— Желаю удачи! — крикнул он вдогонку Гоги.

Лалиса проводила Ломидзе долгим взглядом — и было в этом взгляде что-то жалкое, виноватое.

Гоги шел по заводу.

ПОДЪЕМ, ЕЩЕ ПОДЪЕМ...

Узкий проселок взбирается наверх, все выше и выше. Поздняя осень. Хотя не весь виноград убран, и кое-где еще видны колхозники с большими плетеными корзинами за спиной. Ртвели — сбор винограда — продолжается. Сквозь пожелтые, пожелтевшие листья вызывающе выглядывают перламутрово-черные или золотистые гроздья. Посреди виноградной плантации, в самом центре, чтобы во все стороны видно было, высятся наскоро сколоченная наблюдательная вышка: несколько досок на четырех неоструганных столбах, а сверху — копна свежей травы, чтобы сидеть мягче было.

Возле проселка на самом подъеме виднеется беленный известью двухэтажный дом. Еще выше — школа, из-за нее, стыдливо укрывшаяся в зелени деревьев, выглядывает церквушка. А там по всему склону рассыпались крестьянские домики.

Хороша поздняя осень в этих краях — обильна и урожайна.

Ветерок пробегает в листьях чинар, выстроившихся вдоль изгороди, огораживающей виноградники, и они не шуршат, а тихонько потрескивают, как это умеют только чинары.

А робная дорога взбирается все выше и выше, с пригорка на пригорок, с подъема на новый подъем. Гоги Ломидзе и Гиви Чхеидзе идут по дороге, у самой обочины. Гоги, задрав голову, глядит куда-то вдаль, на самый гребень горы. Там тоже колхозные владения — виноградники.

А Гиви — как будто сейчас нет ничего более интересного и важного — увлеченно рассказывает о своем детстве, проведенном в этом селе, вспоминает, как однажды чуть не утонул в речке и что из этого вышло.

Гоги вполуха слушает занимательный рассказ друга.

— Целыми днями я на Чолабуре пропадал, из воды не вылезал, да и речка такая — курица вброд перейдет, перьев не замочит. А тут вдруг подхватил меня и тащит, по камням колотит... Еле выбрался тогда, целый день дрожал с перелугу, да к тому же отец меня еще и к стволу дерева привязал, знай, мол, как из дому на речку убежать...

— Ты не устал, Гоги? — неожиданно перебивает он сам себя.

— Нет.

— Почему мы до конторы не поднялись на машине, а потащились пешком, ума не приложу...

— На той стороне я бывал, хотел с этим участком познакомиться. Гляди, за школой отвесный склон. Вот там и устроим испытания нашему мальшу. На то и школа, чтобы экзамены устраивать.

Гиви глянул туда и рассмеялся.

— Сколько раз ребятишками играли мы на этом откосе — и не вспомнить! Бывало, возьмем сшитый из лоскутов мячик и лезем наверх, чтобы никто не мешал. Зато если ударишь чуточку посильнее, мяч катится вниз — зацепиться то там не за что. Ну, мы, конечно, всей гурьбою мчались за ним сломя голову. А не догонишь мяч, докатится он до виноградников — поминай как звали.

— Не могли поровнее площадку сыскать?

— Вниз идти далеко. А там надел моего отца был, уж он-то по тем горкам-пригоркам пота пролил, пока несколько худосочных лоз вырастил — вспомнить страшно!

— Намучился, да? — уже более заинтересованно спросил Гоги.

— Еще как! Вспахать участок надо? А туда с сохой и то не подобрешься. Вот и бери тяпку-мотыгу в руки...

— Отныне здесь все иначе будет, — несколько торжественно произнес Гоги. — И пахать, и сеять, и бороновать, и урожай собирать — все машина будет.

Чувствуя, что он очень волнуется, хоть и пытается скрыть это, Гиви успокоил его:

— Крестьяне — народ практический, увидят твою малютку — сразу полюбят... Эх, говорил я тебе, поближе к краю иди, на этой дороге всегда грязница, хоть неделю пусть солнце палит! Вот ты и испачкал себе брюки. — Гиви с досадой махнул рукой, но Гоги ничего не ответил. До того ли было!

Друзья добрались до беленого известью дома, который был огорожен густым орешником, миновали калитку и пошли по узенькой тропинке, протоптанной прямо по траве к школе.

— Пошли, — говорил Гоги, — я здесь уже бывал однажды. С хозяином говорил. Крепкий такой старик, непреклонный. Не выйдет, говорит, парень, ничего из твоей затеи, лучше и не старайся.

— Верно, не сумел ты объяснить ему толком... Впрочем, разговорам и проектам крестьянин давно уже отвык доверять. Ему дело дай, товар лицом, чтобы он потрогать мог, своими руками пощупать, своим умом раскинуть, что да как...

Гиви увидел во дворе школы какого-то мальчика, окликнул его. Тот обрадованно подбежал, бросился ему на шею.

— Отец дома? — спросил Гиви, ссаживая его на землю.

— Да.

— Сбегай, скажи — гости идут, готовься к встрече!

Парнишка стрелой помчался напрямик — только голые пятки засверкали в траве. Гиви проводил его взглядом и обернулся к другу.

— Мой братишка! — гордо пояснил он.

— Мог не говорить — и так понятно, — засмеялся Гоги. — Похожи как две капли воды, только одна поменьше, другая побольше.

Они подошли к зданию конторы. Здесь столпились колхозники, которые с любопытством разглядывали самосвал. В огромном кузове машины стоял новенький «Риони», укрытый брезентом. В самой гуще толпы стоял директор автозавода и что-то оживленно объяснял крестьянам.

Гоги и Гиви поздоровались с собравшимися.

— А вот и создатель этой машины — Гоги Ломидзе, — представил его директор.

— Послушай, парень! — повернулся к нему один крестьянин. — Ты что, детскую игрушку привез нам показывать? Неужели на таком огромном заводе ничего лучшего сделать не могли? — Он провел пальцем по узкой полоске усов, скрывая улыбку.

Вокруг рассмеялись.

— Чего вы смеетесь, дядя Теофиле? — не выдержал Гиви. — Сперва посмотрите машину в деле, а потом и остриете сколько хотите!..

— Задело, да? Вот твой отец идет, давай у него спросим.

По проселку степенно шагал отец Гиви — Ясон Чхеидзе.

Сын пошел ему навстречу, хотел обнять — целый месяц не видался, соскучился. Но отец только протянул ему руку — негоже мужчинам обниматься на людях.

— Ну как, привезли свой трактор? — поинтересовался Ясон. — Поглядим, поглядим, что за чудо такое.

Ясон был старик высокий, крепкий, годы не согнули его в плечах. Но у высокого борта самосвала ему пришлось приподняться на цыпочки, чтобы заглянуть в кузов. Отогнул брезент, посмотрел. Усмехнулся.

«Риони» был выкрашен в два цвета — красный и коричневый — и с первого взгляда впрямь походил на какую-то яркую детскую игрушку — педальный автомобильчик или еще что-то.

...Село стояло на крутом горном склоне. Домики столбами опор цеплялись за землю. Пригодные для обработки участки — один чуть побольше, а другие и вовсе с ладонь величиной — пестрели по откосу там и тут.

Гоги стоял, прилонясь спиной к шоферской кабине, и прислушивался к разговору Ясона с сыном.

— Знакомься, отец, — это инженер Ломидзе, создатель нашего трактора.

Старик посмотрел на Гоги, хмыкнул.

— А мы уже знакомы, встречались однажды, беседовали. Ну что ж, здравствуй, парень.

— Здравствуйте, отец.

— Ты все же не оставил свое, да? Поглядим, поглядим. Бог в помощь, и тогда я тебе сказал, а машина такая нам ой как нужна!

Рядом с директором завода очутился, неизвестно откуда появившийся, Владимир Джугели. Подмигнул Гиви: начинай, мол.

Гиви откинул задний борт самосвала, с помощью крестьян осторожно спустил трактор на землю. Снял брезент. Провел ладонью по сиденью. Потом оглянулся на Гоги, улыбнулся. Это молчаливое одобрение должно было обозначать: «Все готово, ни пуха ни пера, можно начинать».

Гоги включил зажигание.

«Риони» взревел мощно и гулко, дрогнул, как застоявшийся конь. Крестьяне отпрянули — видать, не ожидали от этой маленькой машины такой прыти. Ломидзе посмотрел на Гиви: давай, мол, теперь твой выход!

Гиви удобно устроился на сиденье, помахал с дороги: разойдись. И взялся обеими руками за рычаги. Потянул правый рычаг на себя, и маленький трактор тронулся с места, пошел, набирая скорость, сквозь раздавленную толпу.

Кто-то громко рассмеялся, кто-то захлопал в ладоши.

«Риони» резво стал карабкаться по проселку вверх. Все побежали следом.

Трактор ходко одолел довольно крутой подъем, приостановился на взлобке и снова пошел по узкой, извилистой тропке еще выше. Он брал подъем за подъемом, и в ровном гуле мотора не было слышно никакой натуги, никакого напряжения, словно перед ним расстилалось ровное полотнище асфальтированного шоссе.

Гиви переключил скорость. Трактор прибавил ходу, легко оставив позади толпу сопровождающих, и юрко побежал между низкорослых деревьев и кустов. Скоро он вообще скрылся из глаз. Только Гоги не отставал, бежал рядом с трактором и что-то громко кричал Гиви.

Вот они уже добрались до участка, выделенного для испытаний. Гиви поставил трактор в борозду и выключил скорость, поджидая отставших. Мотор приглушенно тархтел, поджидая своего часа.

— Ну, какие будут приказания? — крикнул Гиви.

Гоги махнул рукой:

— Выключи мотор, нечего зря жечь!

Вновь передвинут рычаг, трактор вздрогнул в последний раз и замер.

Гоги подошел к членам комиссии.

— Начнем?

Серго, директор завода, кивнул головой. В эту минуту он сам испытывал такое волнение, что не мог произнести ни слова. И так было каждый раз, когда ему приходилось присутствовать при пуске новой машины, новой модели...

Гоги посмотрел на колхозников, на членов комиссии, на друзей, увидел их напряженные, ожидающие глаза. И он, подняв руку, призывая к тишине, вдруг заговорил. Заговорил без подготовки, неожиданно для самого себя.

— Друзья! — сказал он и замолчал. С чего начать? Как выразить просто и понятно для всех то, что лежало на сердце? — Мы сделали наш трактор специально для высокогорных сел. Думаем, что эта маленькая машина сможет принести большую пользу. Во всяком случае все, кто работал над «Риони», хотя надеяться на это. Он пройдет там, где негде развернуться обычному, большому трактору, где даже упряжке быков нелегко бывает пройти. Он невелик, маневренен, очень прост в управлении. Каждый из вас сможет овладеть им, даже ребенок, — это не такая уж сложная наука... Вот и все. Да и о чем еще говорить? Об остальном пусть скажет сам «Риони». Давай, Гиви, включай!

Кто-то подбежал к трактору с корзиной, полной кукурузных початков, вручил ее Гиви. Тот зажал корзину между ног и сдвинул трактор с места.

В полной тишине раздавалось только тарахтенье мотора. Трактор шел ровно, без рывков, словно умная машина понимала, что под десятками этих внимательных, испытующих глаз ей нельзя сбиваться с ритма. Вот «Риони» одолел последние метры и замер на самом гребне горы.

Все разом сорвались с места и побежали к Гиви.

Но он, не выключая мотора, ловко развернул трактор и стал вести новую борозду вниз. Прямо перед машиной Гиви увидел лицо Ясоча, но не стал ничего говорить, только хитро подмигнул отцу мимоходом и продолжил путь.

Потом возле переднего колеса очутился какой-то здешний мальчишка. Он умоляюще кричал что-то, видать, просился прокатиться на тракторе — первым, на зависть друзьям и всему селу. Гиви глянул на Гоги: «Как быть?» Тот кивнул. Чхеидзе остановил трактор, спрыгнул на землю и махнул мальчишке. Не помня себя от радости, о которой он даже и не мечтал, парнишка подбежал к трактору и занес ногу через колесо, как будто взбирался на лошадь и продавал ступню в стремя. Гиви коротко объяснил ему что-то и отошел от «Риони».

— Спускайся, пострел, поломаешь чего-нибудь! Тебе что, эта машина правда игрушкой кажется? — крикнул Теофиле.

Мальчик не хотел так легко упустить свою неожиданную удачу и, боязливо оглянувшись на заводских, проговорил:

— Тот дядя ведь говорил, что с машиной даже ребенок управится...

Гиви ободительно показывал ему что-то руками. Парень потянул рычаг и... трактор двинулся. Юный тракторист раскраснелся от счастья, смеялся, кричал что-то, неслышное в шуме мотора, вертелся на сиденье, оглядывался назад и разок даже свернул «Риони» с борозды, вызвав возмущение всего села. Но он уже не боялся, окончательно разобравшись в рычагах трактора, уверенно вел машину вперед.

Трактор был покорен.

И вместе с ним были покорены все сомневающиеся и скептики.

Когда в конце участка машина остановилась, первым к уставшему, вспотевшему, но счастливому Гоги подошел Ясон Чхеидзе. Пожал руку, поздравил, потом, оглядевшись, обнял и крепко расцеловал.

Колхозники окружили трактор, щупали, разглядывали его, кто-то даже лег на землю и осматривал мотор снизу. Некоторые проверяли глубину пахоты. Но неверующих уже не было.

— Да, это вещь, скажу я тебе! — говорил Теофиле, поглаживая усы.

— Ну, теперь нам помощь будет, прямо спасение эта машина для таких сел, как наше! — откликнулся кто-то.

— В самом-то конце, правду сказать, этому малышу нелегко пришлось, но сынок Ясона налег на него и вытянул, — улыбнулся Теофиле и обернулся к парнишке, который первым овладел трактором:

— Ну как, сынок, понравилась тебе эта машина, что козой по горам скачет?

Тот даже вздохнул от невыразимого восторга:

— Ехал, как в «Волге»!

— Да на этой машине не то что пахать и сеять, пожалуй, и прополку делать можно! — не унимался Теофиле.

Но, видать, и впрямь на всех не угодишь, будь ты хоть семи пядей во лбу.

— Звук у него слишком уж громкий, все село оглушил, — проворчал кто-то из тех, кто вечно бывает недоволен.

— Сам малыш, а голос — до крыш, — в лад ответил Теофиле.

Заводское начальство было довольно. Правда, испытания на этом не заканчиваются, специалистам еще предстоит обмеривать да выслушивать мнение тех, для кого предназначался трактор, тоже немало значит!

Ясон подошел к председателю колхоза.

— Сейчас всех прошу ко мне в дом пожаловать, благословить новый трактор в дорогу!

Председатель попытался было перехватить гостей у Ясона — мол, люди не к одному тебе приехали, мне их и принимать — но тот ни в какую:

— Это друзья и сослуживцы моего парня, пока что у Гиви и дом есть, и родители живы, есть где его гостей принять.

Тут на помощь Ясону и супруга подоспела, так ласково и настойчиво приглашала она гостей, что отказать ей не было никакой возможности.

Стол накрывали на веранде. Мать Гиви и несколько соседей, вызвавшихся помогать ей, хлопотали на кухне и вокруг стола. Ясон в окружении гостей и односельчан священнодействовал, снимая крышку с большого кувшина, врытого в землю в винном погребе.

— А ты, Теофиле, сколько вина заготовил? — спросил председатель.

— Натурального?

Все расхохотались, и громче всех хохотал, дергая жиденькие усы, сам Теофиле.

— Как, и ты стал развлекать вино? — удивился кто-то.

— Водой-то не разбавляю, но сахаром крепить самую чуточку приходится. Да и то сказать... В прошлом году в Кутаиси вино и чистое, как материнская слеза, и крепленое — все в одной цене было. Ну я и сам решил попробовать. Правда, песку сахарного не достал, так я рафинад набросал. Он долго не таял, проклятый, но потом, правда, подсластил винцо, сделал его крепче да терпче... Только я вам скажу, что тому, кто все это выдумал, надо руки и ноги оторвать, — закончил Теофиле под общий смех.

Ясон поднял вверх граненый стакан, посмотрел на свет — чисто ли вымыт? — ополоснул руки под краном и зачерпнул вина из кувшина...

Вот так и родилось в глубине Мухтари новое предприятие. Знаете, — слева от дороги, возле ипподрома? Выстроили его ударными темпами, смонтировали оборудование, наладили производство. У автомобильного гиганта появился отпрыск — завод по производству малогабаритных тракторов «Риони». В Кутаиси вырос еще один завод.

«ПРОХОДЯТ ГОДЫ ВЕРЕНИЦЕЙ...»

Вот и прошел, пролетел, ветром пронесся год после всех описанных выше событий.

Гоги вместе с немногими близкими и друзьями побывал на могиле отца. С кладбища все отправились к нему домой.

Вокруг круглого стола, в креслах по углам комнаты, кто-то даже на подоконнике — сидело человек десять. Лица, все знакомые для нас. Вот Владимир Джугели, рядом с ним — Ладо Гордадзе. Там, дальше... Да, это Шота Варданидзе и рядом с ним, скромно потупившись, сидит его жена, Нана. Скоро год, как они поженились, а она все не может никак привыкнуть к своему новому положению. Тут же, конечно, и Гиви Чхендзе.

Во главе стола, на место для почетных гостей, хозяин усадил Тamarу Родионову. На соседнем стуле — Марина.

Тамадой за сегодняшним столом Владимир Джугели. Он старается казаться беззаботным, даже пошучивает время от времени, но нет, все впустую, не похоже это застолье ни на шумную свадьбу, ни на торжественный прием... Только один человек улыбается на шутки и прибаутки Владимира — его старый верный друг Георгий Ломидзе глядит со стены на собравшихся в его доме, глядит и улыбается...

Тамада пьет за Марину и Гоги, желает им совместного счастья в жизни.. Потом особо — большим бокалом — подымает здравницу в честь Тамары Родионовой.

Снова встает на ноги Владимир Джугели. Наполняет свой бокал, не дожидаясь, пока молодые разольют вино. Протягивает руку к висящей на стене фотографии.

— Сейчас, друзья, давайте выпьем за здоровье Георгия Ломидзе! — и, словно отвергая что-то возражения, повторяет:

-- Да, да, за здоровье!

Марина уткнулась лицом в скатерть и плачет навзрыд. Поднимается Гоги, берет в руки свой бокал, и крепко, до бледности щек, стиснув зубы, глядит на отца.

— Сегодняшнему нашему столу так не хватает его благословения, — промывает тамада, — что поделаешь, не все в этой жизни зависит от нас. Слишком рано ушел он от нас... — Владимир помолчал, проглотил комок, подступивший к горлу. — Но мы с вами твердо знаем: он ушел, честно, до конца исполнив свой долг, и самое главное — оставил преемником и наследником своим другого Георгия Ломидзе, сына своего...

Глубокая тишина царит в комнате. Казалось, даже голос Владимира не в силах нарушить ее всемогущества.

Все встали со своих мест — стоят вокруг стола, возле кресел, соскочил с подоконника Гиви Чхеидзе. Только Тамара Родионова неподвижно сидит, опершись локтями о стол и глядя на портрет напротив.

Смотрит на фотографию Владимир Джугели, пытаюсь понять, что кроется в улыбке старого товарища.

Смотрит Гоги, смотрит Марина рядом с ним.

И Гиви, и Шота, и Ладо...

В полном безмолвии осушили бокалы, расселись по местам. И снова один человек нарушил общий лад. Ладо Гордадзе остался на ногах. Он еще не выпил своего вина. Он еще не сказал своего слова.

Вот какой-то звук, похожий на всхлипывание, нарушил тишину.

— Я... Может, я больше многих ощущаю эту потерю. Познакомившись с ним, я обрел отца... Потеряв его, я потерял отца! Вечная ему память.

Ладо одним духом осушил бокал и горестно махнув рукой, сел.

Сопровождаемая внимательными взглядами всех присутствующих, встала со стула Тамара Родионова. Но она не стала пить вина, не стала говорить поминального тоста. Подошла к роялю, подняла крышку. Провела ладонью по клавишам, и непонятно было — то ли отерла пыль с инструмента, к которому так давно никто не подходил, то ли просто погладила, здороваясь после долгой разлуки.

Оглянувшись на притихших гостей, улынулась и осторожно, бережно взяла первую ноту.

Низкий, чуть глуховатый голос произнес нежные, трогательные слова забытого романса.

Проходят годы вереницей,
А мы храним в душе своей
Те сны и радостные страницы
Далеких, но чудесных дней...

Один только Гоги понимал о чем грустил, плакал, тосковал этот голос. Отцовский дневник... Западная Белоруссия... Аркадий и его семья...
Далекое, безвозвратно ушедшие в прошлое годы.

...Те сны и радостные страницы
Далеких, но чудесных дней, —

негромко поет Тамара Родионова.

Поет?

Или плачет?..

Две слезинки блестят у нее на глазах, но они никому не видны в этой комнате. Никому.

Только одному человеку, который выглядывает из тонкой рамки, висящей на стене, и чему-то улыбается.

ПЕСНЯ

Травы сгорали в жару безответно,
распространяя неистовый запах,
и, как положено в мире от века,
солнце склонялось куда-то на запад.
Утром и в полночь, вчера и сегодня,
в травах и в тучах — ну, словом, повсюду
я ощущал наяву и спросонья
ту тишину, что так родственна чуду.
Только однажды высокая нота
Вырвалась вдруг из землянки военной,
бидно, в землянке неведомый кто-то
вспомнил внезапно напез сокровенный.
Люди молчали и слушали песню,
некогда слышанную многократно,
и на душе, открывавшейся пенью,
вдруг становилось светло и отраднo.
...Но всколыхнулись притихшие травы,
и задрожали деревья в округе,
и в ожиданьи беды и утраты
в песне послышались грозные звуки.
И началось...

Как голодные волки,
взвыли орудия, алчно стеная,
взвизгнули, взвившись, над нами осколки,
заговорила машина стальная!
Кончился бой. Канонада утихла,
и над пустыней из угля и пепла
снова протяжная песня возникла,
песня победы, бессмертная песня.
Травы сгорали в поре первоцвета,
распространяя неистовый запах,
и как положено в мире от века,
солнце склонялось куда-то на запад.

НА МОРСКОМ БЕРЕГУ

Мы вдоль берега шли, ничего не боясь.
Тишину источали земля и каменья.
Даже ветер, от ветрености утомясь,
где-то ткнулся в песок и нашел утоленье.

Мы вели разговор, а военный пожар
не восходил над землею. И было так странно,
что таинственный филин в чашобе кричал,
призывая подругу тревожно и страстно.

Мы вели разговор, а природа цвела,
раскрывая для жизни зеленое лоно,
и листва распускалась, и млела листва,
и дышала порывисто и обновленно.

Мы вели разговор, и не верилось нам,
что так быстро закрылись военные раны,
что развеялся дым и растаял туман,
что траншеи травой зарастают, как шрамы.

Мы не верили, робко глядели вокруг,
удивляясь, что вновь тишина наступила,
что как прежде взошли на положенный круг
вековые звезды, земные светила.

Мы молчали, желая с тобой разгадать,
что нам хочет сказать в этот вечер природа,
что желает поведать лиловая даль
и откуда в душе возникает свобода.

А природа царила везде — в небесах,
на зеленой земле, на притихнувшем море,
и звучала победа в ее голосах,
и терялся наш голос в торжественном хоре.

Перевод с грузинского Ст. Куяева.

Лидия МАГИСТРОВА

ОСЕННИЕ МОТИВЫ

* * *

Есть в медленных осенних вечерах
Пронзительная выветленность грусти.
Жизнь словно медлит, приближаясь к
Живое медлит обратиться в прах...

Еще живут, еще светлы сады,
Еще в них спят неистовые ветры,
Только трепещут, словно руки, ветви
В томительном предчувствии беды.

О, листопадов первых торжество
На улицах, насквозь прозолоченных!
Они шумят совсем не обреченно,
Конца не осознавши своего...

Еще придет к ним жгучая тоска
И горькое большое откровенье,

И станет болью каждое движение
Отчаянно продрогшего листка,

И схватка будет не на жизнь — на смерть!
Страшна определенностью исхода...
Быть может, тайно ведомо природе,
Что человек еще постичь не смел?

Быть может, откровенье в ней живет,
Что в этом умирании осеннем
Таинственный зачаток воскресенья,
Зерно весны, которое взойдет?

Но как непросто противостоять
Ветрам и ливням,
Бренности и тлену!..
Как научиться мужеству деревьев?
Безмолвию их мудрость осознать?..

* * *

Дверь отворю —
Входи, рассвет осенний,
Туманами мне губы охлади...
Что ты несешь?
Тревогу?
Откровенье?
Что обещаешь?..
Все равно —

входи...

Как много в немоте
твоей таится,
И как нелепа немота моя!
Завидую до боли

Каждой птице
осенних стай,
Они сильнее, чем я...
Как в них сильна,
Как в них светла надежда!
Как действительны
Два теплых их крыла!

Мне кажется,
Была я птицей
прежде,
Чем женщиною
в этот мир
пришла...

Кто-то опаздывает на автобус

П О В Е С Т Ъ

Перевод с грузинского А. Абуашвили

— Включи лучше утюг, мама, плащ нужно погладить.

— Ты что, уходишь куда? Какое время, доченька, десятый час.

«Хоть двенадцатый, хоть первый...»

— Обещала в девять к Лили зайти. Неудобно, будут ждать меня. Или не надо, не включай, дай мне теплое платье. Они меня проводят — Лили и Заза. Они тут совсем рядом живут...

«Умру, если хоть раз не взгляну на него. Пусть говорят, что хотят... Умру, если его не увижу, умру, умру, умру...»

Руки у нее дрожали. Еще сильнее дрожали колени, когда она натягивала чулки. Мать, испуганная, глядела на нее и, подавая Эленэ платье, тоже не могла справиться со своими трясающимися руками.

«Бедняжка, ей только этих сцен не хватало. Прости, мама. Никогда я никогда ни о чем не просила. Тебя первую прошу — прости меня, мама... Будь я и впрямь угрюмой сычухой, я бы все ей сейчас сказала. Сказала бы так, как говорила о шерстяных чулках. Но зря я себя уверяю, будто я на что-то способна. Такая же слезливая баба, как миллионы других. Даже если очень захочу, все равно ничего не смогу сказать, разревусь в три ручья, прежде чем слово вымолвлю.»

— Извини, пожалуйста, что я тебя одну оставляю. Приду очень скоро. Раньше Тины. Они там что-то мне хотят показать. Посмотрю и тут же уйду.

Мама ничего не сказала. У нее были удивленные испуганные глаза, и улыбалась она через силу.

— Иди, девочка моя, куда тебе хочется, туда и иди.

Эленэ сбегала по лестнице. Во дворе у крана что-то стирала Марго. Обернувшись, она улыбнулась Эленэ.

— А, учительница, как живешь? Сейчас приехала?

— Да, вот только что, Марго, дорогая, извини, опаздываю. У вас все хорошо? Как папа? Не ложился в больницу?

— Нет, пока воздерживается.

— Будь здорова, Марго, дорогая, извини, что так на ходу спрашиваю, спешу очень.

«Половина десятого. Доберусь, десять еще не будет. Если прийти до десяти, ничего страшного в этом нет. Выдумую что-нибудь, найду какую-нибудь причину по дороге. Какие удивленные глаза были у мамы! Бог знает, что она только теперь не думает. А я бегу, как сумасшедшая. Нельзя так, нельзя так бежать. Увидит кто-нибудь, обязательно остановит и спросит — не случилось ли чего плохого. Не до этого мне сейчас... Вот от его матери ничего не скроешь. Вообще от женщины ее возраста ничего нельзя утаить. Приду и попрошу, чтобы... Что попрошу, что можно сочинить в этой спешке?! Почему именно я вечно оказываюсь в таком нелепом положении, другая бы на моем месте... Та же Эсма, она, небось, и в двенадцать часов не постесняется прийти к ним запросто. Сделает самое личное и так мило смутится, что ей и в полночь не стыдно будет постучаться в чужую дверь...»

Толпа на проспекте значительно поредела. Эленэ больше не бежала, но все еще шла быстро.

«Господи, ну что бы ему встретиться мне на улице. Сколько раз бывало: загадаю — и вдруг встречу его. Господи, пускай бы он сейчас мне встретился, что ж тут такого... Если он дома, так и Эсма там. Сегодня суббота. Нет, зря я бегу. Эсма, наверное, уволокла его куда-нибудь. На день рождения, или на чью-нибудь свадьбу, или... Эсма без этого не может, да еще в субботний вечер... А я даже не сумела узнать, в городе ли он вообще. Может, навьючил на себя рюкзак и бродит где-то в горах. Он ведь как раз в такую пору и

Окончание. Начало в № 11.

любит ходить по горам, когда не натыкаешься на каждом шагу на модных путешественников. Особенно на пискливых девчат с облупившимися от солнца носами...» У магазина Лагидзе стоял Заур и, размахивая руками, говорил с каиними-то ребятами. «Позову и спрошу, не видел ли он Сулхана. Позову и спрошу. А вдруг спросит — зачем, мол, он тебе нужен? Дело, скажу, есть. Не удивитесь? Меня считают близким к их семье человеком, а я о нем на улице спрашиваю. Скажу, что была у них дома и не застала его. Скажу, что...»

— Заур!

Заур не слышал.

— Заур!

Кто-то из ребят знаком показал ему — зовут тебя.

Заур обернулся и, подняв руки, пошел к ней.

— Кого я вижу!.. — Высоченный, он, нагнувшись, откинул ей голову и поцеловал в лоб. — Как жизнь, дорогуша?

— Хорошо. Ты что, пьяный?

— С чего ты взяла? Нет, Ирой тебе клянутся. Давай, знаешь что — выпьем по стакану шампанского! Вот назло этой шпане спустись со мной в ресторан. Ты, если хочешь, одну воду пей, только зайдём.

— Нет, Заур, дорогой, некогда мне. Слушай, что я тебя хотела спросить, ты тут Сулхана не видел?

— Разве он не дома?

— Дома?

Надо было что-то соврать ему.

— Дома? — машинально повтори-ла Эленэ.

— Ну да, я же сейчас от них, и все они дома: Эсма, ее подруга, знаешь, с красными волосами — Марца, или Марца, как ее там... Сулхан рисует эту красноволосую, а Эсма не тот экземпляр, чтобы их одних оставить.

— Да-а? Тогда я пойду туда. Дело у меня к нему, понимаешь!

— А я не могу помочь? Скажи, Элико, дорогуша. Душу за тебя отдам — хочешь, прямо сейчас отлуплю когонибудь? Ты скажи, я хоть сразу троих отлуплю.

— Бросил бы ты лучше эти драки... Не мальчик уже.

— Мир кишит противными типами. Элико, дорогуша. Ты умница и знаешь это лучше меня. С ними нельзя говорить. Им только — в рожу!

— Фу, ты весь водкой проспиртован.

— Нет, умереть мне на этом месте. Клянусь Ирой.

— Ладно, ладно, тебя ждут. Ты им что-то рассказывал. Иди доскажи.

— Да ну их. Я провожу тебя.

— Не надо провожать, это же рядом совсем.

— Наверх не поднимусь, а до дома провожу. Я же только что был у них,

и они меня прямо-таки выгнали. Клянусь Ирой, тетя Нино выгнала.

— Не надо, Заур, дорогой, варищи ждут тебя.

Некоторое время она шла быстро. Потом убавила шаг. Потом остановилась, и даже повернулась было, но все же пошла дальше.

«Удивительно, Заур ради меня готов избить сразу троих, Заза тоже, Сулхан, наверное, пятерых или еще больше. Потом придут и вытянутся передо мной с лицами победивших учеников. А я начну читать им нотации, втолковывать, что так нельзя, что надо иначе вести себя. Они без пререканий выслушают меня. Потом даже сделают так, как я им скажу. Не будут пить, не будут драться. Если где-нибудь зайдет речь обо мне, скажут, что я умная, удивительно умная. И точно, на этом все и кончается! Не помню, чтобы кто-нибудь из них набрался смелости взять меня за руку, не по-товарищески, а как-то по-другому, как мужчины берут за руку женщин. Заур ведь был пьян, и то какой страх мелькнул у него в глазах, когда он поцеловал меня в лоб... Что происходит с этим мальчиком? Все пьет и пьет. Как он любит свою сестру! Как он ласков к ней, как он всюду с ней ходит! И как она горда этим! Заур все время ею кланяется. Был бы у меня такой старший брат, я бы ему все сказала. Как хорошо, когда большому и сильному доверяешь что-то заветное... Какого черта я еще туда плетусь. Вот прямо здесь перейду на другую сторону и отправлюсь домой. Медленно пойду, хотя... я же маме сказала, что скоро вернусь. Сяду на троллейбус и...»

В троллейбусе она снова ощутила тепло и свет. Пассажиры, как и в тот раз, сидели молча, как будто все задумалось о чем-то об одном.

«Приду, выпью чаю и засну. А не смогу уснуть, начну строить воздушные замки, потом взорву их, разрушу до основания. Разболится голова. Всплакну немножко — этим все и кончится».

Едва она успела войти в троллейбус, как на нее тупо уставился какой-то мужчина в шляпе, больше он ни на секунду не отводил от нее взгляда.

«Вот этот мне пара. Какая шляпа! Какой галстук! Спорим, что если он не профессор, так уж обязательно доцент. Спорим? Наверняка, тоже любит рассуждать, поучать, анализировать, делать выводы, совсем, как я. Спорим?»

Усилием воли она заставила себя слегка наклониться к нему и, улыбаясь, спросила:

— Простите, не вы ли это, уважаемый Порфирий?

Мужчина явно вздрогнул, вроде даже затрясся.

— Что вы сказали?
— Я говорю, это не вы, уважаемый Порфирий?

— Нет, дорогая, простите, но до сегодняшнего дня меня звали Юстинэ, а отныне... хи-хи-хи... — мужчина поднес к лицу ладонь, поиграл пальцами, словно усмехнулся своим пальцам, — а отныне не знаю.

— Ой, извините, ради бога. Был у нас один лектор на курсах переподготовки, вы очень на него похожи. Он тогда, знаете, носил усы и маленькую бородку. Я еще подумала — он их сбрил, потому, мол, я его и не узнаю. Да и как-никак пять лет с тех пор прошло. Мужчина потрогал подбородок и снова усмехнулся.

— Нет, дорогая, я тоже лектор, но не Порфирий, а Юстинэ.

«Ага, я же сказала!»

— Ничего, бывает, — смягчился мужчина, — однажды я был в Сочи, там со мной почище история приключилась...

«Ну, точно! Теперь лачнет, а дай ему волю, он и до утра будет так разглагольствовать. Привозит к позорному столбу все человечество, потом придет домой и устроит жене сцену — почему она ему вместо кутаисской петрушки купила саганлугскую!..»

Мужчина закончил ту свою историю и приступил к следующей.

— Впрочем, я хотел оказать совсем о другом. Представляете, каким приятным воспоминанием останется вот эта встреча. У вас такие хорошие, умные глаза...

«Ладно, ладно, хватит, уважаемый, как бишь тебя, Серапионэ или Сили-бисто».

— Прону прощения, я здесь схожу.

Она с трудом улыбнулась. Поднялась и пошла к выходу.

— Извините!

— Ну, что вы! — встал мужчина. — Я тоже схожу, провожу вас... сочту за счастье...

— Нет, благодарю вас, всего доброго!

«Если этот дегенерат сейчас не отвяжется, я здесь же закачу ему такой скандал...»

Она вышла у Дома правительства и пошла по проспекту назад. Мужчина шагал за ней следом, полы его дорогого китайского плаща широко развевались.

— Знаете, девушка...

Эленэ остановилась и круто обернулась к нему. Она чувствовала, какое жуткое омерзение светилось в ее глазах.

— Весьма признательна, но мне не нужны ваши проводы, Юстинэ или Серапион.

Юстинэ или Серапион застыл, как громом пораженный. Только отойдя уже несколько шагов, она услышала:

— Ух, так твою!..

Эленэ даже не оглянулась. «Северианэ или Юстинэ. Все-таки что он сказал, как его зовут? Северианэ. Нет, Юстинэ, Юстинэ... А я его как окрестила? Уважаемый Порфирий. Фу, черт! Полезет же такая чушь в голову, ну откуда я взяла уважаемого Порфирия? А что бы он со мной сделал, если бы знал, почему я его спрашивала! Так мне и надо. С чего это я вдруг спятила? Приду и засну!.. Хорошо еще у Заура дотадалась узнать! А то бы сейчас было: о, Эленэ! когда приехала? как живешь? как твои ученики, стараются? Какая погода в деревне? ты хоть поправилась немножко? смстрела «Великий Карузо»? Ланца гениален, скажи!» Потом Сулхан принялся бы меня рисовать. Нарисовал бы только глаза и губы. А Эсма все ходила бы и трещала. Господи, я еще ее не видела, а уши уже полны ее смехом и болтовней. Какая у ней фигура! Это я понимаю, фигура! Лолобриджида, а потом она! Или наоборот, сперва она, потом Лолобриджида. Зато вот у меня походочка! Слово бином Ньютона на ходу решаю... Тина, наверное, уже дома».

У старого клена недалеко от калитки стояла в темноте пара. Видно, заместили Эленэ — скрылись за деревом.

«Интересно, целуются они сейчас. Вдруг это Тина? Нет, Тину бы я узнала. Как бы темно ни было, Тину я все равно узнаю. Хоть посмотреть бы, как они целуются. Красивые они? Сколько раз мог он целовать Эсму? А Эсми... Та, наверное, при каждом удобном и неудобном случае все целует и целует его. К новому году, наверное, распишутся. На свадьбе меня, разумеется, не будет. Я не смогу приехать из деревни. Я пойду потом. Понесу хрустальные вазы и торг. Распелюю обоих. Пожелаю им всех благ, чтобы дожили вместе до счастливой старости. Еще чего доброго пошучу — что это, дескать, вы до сих пор тянули, уже бы и мальчишке полагалось быть, а?.. Потом я заболела и они меня навесят. На Эсме будет широкое пальто и туфли на низких каблучках. А потом я увижу их через год. Потом через два. Ребенок будет звать меня тетей. Подарю ему «Мойдодыра» Чуковского, ружье и заводной автомобиль. Спрошу у Эсмы, можно мне с ним немножко погулять? Эсма скажет, ребенку пора спать, а гулять мы пойдем потом, в следующий раз; Сулхан опять тремя взмахами карандаша нарисует мои глаза и губы, как всегда, добродушно посмеется надо мной, и... Волосы у меня будут седые, седые...»

Дверь открыла Тина. Выждала, чтобы определить, в каком сестра настроении. Эленэ улыбнулась ей, и тогда все вокруг, казалось, просветлело, зашумело:

— Родная моя! Красивая! Умная!

— Хорошо, ну хорошо, задушишь.

Тина, как ребенка, тащила ее в свою комнату, обнимала, тискала, целовала. Так крепко сжимала ее своими сильными руками, что у Эленэ все кости трещали.

«Вот кто меня любит! Бог ты мой, какая здоровая! Любого парня одолеет!»

— Как ты пополнела, на что это по-хоже! Сколько ты весишь?

— Да ну тебя! — покраснела Тина.

— Сколько весишь, скажи.

— Шестьдесят шесть.

— Мамочка моя! Прямо Поль Амдерсон. Года за два небось все сто наберешь.

— Будет тебе! Знаешь, как я спортом занимаюсь!

— Все на теннис ходишь?

— Ага.

— Сказала я тебе, ходи на плаванье. Девушкам полезней всего заниматься плаваньем.

«Ну вот, опять! Пошли нравоучения, мудрые советы. Эх, дуреха же ты!»

— Дай ты ей отдышаться, доченька, улыбаясь говорила Тине мать.

— Ладно, пускай сядет. Сядь вот так, а я буду на тебя смотреть.

Эленэ села на тахту, подогнула под себя ноги и натянула подол платья. Тина уселась напротив, тоже подобрала ноги, провела большим и указательным пальцем по уголкам губ, изображая деревенскую сплетницу, и начала на кахетинском наречии:

— Ну, милочка, как живешь, как муж, как детки, индюшки, индюшата, — Эленэ чуть не рассмеялась, но подхватила в том сестре:

— Вашими молитвами, дорогая Тинка, вашими молитвами. У индюшат, правда, что-то живыtiny малость раздуться стали, боюсь, неровен час, околет, а так...

— Дурной глаз, милочка, дурной глаз. Кто-нибудь взглянул ваших индюшат, это уж как есть. К гадалке надо сходить, дорогая Эленэ, к гадалке. В Навтлуге, говорят, гадает одна, да развернется под ней земля, подумать только, милочка, — незамужняя! Девушка! А чего только ни наговорит, прямо с ума людей сводит!

— И сейчас тут кто-то по улице мчался как полоумный, видно, от той навтлугской гадалки бежал, бедняга!

Теперь смеялась и мама, вытирая платком слезы.

— Ох, будь ты неладна, Тина, шутковская твоя голова! Выдумает же...

— Ну, а как у тебя дела, милочка, как поживает твоя учительница Клавдия Исаевна?

— И-и, чтоб она ослепла, чтоб громом разразило ее дурацкую башку. Представляешь: роман начала писать! Прихожу, а она мне читает: «Он был высок, строен и элегантен, как Печорин»...

С Тиной некогда было о чем-то там раздумывать, с Тиной и Эленэ становилась беспечной хохотуньей, если, конечно, Тина не перебарщивала и Эленэ не сердилась на нее. Тина боялась обидеть сестру. И мама считалась с Эленэ — словно та была старшей в доме. Вообще то так оно и было. Без Эленэ ничего в семье не делалось, даже ничего не покупали, не посоветовавшись с ней.

В двенадцать они легли. Тина, как маленькая девочка, моргала ресницами — будто соображая заплакать. Эленэ смеялась. Наконец проворчала — ладно уж, иди, Тина, топя по полу босыми ногами, мигом перебежала комнату и юркнула к ней под одеяло. Сестры лежали на спине, глядели в потолок и смеялись. Тина выдумывала всякую всячину, и Эленэ хохотала, хохотала до упаду.

— Хорошо, девочки, будет вам! — говорила встревоженная мама.

Мама боялась всего. Смеха в особенности. Посмеется немножко и вдруг оборвет себя — как бы чего худого не вышло.

В час ночи Тина перебралась в свою постель. Подложила пухленькую ладонь под румяную щеку и моментально уснула. Эленэ тоже старалась заснуть, но напрасно она ворочалась и закрывала глаза...

«А что если вообще его не увижу... Нет, не умру! Никто от этого не умрел, и я не умру. Другой кто-нибудь, может, и умер бы, а такая сычиха угрюмая разве может умереть оттого, что кого-то не увидит. Куда там!.. У же и той горечи, какой-то боли, которая меня все время мучила, больше не чувствую. Абсолютно спокойна, могу хоть сейчас урок провести! Тина? Нет, тут не только в Тине дело. Я и когда увидела ту пару у клена, была уже в таком настроении. Девочка, наверно, с нашей улицы. Маленькая, может еще моложе Тины. Хотя что значит маленькая — Тине скоро двадцать три. Девушки даже в семнадцать лет не считаются маленькими. Любовь в этом возрасте и бывает. Разве сейчас чья-нибудь любовь заставит меня затрепетать? А, где уж мне! Просто сижу в той своей комнате одна за толстыми стенами, на дворе дождь, грязь, должна же я о чем-то думать? Вот и сочиняю себе трагедию: «если не увижу его — умру!» В мои годы от таких вещей не умирают. Вышла же чаю, улеглась в постель, ну, а те-

перь засни, чтобы утром с новыми силами приняться за дела. Столько всяких дел надо переделать! Сорочку Тине, теплые ботинки и шерстяные чулки маме, моим мальчишкам тренировочные костюмы, базар, баня... Вот и вся твоя жизнь. Следи, чтобы никто не простудился, не заболел, бегай по магазинам, чтобы кто-то другой не устал, встрай, стряпай... Держи все время ухо сторою — никому не спускай лики, фальши, мерзости, разоблачай и воспитывай ближнего своего. Усади детей и заставь их повторять вслух: «Именительный — кто? что? Родительный — кого? чего? Потом Тина выйдет замуж, родится у нее ребенок. А для ухода за ребенком не то что меня одной, троих таких, как я, мало...»

Эленэ еще раз повернулась к стене и тогда почувствовала, что ее подушка намокла. Она испугалась, что расплачется вслух, и накрылась одеялом с голубой. Потом пришел Сулхан. В той своей рубашке с распахнутым воротом и короткими рукавами. Эленэ беспокоилась: ноябрь на дворе, многие уже надели пальто, а Сулхан в легкой рубашке... Ходит по комнате и смеется. На Эленэ даже не смотрит. О чем-то рассказывает, смеется и ходит по комнате. Потом берет книгу, кладет на нее лист бумаги и начинает рисовать Эленэ. Так и не взглянув на нее ни разу, рисует ее глаза и губы и делает подписи: «Мой melancholicный друг», «Строгая учительница», «Умная девушка»... Под каждым рисунком он делает новую подпись и после каждой подписи обязательно хохочет... Потом появляются дети. Они путаются под ногами и галдят. Потом Тина обнажает огромную левую грудь, чтобы накормить ребенка. А вот Эленэ в одной комбинации идет по улице и не знает, куда спрятаться. Ее нагоняет Сулхан, смеется и непомерно длинной кистью мажет ей спину красной краской — полосками, сверху вниз, сверху вниз... Краска была холодной, как слезы, пропитавшие подушку, — Эленэ проснулась.

Проснулась и удивилась. В окне уже брезжил рассвет. Сперва ей почудилось, что она в деревне и на улице дождь, непременно дождь, так как в этом году всю осень лили дожди. Потом она сразу вспомнила все.

«Какая я дура, боже мой! И куда я помчалась в такой поздний час?! Спасибо, что хоть встретила Заура. Что я надела с этим несчастным типом в троллейбусе? К тому же он лектор. А вдруг попадет где-нибудь еще раз и узнает! Ну и пусть... Хорошая все-таки штука — день. Особенно утро, солнечное утро! Сегодня и Сулхана увижу. Сегодня я его просто так, совсем просто увижу. И во сне ведь видела!»

Сулхан обязательно нарисует меня и придумает какую-нибудь новую под-

пись, — на этом все и кончится. Почему же? Он еще поцелует меня. В лоб. В умный лоб, как он сам любит говорить...»

Тина тоже проснулась и сразу со смехом побежала к ней. Дрожка от холода, легла рядом и обеими руками подтянула одеяло до подбородка.

— Как спалось тебе? Привиделось что-нибудь во сне?

— Тебя видела. Будто родился у тебя ребенок. И ты собиралась кормить его.

— Ладно, кончай!

— Клянусь тобой. Смотри, не схвати насморк, будь осторожна.

Тина несколько раз глубоко вздохнула носом.

— Слышишь? Уже схватила.

— Теперь и меня заразишь.

— Тогда я к себе пойду.

— Нет, нет, лежи. Давай сходим сегодня с тобой на базар.

— Зарплату получила? Я тоже стипендию получила. Объявляется кутеж.

— Хочешь, приготовим сациви?

— Идет.

— Который час?

— Без десяти девять.

— Аух, уже полдень на носу. Встаем, быстро.

Эленэ отбросила одеяло и села на стели.

— А я, знаешь, что видела во сне? — поднялась и Тина.

— Представляю, что бы тебе приснилось!

Эленэ подложила руки под колени, выпрямила ноги, откинув голову, оглядела их и обрадовалась.

«Ноги у меня не такие уж плохие, если б еще поправиться немного...»

Тина засмеялась.

— Чего смеешься?

— Знаешь, что мне снилось? Как будто наша Клавдия Исаевна вытатила и разложила на полу свои кремы. А я была собачонкой и языком вылизывала все эти ее баночки.

Эленэ расхохоталась.

— Ненормальная!

— Представляешь, у одного крема какой был вкус? Точь-в-точь, как у пастилы «Зефир», которую ты не любишь.

— Тыфу, замолчи сейчас же!

— Клянусь всеми.

— Прекрати, хватит!

— А когда проснулась, я все назад оглядывалась — не торчит ли у меня хвост.

Эленэ надевала халат и смеялась.

— Ну, довольно, Тина, перестань!

...Потом Эленэ стояла на старинном балконе с деревянными перилами, поправляла рукой волосы и, как ребенок, очутившийся в красивой незнакомой местности, озиралась вокруг.

Небо было прозрачно, воздух холоден и чист. Густой туман, похожий на пар, стоял над Тбилиси, и в этом тумане где-то в стороне Навтлуги неподвижно висело огромное красное солнце.

Двор был мокрым, словно его кто поливал. Тетя Надя выставила на солнце горшочек с цветком и, не взглянув наверх, зашла обратно в комнату. Потом Оля вынесла чистить черный костюм.

«Несчастливая Оля. Не только платье у нее измято, но и вся она какая-то измятая, изжеванная. Всего на три года старше меня, а уже одним лишь мылом и пахнет от нее, мылом и стиркой. Шутка ли, растить четверых ребят? А как ее маленькая девочка болела...»

— Оля, здравствуй!

— Ох, здравствуй, Эличка, как живешь, красавица? Когда приехала?

— Вчера вечером. Как у вас дела? Кетино, говорят, уже выздоровела. Говорят, она свиной переболела?

— Свиной, да еще в какой тяжелой форме! Мы все тут прямо извелись...

— А где же она?

— Мама моя вчера ее к себе забрала.

Во двор вышел дядя Гурген. В руках он держал сумку, видно, направлялся на базар.

— О, Эличка, приветствую тебя! Как живешь, дочка, все еще ходишь одна-одиношенька?

— Что поделаешь, дядя Гурген, не могу же я силой кого-нибудь окрутить?

— А как же, дочка! Силой, конечно, не надо, но и сама ты должна что-то предпринять. Для начала неплохо бы немножко жирком обрести. А то куда это годится, словно тебя голодом морят. Потом одному глазки сделаешь — на то они и красивые у тебя, другому улыбочку пошлешь, глядишь, кто-то уже и попался в сети.

— Это все тоже надо уметь, дядя Гурген.

— Уметь! — понизил голос дядя Гурген. — Будто наша Маргуша такая умелая выискалась, а гляди, кавалеров как перчатки меняет! То, что ты можешь, дочка, я думаю, даже Константин Дадешкелиани не мог; просто не хочешь ты, чтобы мы на твоей свадьбе погуляли, — вот и все. Не перевелись же парни на свете?

— То-то и оно, что перевелись, которые бы ей подошли. Будь они прокляты, эти нынешние парни! — со злостью крикнула Оля.

— Время теперь выбирать — подходящий, неподходящий? Тут хоть как-никак себя устроить, а то... Надя, взять тебе грузинского хлеба?

— С кем это ты разговариваешь, Гурген? — посмотрела наверх тетя Надя.

Эличка, ты? Не узнала тебя, девочка. Как живешь? Ты все такая же худощая?

«Все об этом спрашивают, кроме мамы и Тины. Те боятся. Не то что боятся, не хотят травить мне душу».

— Тетя Надя, как Этери, не родила еще?

— Со дня на день ждем, Эличка, доходя, вот так и живем в страхе!

— В городе-то чего бояться?

— Ох, что ты, девочка, будь проклят день, когда бог создал женщину, разве угадаешь, как все обернется?

«Прямо итальянское кино. Неровно вымощенный двор, покосившаяся колонка, громоздящиеся друг на друга балконы, разное барахло, на веревках белье, одежда. У всех свои дела, свои заботы, каждый мерит на свой аршин. Оля кланет парней, потому что ее сестру бросил муж; дядя Гурген все время шутит — детей у него нет, ему и горя мало. Тетя Надя все еще трясется над Этери: сперва тряслась из-за ее учебы, потом — лишь бы муж хороший попался, теперь — как она от бремени разрешится; Маргуша, небось, уже по городу шляется; а я проветриваю свою голову после вчерашней дури. Говорят, конструируют какую-то машину, — захочешь, и можешь узнать мысли другого человека. С ума посходили люди...»

Тина тоже стояла на балконе и по-мальчишески посовистывала какому-то залетному голубю. Голубь гордо расхаживал по железной крыше и время от времени ворковал.

Потом Тина стала кидать ему хлебные крошки и, наконец, убедившись, что голубя не заманишь, вскинула над головой половую щетку. Голубь взвился и, хлопая крыльями, облетел голые макушки тополей. Воробьи, сидевшие на ветках, изумленно уставились на него.

— Позавтракаем, когда с базара придем, хорошо?

— Поели бы невозможно.

— Мы скоро вернемся, мама.

Эленэ села и стала натягивать чулки. — Эх, что за наказание! Смотри, как петля поползла. Выбросить их, что ли?

— Да ну, — махнула рукой Тина, — закрепи, чтобы дальше не полезла, и все. Как будто на улице за что-то зацепилась и не заметила. Черт бы того драл, кто такую дрянь выпускает!

— Пузатого директора фабрики. Все-го второй раз надеваю, представляешь?

— И супругу уважаемого директора. Вот уж у кого чулок навалом, скажи, нет?

— Вы, девочки, только глядите, не тратьте этих денег попусту. Столько нам всего нужно, сами знаете!..

Мать проводила их по балкону до лестницы. Они бежали вниз. У поко-

сившейся калитки Эленэ снова вспомнила:

— Где этот разиня Тенгиз, неужели ему трудно ее закрепить?

— Тенгиз в Риге, на соревнованиях...

Улица была словно вымытой. Всю неделю беспрерывно лили дожди, и только последние два дня распогодилось. Ветви деревьев были расцвечены солнечными лучами и, мельтеша в этих лучах, резвились, прыгали, чирикали воробьи. Наверно, потому, что было воскресенье, лица у всех прохожих были довольные, отдохнувшие. А встречались им в основном пожилые люди. Молодые, видимо, еще спали. «Молодежь появится в полдень, ребята побреются, вырядятся в черные с иголочки костюмы и выйдут. На Руставели яблоку негде будет упасть».

— Знаешь, на какой рынок пойдем? На Верийский. Там сравнительно дешево все. Да и по Руставели хочется прогуляться.

«Пройду мимо их улицы, может, встречу его, он иногда ходит за хлебом».

— А где ты вчера вечером была?

— К Лили забегала по всяким делам.

— Пешком пойдем?

— Тебе что, лень?

— Да нет, я-то с удовольствием, чтобы ты не устала...

— Вот еще!

«Зачем я сказала ей, что была у Лили? Мама-то не встретит ее, а Тина столько шатается по городу, что обязательно наткнется где-нибудь на Лили и узнает, что я к ним не заходила. А может, сегодня на самом деле надо пойти к Лили? Когда пойти к Сулхану? Не могу же я уехать, не увидев его? Нет, что было вчера... Вчера я все-таки не рассчитывала встретиться с ним. Сегодня другое дело... Если и сегодня... Что за глупости. Приду в час. Клянусь всем на свете, увижу его и уйду. Десяти минут не посижу, увижу и сразу уйду. Мне и этого на целый месяц хватит».

— Смотрела «Великий Карузо»?

— Так, по-деревенски.

— Что значит по-деревенски?

— У нас в клубе такой звук, что не разберешь, тенор поет или баритон.

— Хочешь, сегодня еще раз сходим? Марио какой чудесный, правда? Помнишь, когда он лежит на фургоне с красным шарфом на шее. А как он поет Радамеса и Кавараллосси, с ума сойти! Что за женщина эта Марта! Совсем не похожа на американку, верно?

— Она же не современную женщину играет...

— Да, чуть не забыла — Сулхана с Эмой позавчера встретила. Сказала,

что ты, может быть, придешь к ним в воскресенье.

— Да-а?

Больше она ничего не сказала. Молча поглядела в сторону их улицы. На улице не было ни души. Только прогромыхал грузовик, и из каких-то ворот вышел ребенок.

— Бессовестный Сулхан. Ни разу к нам не заходил с тех самых пор, как тогда в августе тебя провожали. Держит его эта тупица Эсма, таскает за собой, куда только ей вздумается.

«Если она не замолчит, со мной сейчас что-нибудь случится».

— Ты не достанешь мне «Жизнь взаимы» Ремарка?

— Кажется, у Инги есть, ты сегодня же хочешь? Достану. Я была на Пикайзене, помнишь, я писала. Так себе! Знаешь, как хорошо спел Писо! Только потом Марио Ланца увидели в кино, и... Вот на этом месте позавчера стояли ребята, и, знаешь, что один другому говорил? Иди, иди, твоему отцу дуста не на что купить, чтобы вшей вывести, а ты о машине толкуешь...

— Почему, интересно, я никогда не слышу таких речей на улице?

— Ты всегда с таким сердитым видом идешь... А рассказать, как мы пили коктейль?

— С кем?

— С девочками. С Этери и Циалой. Так хохотали, что нас официантка чуть не прогнала.

— Ты да эти твои легкомысленные подружки нарветесь когда-нибудь на неприятность, тогда будете знать!

— На что мы должны нарваться, мы же утром зашли, в одиннадцать часов. Там, кроме нас, никого и не было.

— Потом и по вечерам начнете заглядывать.

— Ну, конечно... Что сейчас будем покупать?

— Первым делом цветы. Посмотри, какие хризантемы.

— Ага, вот эти белые. Почему они, дядечка дорогой?

— Тина!

Тина прикусила губу, покраснела и опустила голову.

— Три рубля, ради таких хороших барышень.

— Пойдем. Сначала курицу купим. И знаешь, еще что — корольков. Хотя как отличить королек от хурмы.

...Рыночный галдеж, запахи и краски базара провожали их и на улице.

«Который час? Десять минут двенадцатого. Пускай Тина заберет покупки, а я по пути зайду. Не так уж рано. Сейчас самое время застать его дома».

— Ты пойдешь, Тина?

— Куда я должна пойти?

— Садись на троллейбус и поезжай домой. Я забегу на минутку к Сулхану.

— Я тебя здесь подожду.

— Ну, будешь теперь стоять! Иди, иди, я скоро.

— Хорошо, как хочешь, не задерживайся только... Да и... Все равно его нет дома.

«Ух, чтоб тебя... Что за гадкий язык у этой девочки».

— Откуда ты знаешь?

— Небось Эсма примчалась с утра пораньше и увезла его куда-нибудь.

— Знаешь, что я тебе скажу! Оставь-ка ты эту Эсму в покое. Какое тебе до нее дело? Все косточки перемыла, как сплетница. Чтоб я этого больше не слышала, понятно?

— Да, но...

— Хорошо, хватит! Вон троллейбус идет, садись и поезжай! И я скоро буду.

Тина, обиженная, поднялась в троллейбус, выглянула в окно и только тогда улыбнулась в знак примирения. Троллейбус тронулся. Эленэ глубоко вздохнула.

«Если я его сейчас застану, всю жизнь потом буду верить в свою судьбу. Увижу и сразу уйду. Придумаю что-нибудь — и тотчас уйду. А если захочет меня проводить? Лишь бы застать его. А вдруг одна мать будет дома, что я ей скажу? Чепуха. Я очень хочу видеть Сулхана и он обязательно должен быть дома. Когда очень захочешь чего-нибудь, очень, очень, — все непременно случится. О, что же ты не смеешься надо мной, господи! В тысяча девяносто пятьдесят девятом году, двадцать четвертого ноября девушка, ссутулившись, идет к парню, чтобы хоть раз взглянуть на него. Увидит его на минутку и будет счастлива потом целый месяц. Будет с любовью заниматься своим делом, возиться с учениками, будет внимательно к коллегам, к соседям... Потом через месяц она опять с ним на минутку увидится и будет счастлива еще один месяц... Потом... Потом, не знаю. Пока мне нужно только это. Покажите мне его на минутку, а тогда можете увести. Зовите это как вам угодно. А мне покажите его хоть на минутку. Пускай все благо в мире достаются вам, А мне только исполните сейчас мое крошечное желание...»

Она с трудом поднималась по лестнице. В груди что-то колело, как вчера, позавчера и месяц назад.

«Должно быть, это покалывание мне и поможет, когда придет время. Оно уж обязательно поможет. Господи!»

Нажала белую кнопку. Где-то в глубине квартиры тревожно зазвонил звонок. Потом послышались шаги, шаги женщины в домашних туфлях.

— Кто там?

«Его нет дома! По ее голосу, видно, что его нет дома». Но было уже поздно.

Тетя Нино спрашивала второй раз:

— Кто там?

— Это я, тетя Нино, Эленэ.

— Какая Эленэ!

— Эленэ...

— Ой, не узнала...

Открылась дверь, и сияющая тетя Нино холодно коснулась горящих щек Эленэ ярко покрашенными толстыми губами.

— Как ты живешь, деточка, родная, куда пропала, не зайдешь ни разу. Все еще в деревне?

— В деревне, тетя Нино.

— А что, дядя твой ничего не может сделать, чтобы тебя сюда перевели?

— Не знаю, тетя Нино, сама я не очень-то стараюсь, да и он тоже особенное не настаивает.

— Ну, не до старости ведь ты должна там жить. Приехавших оттуда силой из города не выгоним, а ты... Выпей со мной чаю, Эленэ, дорогая, видишь, сижу вот одна и... Васо в командировке, а Сулхан... Они рано утром на Эсминю машине целой компанией в Кахетию уехали. Посмотрела бы ты, как она машину гонит, чертова девка...

«Держись, сычуха. Потом хоть головой об стенку бейся, если хочешь, а сейчас держись, засмейся, улыбнись хотя бы, ну...»

И она улыбалась и даже пробовала смотреть тете Нино в глаза.

— Эсма прекрасная девушка, тетя Нино.

— Но так тоже больше нельзя, детка! Ни дня, ни ночи для них не существует, все время вместе. Людям же только повод дай, за любой пустяк готовы ухватиться, а тут уж... Прямо съели меня — чего только ни наговорят, и то, и се, и пятое, и десятое. Одни возноят ее до небес. Другие, знаешь ведь, наоборот — какая, мол, она ему пара? Я все понимаю, Эленэ, дорогая, если ему умная жена не попадется, он больше ничего сделать не сможет. Но, эх, дорогая, разве угадаешь, что судьба человеку готовит. Сейчас их водой не разольешь. Женись, — говорю я ему. С тех пор, как связался с ней, он уже ни над чем серьезным не может работать. Недавно ведь выставка была молодых, кто только не вывесил своих картин, притом каких! — не будем уж говорить. А он? Сегодня-завтра, сегодня-завтра, так ни одной его вещи и не было на выставке. Слышишь на каждом углу: Мирзашвили, Ониани, Эристави! — а чем Сулхан хуже. Нет у моего сына ума, что я могу поделаты!

Эленэ показала, что говоря все это, тетя Нино несколько раз оценивающе посмотрела на нее. Нервы ее напряглись до предела.

«Уйду. Возьму и уйду сейчас. И картин не посмотрю, встану и уйду».

— Хоть варенье, детка, попробуй, или вон сдобы я напекла... Подгорела немножко в этой их суматохе, но, ду-маю, все-таки ничего.

— Спасибо, тетя Нино, я только что завтракала, полчася не прошло.

— Не в одних красивых поцелуях суть, дорогая. Такому человеку, как Сулхан, другая женщина нужна.

«Скажи и ты что-нибудь, сычиха угрюмая, ты же любишь мудрые речи, скажи».

— Я пойду, тетя Нино, Тина меня ждет, массу дел надо переделать.

— Осталась бы, дорогая, я одна, погово-рили бы...

— Я бы с радостью, тетя Нино, но сами понимаете... Всего на один день вы-бралась, завтра рано уезжать, в семь утра. Нужно все успеть. А Сулхану... Ду-мала посмотреть, что он сделал за по-следнее время, но без него не хочу. Он не любит, когда в его отсутствие траго-ют его вещи.

— Господи, что ты говоришь, как те-бе не стыдно, Эленэ! Иди, иди дорогая. К тебе же это не относится. Заходи и смотри что хочешь!

— Нет, спасибо, в следующий раз, когда снова приеду. Всего доброго, пе-редайте Сулхану, что...

Тетя Нино распахнула дверь в комна-ту Сулхана. В лицо Эленэ ударил жел-тый свет. Сперва она увидела стрелы в высокой вазе на полке — эти стрелы Сулхан привез из Хевсуретии. Потом почувствовала запах — не то масляных красок, не то Сулхана. Она ухватила-сь за спинку стула, затем села. Стена за дверью была сплошь покрыта картина-ми. С какой-то божественной гордостью смотрели с них стройные мужчины и женщины. Они словно специально выста-вляли напоказ свои чрезмерно разви-тые формы.

«Все они рисуют у мужчин такие огро-мные плечи и грудь, такие крепкие шею и удивительно маленьке головы — и Сулхан, и Заза, и Гоги, и Тенгиз. Все они рисуют женщин с такими длинными и сильными ногами, гибким телом и вы-пуклыми полными губами — Сулхан и Заза, Гоги и Тенгиз... Все они стараются стать похожими на собственные созда-ния: надевают грубые свитеры, тяжелые и толстые ботинки, каждый день трени-руются, рады до смерти, что хоть из-за лишнего полсантиметра могут свысока

поглядывать на остальных. Все точно го-товятся к какому-то бою и счастью, что будут сильнее других... А сияет! Это у трусов такое представление о си-ле. Сила никогда еще не сводилась к од-ним бицепсам. А иначе что такое вообще сила?.. Трава не стремится вырасти бана-новым деревом, потому земля и покрыта чудесным зеленым ковром. Неужели Тагор был слабым?.. Ладно, уматывая теперь отсюда, потом пофилософству-ешь...»

Она снова схватилась за спинку стула и с трудом выпрямилась.

— Нет, тетя Нино, в другой раз, когда Сулхан будет дома.

— Входи, входи, детка, смотри, что тебе хочется.

— После, тетя Нино, сейчас я пойду. Сулхан, наверно, поздно вернется. Ска-жите ему — пусть работает, не ленится. Большое вам спасибо, до свидания...

— Не за что, детка, заходи. Извини, что...

По лестнице спустилась нормально. Думала, что выйдет на улицу и там упадет. Но нет, не упала и на улице. Думала, что не хватит сил подняться в троллейбус, но поднялась. Даже взяла билет и села. И сошла она там, где долж-на была сойти. Потом прошла длинный подъем Весики, потом разговаривала, ела, улыбалась, смеялась даже. Потом с матерью и Тиной ходила по магазинам. Купила своим мальчишкам тренировоч-ные костюмы, шерстяные чулки маме, сорочку Тине. Сорочку тщательно рас-смотрела — чтобы не было где спущенной петли. Только от кино отказалась. Голо-ва что-то побаливает, сказала она и по-раньше легла. В девять часов. Думала, что все кончится во сне. Но сна не бы-ло... Утром, без двадцати семь она уже сидела в автобусе. Набралось еще пять-шесть пассажиров. Было свежо, и, чтобы не простыть, она полами тоненько-го плаща укутала колени. Потом заста-гивала воротник и поправляла волосы... Потом время подошло к семи. Автобус тронулся. На улице было еще темно. По-следний раз окинула она взглядом подь-ем Элбакидзе. Там, в темноте, кто-то бежал, кто-то бежал длинными шагами спортсмена. «Бедняга, как он бежит, вид-но, на какой-нибудь автобус опоздал», — подумала она и прислонилась виском к холодному стеклу. Прислонилась и обра-довалась. Так меньше болела голова.

Ш а т и л и

Р А С С К А З

Перевод с грузинского Эм. Фейгина и Л. Лагидзе

До чего же безжизненна и безмолвна географическая карта. Она похожа на краткое содержание романа, обескровленное и выцветшее. Пусть даже цветная. Зеленый цвет долин постепенно переходит в бурый — это предгорья. А горы все тянутся ввысь и совсем вверху — темно-коричневые пятна, словно рассыпали невзначай шоколадное крошево. А на море щедрые переливы красок — голубизна у берегов и загустевшая синева там, где глубоко.

Бело-голубые кристаллы ледников и алые, похожие на кровеносные сосуды, ниточки железных дорог все равно не оживляют карту, все равно это лишь краткое содержание.

Но когда ты путешествуешь по земле любимого края, то стремишься запомнить все, будто наслаждаешься виденным в последний раз и внезапно решаешь: — Я вернусь сюда. Непременно.

И вот теперь карта, безмолвная и непритязательная, обычная двухкилометровая карта задушевно беседует с тобой, словно друг; она не огоршит тебе скептическим смехом, если в слова твои закралась лирика, и слушает, слушает тебя не уставая.

«Ахиели» — скажет тебе карта. Деревня, едва заметно взбираясь в гору, удаляется от берега реки. Древняя башня глядит со своей высоты на церковь, поставленную сиротливым вопросительным знаком на самой стремнине. Но радостный белый цвет так не к лицу сейчас этой церкви в ее отрешенном одиночестве. А впрочем, она не так уж одинока: хевсуры загоняют в церковь овец — ведь овцу любит и человек и всевышний.

...На крутом склоне хевсуры косили траву. Солнечные лучи вели свою затейливую игру со сверкающими косами. Склон был почти отвесный, человеческая нога с трудом могла удержаться на нем. А хевсуры косили на нем траву.

Роланд и я фотографировали. Мы вызвались помочь хевсурам, но кожаные подошвы наших ботинок неудержимо скользили по траве.

Габриель утешил нас: ни один человек из долины не сможет копать в таком месте.

Вдоль Орхотского перевала, как зубья пилы, протянулись неприступные скалы. Габриель сказал, что там водятся туры и он любит охотиться на них, есть у него примета: как увидит накануне охоты женщину во сне — значит быть добычей.

«Рошкский мост» — скажет карта. А я рассказываю ей, как подгоняя и без того разгоряченных коней задорным гиканьем, вихрем промчались по мосту хевсурские женщины.

— Вон та девушка впереди — чемпионка Хевсуретии, — сказал наш проводник.

Мы заинтересовались. Проводник попросил всадниц вернуться.

— А вот и наша чемпионка, — сказал он, указывая на самую молоденькую и большеглазую всадницу.

И тут-то защелкали наши фотоаппараты.

— Куда путь держите? — спросила чемпионка наших девушек.

— В Шатили.

Хевсурки расхохотались.

— Вы? — презрительно фыркнула чемпионка, всем своим видом выражая безграничную иронию. Мы тоже рассмеялись, но совсем по другой причине: почему это чемпионку так удивило намерение наших девушек идти в Шатили. Не понимаю, чему тут удивляться. Тем более, что две наши молодцеватые спутницы нисколько не уступали молодой хевсурке.

...Ну ладно, хватит о Рошкском мосте, теперь черед за Гудани.

Свет электрического фонаря рассекает тьму, сгустившуюся в Гуданской молельне. В ней свалены котлы, они ждут лудильщика.

В Гудани тебе непременно расскажут, что здесь бывал царь Ираклий, тут он держал совет со священнослужителями и, с их согласия, отсюда повел хевсурское войско на войну.

Сначала ты только пытаешься изобразить на своем лице интерес и некое подобие восторга. Но будь благодарен своей фантазии — она поведет тебя по следам Ираклия... Он стоял тут, у Гуданской молельни, и в подзорную трубу оглядывал затаявшее дыхание ущелье.

Ты идешь по дороге из Борисахо в Шатили и безотчетно ждешь чего-то нового, способного ошеломить тебя еще невиданным, и тогда изумление твое будет полным, всеобъемлющим.

Неужели в Хевсуретии не осталось ничего хевсурского, кроме хмельного пива и вышитых крестиком шапок, которые хевсуры надевают либо на храмовые праздники, либо когда их фотографируешь. Да еще при этом мечами поигрывают. (Мы тоже решили сфотографироваться — надели хевсурские шапки, обнажили мечи и неестественно застыли перед объективами.)

До сих пор изумление не овладело тобой полностью. Потрясенный лишь наполовину, ты все еще ждешь чего-то необычайного, но глаз твой уже привык к Хевсуретии.

Шатили даже для Хевсуретии неожиданность. Словно ты в театре. Неожиданно поднимается занавес, и ты видишь на сцене нарядные декорации: на естественной скале красиво, по плану расставлены искусственные скалы. Вверх ступеньками поднимаются дома из неотесанного известняка. Тесно поставленные, они будто подпирают друг друга и сурово глядят вниз на мирный пейзаж.

Деревня, служившая когда-то и крепостью, затемняет своей тенью реку. Лишившись солнца, помрачневшие волны торопятся миновать это место.

Шатили — это поединок человека с природой. Мне казалось, что я пью старое выдержанное вино. Заранее предвкушая наслаждение и зная, как оно приманчиво и коварно, хочешь продлить его и медленно цедишь вино сквозь зубы, не желая нарушить тишину криком восторга.

Из-за реки смотрю я на Шатили. Взглядом мерю дерзко брошенные в небо известняковые башни, бойницы, застывшие, как ослепленные глаза, и отодвигаю на завтра нетерпеливое желание ближе познаться с Шатили.

На следующий день погода закапризничала. Солнце купается в облаках, прячется на несколько минут, затем вынырнет и устремляется к другим облакам. Кинооператоры замерли, точно охотничьи собаки, и напряженно ожидают солнца, которое развлекается игрою в прятки. Остальных отсутствие солнца не волнует.

Развалины домов поросли крапивой в человеческий рост. На всем лежит печать заброшенности. Мы шагаем в гору, будто по ступенькам разрушенного замка.

— Какое мертвое селение, — сказала Нана. Она бывала в Средней Азии, и невольно вспомнились ей разрушенные дворцы Самарканда. Раскинувшись вширь, они тоже поросли травой, и безграничная печаль исходит от мертвых камней, когда-то украшенных орнаментом. Шатили намного меньше, зато он весь как-то собран и напряжен. Вокруг горы. Они похожи на резкое слово, сказанное напрямик, без желания смягчить или приукрасить. Хороши горы летом, хороши, когда они неожиданно выступают из тумана во весь свой могучий рост.

— Вам не жаль покидать эти горы? — спросил я прошлым летом у Чоликаури из Амгели. Мы встретились с ним тогда на Орхотском перевале.

— Так их перетак, эти горы, — смачно выругался Чоликаури и для большей убедительности сплюнул.

— Зверя, запертого в клетке, ругать легко, но если ты в недобрый час встретил его на свободе — тогда берегись.

Для нас эти горы, действительно, подобны зверям, живущим в зоопарке. Подойдешь к клетке и дивишься: неужели это лев, о котором ты столько слышал? Разве это лев! Смотри на него сколько хочешь и ничего он тебе не сделает.

Так и эти горы.

Летом они в отпуску. Зато зимой вылезут из клетки и тогда — берегись.

В лабиринтах Шатили изредка наткнешься на человека. И так странно видеть людей в этом мертвом селении. На стене разрушенной школы большими буквами надпись: «Шатилиони» и в конце слова такой же большой восклицательный знак. Но шатилионцы здесь уже не живут, лишь несколько человек осталось тут, будто специально для того, чтобы Шатили не показался нам вконец пустынным.

Рушится брошенное на произвол судьбы Шатили, рассыпается извествия.

Вероятно, ни время, ни стихии не справились бы с этой деревней-крепостью, это сами люди оборвали ее жизнь, созданную руками предков. Люди ушли в долины, там новая жизнь, а Шатили умирает...

Будто ты в театре. Но застал только последнее действие. Знаешь, что произошло раньше — ты об этом слышал, читал. На протяжении веков лишь раз ставится такой спектакль. Воображением ты пытаешься восстановить предыдущие действия, хочешь их прочувствовать и испытать нечто такое, что происходило на этой сцене, за этой сценой, в ущельях и на тропах, превращенных в кулисы. Но чувство отстает от мысли. Ты равнодушен к стенам этих башен, изрезанных бойницами. Представляешь себе слышанное и читанное и безразличным шагом меришь безлюдные лабиринты. Становится ясным, что до окончания всем известного спектакля осталось несколько минут и тебя не возьмут даже статистом. Ты только романтически настроенный зритель, который пришел в театр на последнее действие, и теперь не отрываешь со сцены взгляда, исполненного скептицизма, с некоторой примесью сожаления.

Перед тобой лишь мертвое селение, среди огромных развалин которого подобно привидениям бродят последние из шатилюнцев.

Перед тобой уже надоевшая тишина и неподвижность.

Перед тобой молчание веков, которое ты можешь разделить, но не почувствовать.

Все это называется — концом Шатили.

Ты хочешь представить себе этот конец. Вот слева, на высоком плато переливается нива — светлые волны набегают друг на друга. Вспоминается море. Ты делаешь усилие, и вздыбленные горы вокруг тебя кажутся уже морскими волнами, увиденными в какой-то единственный, кратчайший миг их неподвижности.

Шатили подобен кораблю, старому парусному кораблю, заброшенному и обреченному на гибель. Волны хотят поглотить его, волны обрушиваются на его палубу, и плывет Шатили, предоставленный своей судьбе...

Ты переживаешь конец Шатили, но начало так и остается не пережитым тобой. Махнешь рукой. Все равно лбом стену не прошибить.

Кинооператоры по-прежнему подкарауливают солнце, остальные ушли к гробнице Муцу. Говорят, что в гробнице Муцу сохранились человеческие скелеты.

А я отправился в гости к Хвтисо.

Хвтисо — деканоз¹ Шатили. Вероятно, последний. С женой он в разводе, а дети сбежали в долину. Сидит он на трехногом табурете и с крыши своего дома глядит почти ослепшими глазами на родные горы.

— Побалуемся городским табачком, — говорит Хвтисо.

Я достаю из кармана вымокшую под дождем «Приму». Сигареты покрылись желтоватыми пятнами. Хвтисо пальцами мнет сигарету, затем подносит ее к самым глазам и недовольно качает головой.

— Намокли.

— Да, не уберег.

— На солнце подсохнут.

Я раскладываю сигареты на солнцепеке.

— Вы долго пробудете в Шатили? — спрашивает Хвтисо.

— Еще два дня.

— А потом?

— А потом мы пойдем Орхотской дорогой.

— Вы государственные люди?

— Нет, мы сами по себе.

— И денег вам не дают?

— Нет, мы путешествуем на свои.

— Говорят, что скоро будут новые деньги, правда это?

— Да, с нового года.

Пытаюсь изменить направление разговора.

— Сколько вам лет, дядя Хвтисо?

На мгновение Хвтисо задумывается и затем отвечает:

— Когда шатилюнцы враждовали с гурозлевцами, мне было лет одиннадцать-двенадцать.

— А что за вражда была, дядя Хвтисо?

Солнце заметно переместилось. Хвтисо передвинул свой трехногий табурет.

— Большая ссора была. Наши ребятишки ихних овец угнали. Немного. Всего десять-двенадцать голов. Одна шатилюнка, отданная

¹ Деканоз — протопоп, протоиерей.

замуж в Гуро, догнала ребят. «Ради меня не угоняйте овец, — попросила она, — ради меня оставьте их». Но парни не послушали женщины. У гуроэлевцев был в то время храмовый праздник. Пиво рекой лилось. Узнали они о случившемся — разгорячились. Один из них сказал: «Сегодня шатилионцы угнали наших овец, завтра на наших жен позарятся». Во хмелю всегда руки чешутся — схватились гуроэлевцы за оружие и пошли на Шатили.

...Хвтисо оцупал пальцами сигареты, выбрал одну — подсохла немного, — и прихватил сигарету губами. Я чиркнул спичкой.

Хвтисо с трудом раскурил сигарету.

— Плохо я видеть стал.

— Значит, пошли на Шатили, — напомнил я. — Ну, а шатилионцы?

— И шатилионцы приготвили к драке. Много крови пролилось тогда, много народу погибло... Потом пришли стражники, били и били нас нагайками... в николаевское время стражники очень любили разрисовывать нагайками наши спины.

Неторопливо и степенно рассказывает старый Хвтисо о давно минувших днях. Время от времени он умолкает, усохшими старческими пальцами подносит сигарету ко рту и аппетитно затягивается.

Сидим мы на крыше, дымим и беседуем.

— А Гарсиа Очиаури вы знали, дядя Хвтисо?

— Знавал. Добрый молодец был Гарсиа, и по-доброму умер на веселом пиру.

«Да, — подумал я, — весело умер Гарсиа, если только возможна веселая смерть».

— Как в воскресенье разгулялись ахилевцы, весь день и всю ночь пил водку и пиво Гарсиа, танцевал, пел, с ходу сочинял стихи, а наутро испустил дух.

...Нам довелось быть на его похоронах. Женщины остались у околицы, а мужчины проводили покойника на кладбище. Могила была уже вырыта — ее выкладывали плоскими камнями.

— Камень вернее, чем ваши деревянные гробы — он надолго сохраняет покойника, — сказал нам наш проводник.

Сильно подвыпивший Бецико, выделяющийся необычной для хевсура чернотой, прилег невдалеке от могилы и оттуда подавал односельчанам советы: — Лучше выкладывайте камни. Бесстрашный человек был Гарсиа — того гляди и вылезет из могилы. Эх, был он крепок как железо. Да что железо... его согнешь, а Гарсиа не сгибался.

Нас удивило, что у разверстой могилы не чувствовалось кладбищенского настроения. Плач остался с женщинами в деревне. Мужчины деловито подбирали один к одному плоские камни. Черномазый Бецико извинялся, что не в состоянии им помочь. Так деловито, без слез предали земле тело старика, который всего лишь несколько дней назад был человеком. И вот он умер и нет уже человека. Обложили могилу плоскими камнями и бывшего человека опустили в нее.

— ...Ну, с этим делом покончено. Теперь приглядим за другими делами, — сказал Хирчла.

Другие дела, — это переселение в долину. На кладбище хевсуры острее почувствовали извечный закон природы: за жизнью следует смерть. Гарсиа постарел и умер.

И Шатили постарел и теперь один на один со смертью. Шатили и, подобно Шатили, одряхлевший Хвтисо...

— Дядя Хвтисо, а когда у вас празднуют день святого Афиногена?

— Эх, какой уж тут праздник! Людей у нас не осталось, самое большее трех ягнят зарежут.

— А как было раньше?

— Большие бывали праздники. Много было пива и много резали
ювец.

— А почему ты, дядя Хвтисо, не спускаешься в долину, к детям?

— Нельзя мне уходить. Я — деканоз. На кого приход оставляю.

Сидит он на крыше и дремлет. Солнечные лучи погружают Хвтисо в полусон, и старик, подобно Шатили, уходит в небытие.

«Ты, дядя Хвтисо, капитан корабля, обреченного на гибель. Пассажиров перевозят на берег, а берег — новая жизнь в долине. Ты последним должен покинуть палубу, или ты вообще не покинешь корабль и погибнешь вместе с ним. Твой обреченный корабль тебе дороже всего. Бурное море новой жизни вынесло смертный приговор кораблю Хвтисо, и последний деканоз Шатили, вероятно, говорит себе: «Ведь жить мне осталось недолго, и я должен умереть с Шатили».

Снизу меня зовут на рыбалку. Я торопливо прощаюсь с Хвтисо.

-- До свиданья, дядя Хвтисо.

-- Будь здоров!

Я крепко пожимаю ему руку.

— А шерстяные носки не купите? — спрашивает последний деканоз Шатили.

-- Поднимемся завтра и купим, дядя Хвтисо, — обещаю я и спускаюсь вниз.

Весь вечер я рыбачил. Мне был противен червяк, найденный в сырой земле. Я плоским и тонким камнем отсек ему голову, и прежде чем нанизать на крючок, завернул в лист, чтобы не чувствовать пальцами его склизкую плоть.

Я медленно продвигался вдоль берега. То выбирал спокойные места, то вспененные водовороты. На речной глади ничего не было видно, и удочка устремлялась вглубь. Но вдруг попалась на крючок моя первая форель. Я выдернул удочку. Крапленая красным форель беспомощно трепетала в воздухе и резко раскачивалась из стороны в сторону, как проволока, сорванная с телеграфного столба. Большая и красивая форель. Оказывается, ей нужно тотчас же размозжить голову о камень, а я не знал этого простого правила, и моя первая форель еще долго трепыхалась в воздухе.

Ночью у костра мы лакомились зажаренной в масле форелью. Мою единственную форель, которая оказалась самой крупной, я даже не попробовал. Девушки торжествующе убеждали меня, что именно им досталась моя форель. Но меня это не огорчало, форели Валико тоже оказались достаточно вкусными. Тенгиз никак не мог успокоиться, что рыбалка сегодня не удалась, и жаловался на судьбу, которая всегда ворожит новичкам. Он тоже с аппетитом уплетал форель, хотя страшно был недоволен — ему не удалось поймать ни одной рыбешки.

После ужина еще долго играл на губной гармонике немецкий турист по имени Клаус. Вздвигившись черным скелетом, Шатили при свете луны слушал эту чужую и непонятную мелодию.

Владимир МАЧАВАРИАНИ

Время, человек, литература

В последние годы судьбы литературы широко обсуждаются и у нас, в отечественной прессе, и на международных форумах писателей, в которых активно участвуют и представители нашей страны.

Нам уже приходилось писать, что на международных встречах писателей в той или иной форме ставился по существу один и тот же вопрос — играет ли художественная литература сейчас, в этом изменившемся мире, ту же роль, что и в прошлом. Некоторые философы, эстетики, литературоведы, социологи на Западе идут еще дальше — они спрашивают: нужна ли сейчас художественная литература вообще? Говорят об отмирании разных жанров литературы, например, романа, поэзии, драматургии. Сошлюсь на один из последних фактов. На одном из круглых столов XXXIV конгресса Пен-клуба в Нью-Йорке в июне 1966 года организаторы предложили обсудить и такой вопрос: «Верно ли, что литература приобретает второстепенное значение по сравнению с социологией и психологией, исследующими проблематику современного человека?».

Упомяну еще один частный случай. В конце сентября этого года, после руставелевских торжеств, нам пришлось встретиться в Тбилиси с большой группой французских писателей. Завязалась оживленная беседа на литературные темы, в которой участвовали видные французские писатели различных взглядов и направлений: Арман Лану, Клод Руа, Эммануэль Роблес, Ани Филип и многие другие. Даже в этой беседе литераторов нет-нет да мелькала мысль об упадке на Западе такого жанра литературы, как, например, поэзия в ее классической форме. Получалось как бы, что поэзия кончилась с именами итальянских герметиков, французских сюрреалистов, особняком стоящего Сент-Джон Перса, ее можно найти у Луи Арагона, а в остальном поэзию сейчас нужно искать в поэтической прозе, даже в драматургии Беккета, Ионеско и т. д.

Чего греха таить, и у нас порой мелькают утверждения, что ушло время лирики, поэтического эпоса. Нужно ли опровергать эти утверждения? Соответствуют ли они реальным фактам? Нам кажется, что эти умозрительные заключения, которые гипертрофируют и даже мистифицируют отдельные частные явления, односторонне анализируют очень сложный современный литературный процесс. Так или иначе, нужно разобраться в этих сложных вопросах, сколь странными они ни казались бы с точки зрения реальных фактов литературной жизни.

На международном руставелевском форуме, посвященном проблемам современной поэзии, крупный испанский писатель Хуан Гойтисоло совершенно правильно ставил вопрос о необходимости расчлененного подхода к мировому литературному процессу. Он говорил, что, в частности, проблемы поэзии поразному стоят в странах капитализма, во вновь образованных государствах и формирующихся нациях и в странах социализма. По существу этот вопрос в такой же плоскости ставил в разных своих работах и выступлениях Жан-Поль Сартр, когда говорил о структуре читательских масс, об уровне восприятия литературы разными слоями населения; раньше всех, правда, совсем с иных позиций, писал об этом известный испанский философ Ортега-и-Гассет.

На форуме по этому поводу нам пришлось сделать одно замечание, которое хочется повторить на страницах «Литературной Грузии». Замечание Гойтисоло и Сартра, конечно, правильно. Но везде живет человек, который трудится, борется, любит, ненавидит, испытывает чувство неразделенной любви, мечтает, думает о смерти, бывает в одиночестве, его одолевает страх, он испытывает чувство неполноценности, раздумывает о Времени, Совершенстве, Судьбе, Творчестве. Эти сложные чувства сопутствуют ему со времен Адама до наших дней. Человек везде есть человек. Кардинальный вопрос состоит в том, в какой координации находится писатель, поэт с этим человеком, что он ему говорит и как он говорит.

Напрасно думают некоторые наши оппоненты, что советская литература отвергает постановку общечеловеческих «традиционных» вопросов и что привилегия постановки этих вопросов принадлежит только им, писателям Запада.

Каждый писатель, поэт создает свою модель мира. Известно, что модель и оригинал не тождественны друг другу. Слишком сходная модель, которая почти сливается с оригиналом, не дает по существу ничего нового по сравнению с самим оригиналом, а слишком несходная модель, сильно отличающаяся, отходящая от оригинала, может легко исказить действительность, ввести в заблуждение.

Прав был крупный французский поэт Макс-Поль Фуше, когда на этом же симпозиуме говорил, что поэт, если употреблять синоэвские понятия, не должен удовлетворяться феноменами, а проникать в субстанцию явлений.

А в чем должна проявляться субстанциональность литературы, поэзии? В умении смотреть в глаза большой исторической правде и быть ответственным перед ней, говорили мы вслед за Пьером Гаммара, который в своем кратком, но исключительно интересном выступлении на симпозиуме заострил вопрос об ответственности поэта перед человеком.

Как видно, свобода поиска правды писателем заключается в создании некой идеальной модели, которая раскроет не мнимую, а действительную сущность мира, общества, личности, человека в их развитии, переплетившиеся.

Но в литературе огромную роль играет именно то, какими средствами, из какого материала, какими формами и методами будет создана эта модель.

Нам показалось, что на симпозиуме неправильную в конечном итоге альтернативу выдвинул известный итальянский поэт неомодернист Эдуардо Сангинетти, противопоставляя «крестьянскую» поэзию городской, говоря о необходимости разрушения крестьянской, деревенской, пасторальной поэзии, утверждая поэзию индустрии, или индустриальную поэзию, поэзию города. Это противопоставление не только старо и схематично, но и неверно по существу.

Правильнее ставили вопрос, возражая Сангинетти, итальянские писатели Карло Леви и Марио Луци, который, в частности, заявил, что поэт — это тот, кто объединяет прошлое и настоящее. Истинная поэзия налаживает связь времен, она преемственна, заявил Марио Луци, и нам показалось, что это правильная постановка проблемы.

Однажды, как это пишет итальянский критик Рафаэле Каррери, Пикассо сказал Гуттузо: «Полотна создаются сами по себе, идеи не приклеиваются к картинам. Разумеется, если у художника есть идеи, то они становятся ясными из того, как нарисована картина. Всем известно, что вино делают из винограда, а не наоборот».

Человек на каждом данном отрезке времени ищет и находит новую гармонию, строя новую общественную структуру, развивая и обогащая свой внутренний мир.

Настоящее объединяется с прошлым через поиски нового, в противиием случае оборвется развитие, не будет прогресса в литературе, поэзии. Поиск новых форм — это имманентный, внутренний закон развития художественного творчества. Тут возможны эксперименты. Было бы несостоятельным марксистско-ленинской эстетике ретроградством принципиально возражать против экспериментирования в литературе, поэзии. Речь идет о другом, — как ставить эксперимент; нельзя его ставить, исходя из абсолютно субъективистских, произвольных посылов. Я не хочу вдаваться сейчас в подробности, так как уже писал об этом в «Литературной Грузии» в декабре 1963 года.

Кроме того, форма — не техника, не оболочка, через форму выражается сущность, тут то диалектическое единство, о котором так хорошо говорил старик Гегель. И пока никто ничего лучшего не сказал по этому поводу, не к чему забывать мысли великого немецкого философа.

Писатель, создавая свою модель мира, для его познания сообщает нам какую-то новую информацию; мы тут говорим не о соотношении математической информации и энтропии, а имеем в виду семантическую, содержательную информацию. И в этом случае писатель, поэт, поэт, поэт, сам должен изнутри чув-

ствовать потребность развития стиха, его содержательной стороны, которая сама будет находить новые формы информации.

Тут нам хотелось бы сказать несколько слов о поэзии «модерн», о так называемой неоавангардистской поэзии. Мы коснемся поэтики неоавангардизма только вскользь. Читателя, который заинтересуется этой стороной проблемы, мы отсылаем к очень аргументированной и умной статье нашего молодого талантливого литературоведа Е. Головина (см. журн. «Иностранная литература», № 7, 1964 г. «Лирика «модерн»).

Немецкая лирика «модерн», итальянский неоавангардизм лишают поэзию функции специфической для литературы формы информации, уравнивая науку и поэзию, механически вводя в область поэзии физическую терминологию, «математизируя» искусство, литературу, поэзию. В частности, немецкий лирик «модерн» О. Гомрингер для уничтожения субъекта поэзии совершает экскурс в квантовую физику, обосновывая свои положения ключевым уравнением квантовой физики: уравнением соотношения неопределенностей Гейзенберга. Читатель легко заметит, что сопоставление науки и искусства явление не новое в декадентской поэтике. Еще Поль Валери остроумно заметил, декадентство — это «смесь мистики с математикой». Дело даже не в этом, а в вульгарных представлениях представителей современного декаданса о физике и математике. Часто они мыслят не уравнениями современной математики, а находятся в пределах таблицы умножения.

На самом деле математика сейчас играет огромную роль в лингвистике, социологии, философии, логике, психологии, экономических науках. Это все верно, и не нам, осведомленным в том, какое внимание уделял К. Маркс математике и как широко ею пользовался, возражать против «математизации» наук.

Мы как-то писали на страницах этого журнала, что некоторые увлечения характерны для периода созревания, больших переломов, поворотов в развитии общества и наук. Вне математических методов, вне логических, формальных и диалектических законов, невозможно научное мышление. Однако математика в основном вскрывает количественную сторону познания мира (речь здесь идет, конечно, не о методе, а главным образом о предмете самой науки). С точки зрения универсальности познания объективных законов природы и общества, эта роль математики в научном мышлении — чисто методологическая. Другое дело, в какой мере методология науки влияет на выводы научных исследований.

Правильно заметил Ю. Н. Давыдов в своей работе «Искусство и элита»: «Если наука получает свою всеобщность и универсальность от всеобщности и универсальности осознаваемых в ней закономерностей ее предмета (природы и общества), то искусство (добавим от себя: литература, поэзия. — В. М.) получает это значение от аналогичных характеристик чувственных форм действительности, которые выражают этот же предмет со стороны его являемости, непосредственности, наглядности, словом — чувственной данности человеческому сознанию».

Таким образом, декаденты, модернисты, неоавангардисты, уравнивая науку и литературу, в данном конкретном случае поэзию, объединяют духовную жизнь человека, отнимая у него конкретно-чувственные формы познания мира, проницания в его сущность.

Объективности ради нужно сказать, что итальянские неоавангардисты Э. Сангвинетти и Элио Палиерани, присутствовавшие на международном форуме поэтов в Грузии, этих вопросов не ставили, но они и их коллеги об этих проблемах много пишут и в Италии, да и в других странах Запада.

Выступавшие на названном форуме грузинские писатели Г. Абашидзе, Г. Маргвелашвили, Г. Асатиани, Т. Чиладзе, конкретно анализируя путь, пройденный русской поэзией (Г. Маргвелашвили), делая опытом грузинской поэзии (Г. Абашидзе, Г. Асатиани, Т. Чиладзе), наглядно показали роль литературы, поэзии в жизни общества, ее универсальность, ее необходимость для современного человека, ее незаменимость никакими другими формами общественного сознания.

Литература вообще, тем более поэзия, сопутствует человеку со времен его осознанного бытия и так и останется его вечной спутницей. В этом урок истории. Можно даже утверждать, что ее роль все время будет возрастать.

Поэт, писатель ищет большую правду жизни, элиминируя случайное, нехарактерное во внутренней структуре человека или общества, исходит из тенденции развития, исторической перспективы, формирует философию истории, концепцию человека как существа общественно активного, не только созерцающего мир, но и многосторонне воздействующего на процесс обновления мира.

Художественная литература, поэзия — сильнейшее оружие в руках народа, она способствует формированию его общественного идеала, его эстетических вкусов, она содействует раскрытию, пониманию закономерностей жизни, она

утверждает гуманистические принципы морали, расширяет, обогащает его чувственный интеллектуальный мир.

Именно поэтому у нас ставят вопрос о необходимости руководства литературным процессом, всей творческой идейной жизнью общества. Такая постановка вопроса не только не противоречит свободе творчества, а наоборот, предполагает ее.

На первом заседании нашего поэтического форума, который открылся в Боржоме, выступил западногерманский поэт, эссеист, публицист и общественный деятель Ганс-Магнус Энцесбергер. Как всегда, Энцесбергер произнес запальчиво-заостренную, полемическую и, конечно же, очень интересную речь.

Как-то меньше всего хочется полемизировать с таким прогрессивным деятелем, как Энцесбергер, но истина дороже всего, и мне хочется все же ответить ему, тем более, что он в своем выступлении затронул задевавшую всех нас за живое проблему.

Энцесбергер указывал, что в наше время нужно говорить не о национальности литературы, не о национальности поэзии, что все это носит характер провинциальности, что сейчас могут существовать только поэты-граждане мира, что он в крайнем случае готов принять английское значение слова «nation» («нация»), как некой всеобщности, хотя, как видно, чувствуя некоторую шаткость и абстрактность своих определений, он сказал, что предпочитает говорить о «доме», «регионе», «округе», где живет поэт. В общем получилось, что Энцесбергер все же вынужден локализовать, географически, национально очертить поэта, где живет и творит поэт, не говоря уже о том, что он пишет на каком-то определенном, национальном языке.

Уже на второй день, гуляя в теплый осенний солнечный день по тенистому, расщеченному всеми цветами радуги лиананскому парку в Боржоме, я просил Энцесбергера все же уточнить, что он имел в виду в своем выступлении. Энцесбергер вкратце настаивал на своих формулировках, придавая им универсальный характер, хотя тут же оговорился, что ему главным образом претит национализм, в частности немецкий, бюргерский национализм, породивший в прошлом фашизм, а ныне вскармливающий рваншизм. В такой конкретности можно еще понять и одобрить страсти Энцесбергера, но национализм — это одно, а национальность культуры, искусства, литературы, поэзии дело гораздо более сложное.

В последние годы на страницах журналов, газет, других публикаций, в научных учреждениях, на совещаниях общесоюзного значения, да и в наших республиках активно, живо обсуждаются проблемы теории нации, судьбы национальной культуры, литературы. Это и понятно, если учесть многонациональный характер нашего союзного государства, поголовную грамотность населения, достигнутую на базе родного языка, рост национального самосознания широких масс народа.

Во время этой дискуссии нельзя упускать из виду, что к ней прислушивается весь мир — и друзья и недруги наши, народы, недавно сбросившие иго колониализма. Им очень дорог опыт строительства многонациональной культуры литературы советского народа. Если в этих вопросах стать на волюнтаристские, субъективистские позиции, волевыми мероприятиями торжестить очень сложный и своеобразный естественный исторический процесс, можно наломать огромное количество дров... В этих вопросах требуется трезвость и объективность суждений и опасен нас бог от конъюнктурщиков, желающих делать себе и на этих вопросах научную или политическую карьеру.

Как видно, пока еще рано подводить итоги нашим дискуссиям, хотя бы потому, что реальный процесс национального строительства во всех его проявлениях, в частности и в области культуры, бурное развитие национальных литератур ставят все новые вопросы.

Хотя пора уже очертить круг вопросов, которые выявились в дискуссии и по которым у нас существуют разногласия, оттенки мнений, разность взглядов и оценок.

Надо было бы, во-первых, глубже вникнуть в ленинскую теорию наций, которой в недавние годы, особенно до октября 1964 года, был нанесен серьезный ущерб. Несмотря на частую цитацию по существу игнорировалось фундаментальное и практическое указание В. И. Ленина, сформулированное им в 1920 году в его выдающейся теоретической работе «Детская болезнь «ленинизма» в коммунизме», о том, что «национальные и государственные различия между народами и странами... будут держаться еще очень и очень долго даже после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе». Раз по Ленину национальные отличия не исчезнут даже после победы диктатуры пролетариата во всемирном масштабе, то, естественно, неверно сейчас выдвигать лозунг слияния наций, языков, культур, ликвидации

национальной государственности в условиях победы социализма и строительства коммунизма только в ряде стран. Тут не может быть двух мнений — ильич прав Ленин, ильич правы наши национальные нигилисты. Мы глубоко убеждены: что, как и во всем, прав наш великий Ильич.

Тут, конечно, не важно, в какой форме, боязливо ли, с оглядкой пересматриваются ленинские положения или их рубят с плеча, как это делает некий горе-теоретик из Махачкалы, хотя нужно отдать должное ему и его сторонникам, сейчас они, оглядываясь по сторонам и заметив, что в стране сложился здоровый политический климат, не прочь, кажется, пересмотреть некоторые свои позиции. Но отступление идет с шумом, истерическими выкриками и сентиментальными вздохами.

Рассматривая проблемы культурного строительства, вопросы литературы, мы должны исходить из другого фундаментального ленинского указания, что «интернациональная культура не национальна... никто «чистой» культуры ни польской, ни еврейской, ни русской и т. д. не провозглашал». Интернациональная культура есть международная, международная культура, т. е. культура, складывающаяся из национальных культур. В. И. Ленин даже шел нужным объяснить, что «интер — между; ин — не; интернациональный — международный, международный». А что национальные культуры взаимодействуют, взаимопроникают, взаимообогащаются, да еще в условиях единства идейной, идеологической, государственной жизни, единства общественного идеала советских народов, строящих коммунистическое общество, то это неоспоримое явление нашей жизни.

В. И. Ленин одному из виднейших деятелей нашей партии писал: «Как Вы не хотите понять той психологии, которая особенно важна в национальном вопросе и которая при малейшем принуждении поганит, пакостит, сводит на нет бесспорно прогрессивное значение централизации больших государств, единого языка».

Владимир Ильич это писал в 1913 году, а в 1920 году он вновь возвращается к этому вопросу и считает обязанностью «для сознательного коммунистического пролетариата всех стран относиться со всей осторожностью и с особым вниманием к пережиткам национальных чувств в наиболее долго угнетавшихся странах и народностях, равным образом обязательность идти на известные уступки в целях более быстрого изживания указанного недоверия и указанных предрассудков». Партия неукомительно следует этим указаниям своего великого вождя и беспощадно отбрасывает всех тех, кто вопль или невольное, сознательно или несознательно откажется вносить путаницу в великое, вечно живое ленинское учение по национальному вопросу.

Мы сочли крайне необходимым коснуться этих общих вопросов, ибо без их учета немисливо решать конкретные вопросы традиции и новаторства, проблемы языка, литературы, которые и обсуждались на наших внутрисююзных и международных встречах писателей, поэтов.

Нам надо было бы условиться о единообразном, схожем понимании исходных терминов, понятий, которыми пользуются в полемике, в противном случае у нас получится диалог глухонемых.

Когда мы говорим о традициях и новаторстве, мне кажется, что речь должна идти о литературных традициях, о литературном новаторстве. По этому поводу никто, кажется, не спорит. Мимходом замечу, что я никак не пойму, как в этой связи можно говорить о «пережитках». Что такое литературный «пережиток»? Как видно, это просто неудачная аналогия, взятая из сферы общественных отношений.

Если находиться на почве реального культурного, литературного процесса, проблемы традиции, новаторства нужно анализировать с учетом явлений, происходящих в недрах, внутри конкретных, данных национальных культур. В разных литературах эти вопросы стоят по-разному. Суждения оптом приведут к схематизму и очень часто желаемое будет выдаваться за действительное. Совсем уже ни к чему, конечно, подменять вопросы традиции и новаторства вопросами соотношения национального и интернационального в литературе. Это разные проблемы и их незачем путать друг с другом.

Что же такое литературная традиция? Если не покидать позиции марксистско-ленинской эстетики, то под традицией нужно понимать не только формы художественного выражения, оторванные от содержания, а, в первую очередь, исторические, правовые, этические, эстетические нормы, которые утвердились в сознании народа, и после длительного отсева, пройдя через испытания временем, сохранились в литературе до наших дней. Следование традиции не означает, к примеру, сохранения той или иной метрики, раз навсегда заданного ритма, рифм, именно таких троп в стихосложении или определенных застывших форм прозы и поэзии. Ведь даже лексический состав языка изменя-

ется из десятилетия в десятилетие, правда, мало затрагивая структуру данного языка.

Грузинская стихотворная традиция, например, не сводится к употреблению исключительно шаира, хотя этой формой пользовался Густавели. Гениальные грузинские поэты Н. Бараташвили, Важа Пшавела, да и многие другие не пользовались шаири, то же самое можно сказать о поэтах наших дней, хотя шаири бытует в фольклоре и, кто знает, возможно, талант какого-нибудь поэта возродит и эту форму стихосложения. Как известно, поэтический гений литературные законы не писаны. Я недостаточно знаю русскую поэтику и стилистику, но, думаю, не ошибусь, если скажу, что традиции русского стихосложения не выражены в употреблении лишь ямбов и хореев. Если бы это было так, Маяковского нужно было исключить из русской поэзии.

Как выглядит литературная традиция на опыте грузинской культуры, что характерно для этой традиции?

В первую очередь это гуманизм, патриотизм, широта взглядов, умение через национальное увидеть общечеловеческое, отсутствие провинциализма, ограниченности и узости, высокий интеллектуализм в самом правильном значении этого слова (Густавели первым признаком литературы считал ее мудрость), широкий, открытый взгляд на мир, поразительная дисциплинированность мысли, народность, которая всегда пронизывала нашу литературу.

Возьмем для примера литературную традицию нашей прозы. Первый дошедший до нас роман Якова Цуртавели «Мученичество Шушаники» написан полторы тысячи лет тому назад. О чем трактует этот удивительно динамичный, экспрессивный по своей форме роман, какие идеи лежат в его основе? Это идеи гуманизма, патриотизма, равенства полов, жертвенности во имя идеала. Не случайно, любой школьник в нашей республике, который обучается в грузинской школе, а огромное большинство из них учится в грузинской школе, наизусть знает эксерпты из этого романа. Этой традиции не изменяет грузинская литература на протяжении веков. В журнальной статье я вынужден пересказывать через столетия, поэтому назову лишь Георгия Мерчули, писателя X века, упомяну прозу Сулхан-Саба Орбелиани, романы, повести, рассказы гигантов грузинской мысли XIX века, писателя первой половины нашего столетия, некоторые из них и сейчас активно работают, и так — до прозаических произведений совсем молодой, очень сильной поросли нашей литературы.

Эту традицию мы должны сохранять, множить, ибо, потеряв ее, мы потеряем родную литературу. Я не говорю здесь о грузинской поэзии. С ней лучше знакомы, о ней больше писали.

Совершенно не претендуя на знание богатейшей литературы, культуры братских народов Советского Союза, я думаю, что не ошибусь, если скажу, что отмеченные выше черты литературной традиции не есть привилегия грузинской культуры и литературы. Полагаю, такая традиция в разной степени и мере характерна для всех литератур, всех народов, какими малочисленными или многочисленными они бы ни были.

Не совсем понятно, какой критерий оценки берется, когда говорят, что данная традиция хороша, а вот другая плоха. Я вновь подчеркиваю, что мы обсуждаем проблемы литературных традиций. Если в этом плане традиция живет и поныне, сохраняется писателем и используется им не механически, и принимается народом, значит она хороша. Для нас высшего судьи, чем народ, не было и нет. Я лично не думаю, что, например, риторику, несколько плакатный способ изображения, характерный для советской литературы двадцатых годов, обязательно нужно объявить анахронизмом и выбросить в мусорный ящик истории. Риторика в высоком понимании этого слова и плакат, исполненный мастером, нам и сейчас не менее нужны, чем рефлексия и искания в мире подсознательного. Тут все решает степень таланта писателя, а не рецензии императивно мыслящих критиков. Некоторые стихи Галактиона Табидзе и риторичны и плакатны, но они гениальны. Стихи, например, А. Мирцхулава и других близких ему по манере письма поэтов кому-нибудь, может быть, и покажутся плакатными и риторичными, но эти стихи написаны поэтом, и поэтому они звучат современно. Нельзя не считать, как выше говорилось, и со структурой читательских масс.

В этом плане мы должны рассматривать и вопросы новаторства. Известна элементарная истина, что нет бессодержательной формы, в противном случае у нас будет не литературный факт, а мистика (даже в случаях экспериментаторства в стихах В. Хлебникова или грузинского поэта Терентия Грanelи). Конечно, К. Гамсахурдия, К. Лордкипанидзе, Д. Шенгелая, Г. Натрошвили, Г. Абашидзе, М. Мрелишвили и другие пишут не так, как Цуртавели, Мерчули и Сулхан-Саба Орбелиани. Рассказы молодых грузинских прозаиков

написаны иначе, чем произведения не только Эгнате Ниношвили, Давида Клдашвили или Нико Лордкипанидзе, они пишут совсем в другой манере, чем их старшие коллеги Александр Кутатели, Серго Клдашвили, Иакинте Лисапшвили и многие другие. Литература, застывающая в старых формах, умирает, тот, кто стоит на коленях перед прошлым, будет снесен лавиной новой жизни.

Прогрессивные писатели всегда писали на языке, понятном народу, поэтому они и были глашатаями дум и чаяний народов. Бывало, конечно, что тот или иной писатель иногда, может быть, забавы ради, писал и не на родном языке. Пушкин, Тютчев писали стихи и на французском языке. Крупнейший немецкий поэт Рильке, долго живший в Париже, писал некоторые свои стихи на французском языке, но известно, что эти его стихи не являются достойным ни французской, ни немецкой поэзии. Едва ли Пушкин мог стать гением русской литературы, если бы он продолжал писать стихи на французском языке. Крупный французский поэт Хозе Мари Эредиа, испанец по происхождению, стал французским писателем, так как писал сонеты по-французски, и никто его за это не упрекал, но и никто не зачисляет в реестр испанских писателей. Эти примеры можно умножить. Могут возразить, что все это было в прошлом, что сейчас действуют иные закономерности, но ведь и сейчас не может быть и нет анационального писателя. Каждому вольно писать на том языке, стихию которого он познал. Задача писателя заключается не только в том, чтобы пользоваться шалчим языком, но и развивать его, а это может сделать только тот писатель, который, познал, освоил природу данного языка, все его оттенки, все его богатство и своеобразие, иначе он рискует объединить и свое творчество и усвоенный им язык.

Мимоходом хочу заметить, что языки отличаются друг от друга не только формальной структурой (фонетической системой, грамматическим строем, в частности — морфологическими моделями и синтаксическими законами), и не только грамматической семантикой или категориями, выраженными грамматическими средствами (например, в русском есть грамматическая категория рода, которого нет в грузинском, для грузинского языка характерна грамматическая категория направления — *z-odgb-gb* — строю; *z-odgb-gb* — строю себе; *z-odgb-gb* — строю ему — аналогичной которой в русском языке нет и т. д.), но также и лексико-семантической структурой. Если рассуждать в общем, языки могут выразить одно и то же содержание. Но разделение (сегментация) одного и того же содержания, формально-структурное выражение и стилистическая нюансировка специфичны для каждого языка. Не существует ни формально-структурного, ни семантически-структурного изоморфизма (полной, одnorodной эквивалентности) между языками. Каждый язык уникален.

Любой писатель в первую очередь становится писателем того народа, на языке которого он пишет.

Народность, партийность литературы в числе прочего подразумевают ее максимальную доступность самым широким массам. А эти массы народа думают, говорят на родном, национальном языке, что не мешает им усваивать русский язык. А этот язык они хотят видеть в чистом виде, во всем его величии, а не захламленным и испорченным жаргонными выражениями, иноязычными наслоениями. Национальные языки будут существовать очень долго, до тех пор, пока существуют нации. Центральный орган нашей партии газета «Правда» писала: «Когда социализм восторжествует на всей земле, а производительные силы повсеместно достигнут высокого уровня, процесс сближения нации приведет к тому, что постепенно исчезнут различия в условиях жизни народов разных стран, а государственные границы потеряют свое значение»; в этих условиях, как видно, возникнут иные закономерности в развитии и литературы и языков, а пока что мы должны заниматься не гаданием на кофейной гуще, а считаться с реальностью сегодняшнего дня, теоретизировать, имея в виду исторически обозримое время.

Кстати, нельзя думать, что новаторство, пропаганда идей марксизма-ленинизма, идей коммунизма может быть привилегией того или иного народа, того или иного языка, той или иной литературы.

Национальное своеобразие духовной культуры, литературы проявляется не только в языке. Язык есть действительность мысли, он выражает в равной мере и чувственный, эмоциональный мир человека. «Искусство, как на клавиатуре, разыгрывает на рефлексах и эмоциях дивную музыку образов и через систему образов осмысливает явление жизни», — писал Л. Н. Толстой, и он был, безусловно, прав. Но как складывается образ, из каких элементов он конструируется? Вопрос этот недостаточно еще изучен марксистами-филологами, эстетиками.

Нам кажется, что если говорить о национальной специфике литературы и ее героев, в споре не обойтись без анализа этого же явления в смежных областях искусства.

Я имею в виду живопись, и станковую и фресковую, киноискусство, скульптуру, чеканку, все равно, на каком металле она ни была бы выполнена, резьбу по дереву и, конечно же, музыку, несмотря на ее ультрасовременный язык, и даже столь универсальную форму искусства, как архитектуру.

Все эти виды искусства особенно расцвели и развились в период укрепления и развития социалистических наций, даже у тех народов, которые имеют тысячелетние традиции интенсивного культурного творчества. Этот процесс шел на основе укрепления национального самосознания, самовыражения народа с использованием богатейших народных традиций локально-национального, народного видения мира и обнаружения его красот. Никаких признаков межнационального «слияния» этих видов культуры никто не обнаружит даже при скрупулезном анализе конкретных проявлений художественного гения советских народов. Эти культуры развиваются на единой общественно-политической, экономической и идеологической основе, они все гармоничны, прославляют человека труда, имеют один общий идеал жизни и красоты, в основе своей оптимистичны, и в этом смысле они интернациональны. Всякое интернациональное, общечеловеческое в искусстве, литературе—это и есть квинтэссенция национального, демократического, универсального в сознании народа.

Не только искусство, но даже некоторые виды науки, оказывается, могут быть окрашены в национальные тона. К. Маркс как-то заметил: «Различие французского и английского материализма соответствует различию между этими нациями. Французы наделили английский материализм остроумием, плотью и кровью, красноречием. Они придали ему недостававшие еще темперамент и прагматизм. Они цивилизовали его».

Может ли писатель, конструируя образ, создавая советский национальный характер, элиминировать общественное бытие, в котором он живет, историю, традиции своего народа, опыт других народов, темперамент, характер народа, сыном которого он является, нравственные, этические нормы, эстетические представления, которые ему передаются из поколения в поколение и, наконец, разве малую роль играет здесь географическая среда, в которой он живет, разве не прав был Гете, который говорил Эккерману: «Кто всю свою жизнь окружен высокими суровыми дубами, должен стать совсем другим человеком, чем тот, кто живет среди веселых воздушных березок» (И. П. Эккерман. Разговоры с Гете. М. — Л., 1934, стр. 438).

Нельзя, кстати, забывать, что все современное декадентское, модернистское искусство и литература Запада только и делают, что призывают покончить с традициями (к ним сейчас подключились теоретики и практики «великой культурной революции» в Китае), покончить с национальным своеобразием культур, выработать некий «общий стиль», в равной мере пригодный для всех народов, всех классов, всех стран, всех литератур.

Возникает вполне закономерный вопрос, не мешает ли национальная литературная традиция, наличие национальных языков сближению, взаимообогащению литератур. Насоборот, сблизиться могут только равноценные культуры, литературы, в противном случае будет не слияние, не сближение, не синтез на определенном, исторически очень и очень далеком этапе развития человеческого общества, а просто поглощение одной культурой, одной литературой другой культуры, другой литературы. На этот путь никогда не может стать наша культура, наша литература, наиболее гуманистическая, наиболее интернациональная из всех культур и литератур мира.

* * *

Матей Бор, выдающийся югославский поэт, выступая в Тбилиси на торжественном заседании, посвященном юбилею Руставели, в зале Верховного Совета Грузинской ССР сказал:

— Как хорошо, что организаторам юбилейных торжеств пришла мысль связать эти дни с большим разговором о месте поэта и поэзии в современном мире. Счастливая мысль! Счастливая потому, что мы смогли здесь, в самом сердце Грузии, с глазу на глаз с Руставели проверить свою поэтическую совесть. Думаю, что я говорю не только от своего имени, но и от имени всех присутствующих здесь в эти волнующие дни.

В этой статье в форме размышлений вслух затронуты только некоторые вопросы нашей общественно-политической, литературной жизни. Очень многих, даже кардинальных вопросов нашего сложного литературного процесса она вовсе не коснулась.

ВЛАДИМИРУ МАЧАВАРИАНИ — 60 ЛЕТ

Дорогой Владимир Георгиевич! Горячо поздравляем Вас с шестидесятилетием со дня рождения. Все Ваше творчество, вся Ваша общественная деятельность служат интересам Советской Родины, нашего народа. От всей души желаем Вам доброго здоровья, новых творческих успехов.

Секретариат правления Союза писателей СССР.

Редакция «Литературной Грузии» присоединяется к приветствию секретариата правления Союза писателей СССР и шлет дорогому нашему юбиляру, бессменному члену редколлегии журнала со дня ее основания, известному грузинскому публицисту и критику — Владимиру Георгиевичу Мачавариани в связи с его шестидесятилетием пожелания крепкого здоровья, долгих лет жизни, творческого горения и бодрости.

Будьте счастливы, наш дорогой Владимир Георгиевич!

Книга о певческом дыхании

«Искусство пения существует столько, сколько существует сам человек. Пение неотделимо от человека», — пишут авторы книги «Певческое дыхание и некоторые советы по постановке голоса» — Вера Давыдова и Дмитрий Мчедлидзе. И тем не менее, несмотря на древность и поистине общечеловечность вокального искусства, проблема певческого дыхания поныне принадлежит к числу сложнейших проблем, решаемых порою весьма субъективно. Поэтому выпуск книги о певческом дыхании, изданной в этом году тбилисским издательством «Литература да хеловнеба», представляется в высшей степени своевременным и целесообразным.

Действительно, дыхание певца является основой вокального искусства, развитие которого попросту немислимо без научного постижения и изучения этой основы. В данном случае чрезвычайно важно и то, что авторы опираются на свой богатый опыт, накопленный на протяжении нескольких десятилетий и позволивший проверить теоретические положения, излагаемые в книге, в процессе творческой практики.

Не будет преувеличением назвать народную артистку РСФСР, ныне профессора Тбилисской консерватории Веру Александровну Давыдову одной из самых замечательных советских певиц, в лице которой сочетались выдающаяся оперная артистка и камерная исполнительница. В. А. Давыдова вошла в историю советского вокального искусства как певица, с необычайным чувством стиля исполнившая цикл «Русский романс», в который вошло около 200 произведений композиторов XVIII—XX столетий, причем многие из этих романсов прозвучали в исполнении Веры Александровны и во время ее зарубежных поездок. В. А. Давыдова создала на сцене Большого театра незабываемые образы Марфы в «Хованщине», Любавы в «Садко», «Кармен» (в этой роли запечатлел артистку художник Н. А. Соколов), Амнерис в «Аиде», Любиши в «Царской невесте», Марины Мнишек в «Борисе Годунове» и многие другие. Трудные задачи, стоявшие перед певицей, оперный и камерный репертуар которой всегда поражал своей разносторонностью, могли быть решены, разумеется, только путем напряженной творческой работы и виртуозного овладения всеми тайнами певческого дыхания.

Народный артист Грузинской ССР Дмитрий Мчедлидзе также пел некоторое время на сцене Большого театра в Москве и, например, исполнявшая им партия царя Салтана, а также камерные произведения свидетельствуют о напряженных размышлениях певца над проблемами дыхания и успешном решении этих задач.

Д. С. Мчедлидзе входил также в состав дирекции ГАБТ, что давало ему возможность широко знакомиться с методами работы и других артистов. Таким образом, авторы книги опирались в своей работе не только на теоретические знания, но и на большой творческий опыт и организационные навыки, позволившие остановиться и на режиме певца, связанном, разумеется, с его общим психофизиологическим состоянием, всегда являющимся залогом работоспособности и творческого успеха.

Авторы книги хорошо понимают, что одаренность певца играет громадную роль в формировании его творческого облика, но каков бы он ни был (и это относится, конечно, не только к певцам, но и к инструменталистам), приобретение технических навыков всегда является необходимой предпосылкой для достижения мастерства. В книге дается очень точное определение национальной самобытности вокального искусства: «Школа пения складывается на основе общей музыкальной культуры нации, включающей в себя трактовку, исполнительскую культуру, интонационные, ладовые и ритмические особенности народной музыки, а также и фонетический строй языка, непосредственно действующий на певческое звукообразование» (стр. 11). Именно проблемам этого звукообразования и посвящена работа В. А. Давыдовой и Д. С. Мчедлидзе, подчеркивающих, что «существуют различные национальные школы пения: русская, итальянская, французская, немецкая и т. д., но правильная постановка голоса для всех национальностей единая» (там же).

Что же такое «правильная постановка голоса» с точки зрения авторов работы? Это — безупречное владение всеми, если можно так выразиться, звеньями голосового аппарата. Такое владение дает полную возможность раскрыть и национальное своеобразие вокального искусства, обусловленное факторами, о которых уже говорилось в приведенной цитате. Но для этого совер-

шенно необходимо осмыслить все функции певческого дыхания, начиная с воздушного резервуара, т. е. легких, и кончая последними стадиями звукообразования.

Конечно, судить обо всем этом сложном процессе может только специалист, но ему необходимы познания не только в анатомии, но и в эстетике, и в таких областях вокального искусства, как, скажем, дикция.

Основной и, думается, бесспорной заслугой авторов книги следует считать строгую научность, профессионализм изложения материала и резкую критику дилетантизма. На стр. 30 авторы приводят поистине анекдотические выражения, увы, вошедшие в обиход некоторых вокалистов-педагогов: «бодай звук», «округли звук» и т. п. Такого рода выражения воспринимаются как неуклюжий жаргон, и авторы правы, когда считают, что все эти «наводящие указания... отомрут, когда будут заменены научными обоснованными определениями».

Хотя книга невелика по объему, но в ней содержится уже положения, которые позволяют искать такие научные определения. Авторы справедливо указывают, что идя к этим определениям, а следовательно, и к обоснованию указаний, даваемых молодому вокалисту, нельзя миновать анатомическую базу певческого дыхания. Только ее внимательное изучение позволит овладеть всеми средствами звукообразования и стать настоящим певцом. Авторам прекрасно удалось разбор видов дыхания и устранение терминологической путаницы, наносящей немалый вред. Признавая значение изысканий доц. Л. Д. Работнова и называя его даже «великим новатором» (стр. 30), авторы, однако, полемизируют с ним по поводу так называемого «парадоксального» дыхания, якобы присущего особо выдающимся певцам. «Надо прямо сказать, что за это заблуждение Работнова многие певцы заплатили очень дорого, нанеся большой вред своему голосу» (стр. 27).

Б. ГОРДЕЗИАНИ

Отражение виденного и пережитого

Издательство «Литература да хеловшебა» выпустило недавно большой альбом, в котором помещены линогравюры, обложки книг и титульные листы, различные ксилографические зарисовки и портреты многих деятелей искусства, выполненные Н. Чернышковым, художником, вся жизнь и деятельность которого неразрывно связана с Грузией.

Н. Чернышкова знают и ценят как художника с тонким вкусом, отличного мастера гравюры и книжной графики.

Историку культуры вряд ли следует входить в детали той полемики, которую авторы ведут и в дальнейшем (напр., в главе «Образование звука», стр. 38 и следующие) с Л. Д. Работновым, но нельзя не признать, что В. А. Давыдова и Д. С. Мчедлидзе с редкой последовательностью и ясностью излагают возникновение, процесс и особенности певческого дыхания, детально анализируя в данной главе функции гортани, языка, мягкого неба и губ.

Заключительные разделы работы посвящены таким сложным вопросам, как регистры, нюансировка, тембр, дикция, роль сольфеджио в вокальном воспитании, а также режим певца. Все эти разделы, так же как и предыдущие, принесут несомненную пользу начинающим, да и не только начинающим певцам.

Очень трудно понять, в силу каких соображений такая ценная и нужная работа оказалась изданной тиражом лишь в две тысячи экземпляров. Нет сомнения, что вскоре понадобится еще одно издание книги В. А. Давыдовой и Д. С. Мчедлидзе. Хочется пожелать, чтобы заключительные разделы работы (в частности, о тембре и дикции) были расширены и чтобы авторы добавили раздел о сценическом поведении певца в связи с основной проблемой книги.

Как хорошо было бы, если бы такой раздел был построен на анализе исполнения В. А. Давыдовой партии «Кармен». Даже самые взыскательные ценители считали, что это исполнение можно назвать чудом певческого дыхания, виртуозное владение которым позволило певце сочетать темпераментность сценического облика с безупречностью исполнения вокальной партии. Такого рода достижения должны стать достоянием широких кругов не только наших профессионалов-вокалистов, но и любителей, неизменно проявляющих живой интерес к творчеству выдающихся певцов.

Из редакционной статьи и автобиографии, предшествующей альбому, читатель узнает, что Н. Чернышков родился в г. Вильно, среднее образование получил в Киеве, откуда он переехал в Тбилиси. Здесь тепло встретили семнадцатилетнего юношу. Тбилиси стал для него вторым родным городом. «В моем восприятии Тбилиси, — вспоминает Н. Чернышков, — тесно связан с теми людьми, чья бескорыстная помощь помогала мне с самого начала, когда я еще не имел жизненного опы-

та, стать на трудовую стезю, творчески определиться, чья дорога, отзывчивость и искренность запомнились навсегда».

Творческий путь молодого Чернышкова связан с установлением Советской власти в Грузии, когда впервые появились плакаты нового правительства и плакаты телеграфного агентства с призывами ко всем людям доброй воли.

Заинтересованный необычной формой и содержанием таких плакатов, молодой Чернышков охотно пробует свои силы в этой области. В дальнейшем он некоторое время оформляет диаграммы, работает чертежником. Проходит время, и Чернышков убеждается, что для настоящей творческой деятельности необходимо профессиональное образование. Николай Чернышков поступает в недавно организованную студию Мосе Тоидзе, занимается живописью, но его все больше и больше влечет к себе скульптура и, окончив студию, молодой художник поступает в Тбилисскую академию художеств и занимается в классе известного скульптора Якова Николадзе. Одновременно с основным своим занятием — скульптурой — Чернышков увлекается и книжной графикой и скоро при помощи профессоров И. А. Шарлеманя и Е. Е. Лансере овладевает искусством графики и гравюры. С этих пор Чернышков становится известен как талантливый художник-график и художник-гравёр.

В истории советского искусства годы с 1924 по 1930 считаются значительным периодом в области издания книги, ее художественного оформления. В это же время достигает своего расцвета гравюра на металле, дереве, линолеуме.

«Познав захватывающую прелесть творческой резьбы и печати, я на всю жизнь взял резец в руки, который держу и сейчас», — вспоминает Николай Чернышков.

Окончив Академию художеств, Чернышков преподает там же гравюру и офорт, но вскоре переходит на работу в издательство, в отделение художественной литературы. В новой работе Чернышкову пригодились те знания и навыки, которые приобрел он, будучи студентом скульптурного факультета — это работа над барельефом малых форм из воска. После перенесения таких барельефов на металл, художник при помощи штампа со вкусом оформляет ими обложки и страницы книг.

* * *

В те годы, когда Чернышков приехал в Грузию, Тбилиси был городом караван-сараяв, водяных мельниц и золотых дел мастеров. Старый Тбилиси производил на приезжих неизгладимое впечатление своими духанами, фэатопами, ресторанами, неоновторимой музыкой органа и зурны, поражал обилием всевозможных мастеровых, кото-

рые тут же на глазах у заказчиков виртуозно выполняли любой заказ.

И конечно, Чернышков был пленен не повторимым обликот старого Тбилиси, его своеобразной красотой и колоритом, затейливым орнаментом домов, его необычной архитектурой, которая была отражением эстетических устремлений и национального духа города той поры.

И очень важно, что художник стремится найти наиболее созвучную форму для той или иной своей работы. Линогравюры и ксилографии Н. Чернышкова сделаны рукой зрелого художника с большой культурой и вкусом. В альбоме вы не встретите случайных работ или же поверхностных набросков, везде, во всех работах ощущается мастер с художественным видением и поэтической душой.

При разработке композиции Н. Чернышков долго работает над каждой деталью, над каждым штрихом и в то же время стремится в своих работах к обобщению. Чутко подбирает художник гамму цветов в гравюрах «При свете фонаря», «Дом на Судебной улице», «У лавки продавца угля», «Верийский спуск» — одних из лучших работ Н. Чернышкова. Колорит этих гравюр и гармония цветов вместе с техническим мастерством говорят о поэтической душе художника, о силе художественного восприятия цвета. С таким же мастерством выполнены черно-белые гравюры на тему старого Тбилиси — «В районе Петханна», «Беседа», «Дом с балконом». С целью усилить звучание черно-белых штрихов художник часто использует так называемый подкладной тон. Этим он как бы оживляет композиции, и художник-гравёр предстает перед нами во всей своей творческой силе. Достаточно взглянуть на гравюры «Площадь Ленина», «Самая узкая улица», «Музей искусства», чтоб воочию убедиться в сказанном выше.

Мы, пожалуй, могли бы ограничиться сказанным, но нельзя умолчать и о другой стороне творчества Н. Чернышкова — о книжной графике. Н. Чернышков отлично разбирается в природе и архитектонике книжного искусства. Своей непосредственной работой в полиграфии Н. Чернышков способствовал дальнейшему развитию культуры книжного оформления.

В книжной графике проявились все лучшие качества Н. Чернышкова как художника-гравёра: строгость в подборе графических форм, стилистическая последовательность. Каждое оформление новой книги для Н. Чернышкова — новое, техническое и художественное открытие. Как иллюстратор Чернышков обладает одним из ценных качеств — он умеет проникнуться духом произведения, стремится к полному соответствию внешнего оформления книги с ее содержанием.

Наталья ЧХЕИДЗЕ

„Золушка“ С. Проккофьева на сцене театра имени З. Палиашвили

Старая сказка Шарля Перро о доброй мечтательной Золушке и ее злой мачехе и сестрах не раз воссоздавалась на сцене в виде традиционных феерически-зрелищных опер и балетов.

Глазами художника-новатора ее прочитал лишь замечательный композитор нашей эпохи Сергей Прокофьев. Прокофьев писал о «Золушке»: «Авторам хотелось, чтобы зритель в этой сказочной оправе увидел живых, чувствующих и переживающих людей».

Произведение написано композитором в традиционных формах классического балета с его адажио, вариациями, divertissementом, в ритмах вальса, мазурки, гавота и других популярных старинных танцев. Итак, традиционный сюжет, воплощенный в традиционных балетных формах.

В чем же новизна прочтения старой сказки?

Ответ на этот вопрос мы получили на премьере балета «Золушка» в театре им. З. Палиашвили. Ответ содержательный и яркий, эстетически глубокий и убедительный.

Вслед за оркестровым вступлением, в котором звучит то печальная, то возвышенно-мечтательная тема Золушки, на сцене в непрерывном и ярком музыкально-хореографическом потоке разворачиваются дерзкие по-новому воссозданной мудрой сказки. Динамизм развития музыкальных тем композитора здесь сочетался с динамизмом сквозного сценического действия, присущим балетам В. Чабукиани.

Первое же впечатление от спектакля — это то единство и созвучие всех компонентов — музыки, хореографии и оформления, которые являются едва ли не основным мерилом в оценке синтетического искусства театра.

Известно, что С. Прокофьев начал работу над «Золушкой» в творческом содружестве с народным артистом СССР В. Чабукиани в качестве поста-

новщика. Война помешала этой работе, но сейчас, когда Чабукиани вновь вернулся к этому балету, осуществив его постановку на сцене театра им. З. Палиашвили, становится ясно, что сотрудничество композитора и балетмейстера было не случайным, что многое родило их в этой работе. Прежде всего — поиски новых структурных и выразительных форм музыкально-хореографического искусства, отвечающих идейно-эстетическим требованиям современности.

Чуткость прочтения балетмейстером музыки Прокофьева в том, что он последовательно и всесторонне раскрыл в балетно-сценическом действии смысловые и эстетические акценты двух популярных миров этой музыки. Это — мир трудолюбивой, кроткой и чистой Золушки и помогающих ей светлых сил природы и мир завистливого и тугого мещанства, где царят злая мачеха с дочерьми и чопорно-бездушные придворные.

Это четкое образно-смысловое прочтение балетмейстером музыкальной партитуры и определило идейно-эстетическую цельность спектакля. Хореографические, декорационные и исполнительские решения балета — все подчинено ясной, лаконичной, художественно-целомудренной манере композитора, логике развития сценических положений, многогранных музыкальных характеристик персонажей.

Мы увидели музыкально-сценический вариант традиционной сказки без намека на фееричность, без подчеркнутой фантастики и пышных аксессуаров, которыми подчас грешат и современные постановки этого балета. Ни единой лишней фигуры даже в кордебалете, никаких вещей на сцене, помимо «игровых» — кресло принца (вместо трона); хрустальные башмачки, танцующие часы и др. В этом лаконизме форм постановки при полном сохранении ее

сказочно-яркого и жизнерадостного колорита — та же тенденция современного прочтения старой сказки, приближения спектакля к основному содержанию музыки Прокофьева — к человеческой теме Золушки. Контраст между сказочным миром и миром реальным почти стирается — от сказки остается лишь прозыванный гуманистической идеей мотив волшебного вмешательства одухотворенных сил природы в жизнь человека.

В режиссуре балета имеется немало интересных находок, по-новому решенных деталей, углубляющих образно-смысловые коллизии спектакля. Приведем два момента. Золушка отдает старой нищенке не кусок хлеба, а туфельки, только что подаренные ей отцом — то есть лишает себя самого дорогого. А нищенка-фея, как бы «компенсируя» доброту бедной девочки, дарит ей тоже туфельки, но уже не простые, а хрустальные — символ волшебного превращения доброй «замарашки» в сверкающую принцессу. Это, с одной стороны, углубляет черты сопереживания и человечности в характере Золушки, а с другой — создает сквозную линию «сценического действия» туфелек.

Другой момент: бьет полночь, Золушка должна покинуть дворец. Танец часов здесь обычно исполняют традиционные карлики в красных колпачках. Чабукиани оживляет самые часы. С опромного циферблата «сходят» двенадцать светящихся цифр и движутся во мраке ночи в зловещем ритмическом танце, выражающем грозное и неотвратимое движение времени. «Танцующие часы», органично войдя в сказочно-образный мир балета, увеличивают впечатляющую силу эпизода.

Верность прочтения режиссером партитуры Прокофьева сказалась и в особенностях танцевального языка балета. Оттапливаясь от богатейшей — упругой и импульсивной ритмики прокофьевского текста, Чабукиани подчас очень тонко интонирует многообразные формы классического танца элементами современного пластического языка. Это сообщает движениям героев (прежде всего, принца и Золушки) и всему хореографическому строю балета особую энергию, жизнеутверждающе-оптимистический оттенок.

Высокой поэзией овевя в балете образ Золушки — главной носительницы светлого этического начала. Врожденная воздушность народной артистки Грузинской ССР В. Цигнадзе, чистота и кантиленность ее танца как нельзя лучше подошли к плавным скольжениям вальсовых ритмов, лежащих в основе музыкальной темы Золушки. Душевная чистота и скромность, доброта и сопереживание, мечты о счастье и роман-

тический взлет чувств при их волшебном осуществлении — все эти черты душевного мира Золушки последовательно расширяются балериной в развитии и становлении образа. Жанровые бытовые мотивы ее поведения в первом акте, ее тяжелое подневольное положение в доме мачехи не лишают Золушку Цигнадзе внутреннего достоинства и женственной грации, а ее сценическую речь — одухотворенной танцевальности. А в волшебных превращениях последующих актов — даже в апофеозе душевного величия и красоты своей героини, венчающем балет-сказку, Цигнадзе сохраняют черты скромного девичьего обаяния. Образ Золушки, законченный и цельный, подяет талантливой балериной до тех высоких поэтических обобщений, какие достигаются природным даром и артистизмом, помноженным на зрелость большого мастерства.

Иначе разрешен образ Золушки молодой балериной, заслуженной артистки Грузинской ССР И. Джандиери. В первом акте, где душевный мир героини раскрывается в ряде пластико-мимических сцен, Золушка-Джандиери — обездоленная девочка-сирота, в движениях которой сквозят печаль и забытость, она пугливо прячется при появлении мачехи и сестер, по-детски беззащитна в сцене воспоминаний перед портретом матери.

В последующих актах языком Золушки-принцессы безраздельно становится легкий и воздушный язык классического танца. Здесь молодая балерина, уверенно владеющая его формами, оказалась вполне «в своей стихии». Однако образ Золушки, намечавшийся на контрастах превращения маленькой «замарашки» в блистательную принцессу, выглядел несколько статичным. В дальнейшем молодая балерина, уже незаурядно проявлявшая себя в ряде ответственных ролей (Мирта, Одетта—Одиллия, Ирема), несомненно, довершит работу над ролью и раскроет свои артистические возможности.

Принц в балете Прокофьева и Чабукиани совсем не похож на аналогичных персонажей старого балета, мечтательных и тоскующих. Вся повадка молодого героя, которого в спектакле очень темпераментно, «на большом дыхании» танцует молодой танцовщик заслуженный артист Грузинской ССР В. Монавардисашвили — от его стремительного выхода на придворном балу до вихревых полетных прыжков, которыми он опоясывает сцену в кругосветном «галопе» за Золушкой — все выдает в принце жизнерадостность, неуемный задор и энергию. Принц Прокофьева оказался вполне «у себя дома» на сцене тбилисского театра, где живут и действуют героические юности грузинских балетов. Именно этот мотив

героики подчеркнул Чабукиани в характере принца, наделив его партию сложными полетными прыжками и виртуозными поддержками. В самом деле, ведь принц в нарушение придворного «кодекса» выбрал девушку совсем незнатного происхождения, пленившую его своей душевной красотой. А потеряв, бросился искать ее по целому свету. Монавардисашвили раскрывает принца в крупном монументальном плане, подчеркивая бурную, волевою устремленность героя в достижение заветной цели.

Менее выражена у артиста лирическая сторона образа, которая как бы светится отраженным светом хрупкого, трогательного образа Золушки. Психологически углубляя и детализируя роль принца, Монавардисашвили придает еще больше содержательности своим дуэтам-диалогам с Золушкой, юным юношеского порыва и мужественной экспрессии. Стоит вспомнить финальный дуэт героев, звучащий и в музыке, и в хореографии как вдохновенный гимн человеческой красоте и любви. По-новому осмыслены в спектакле даже такие эпизодические роли старой сказки, как юноши-геральды (артисты Г. Абесадзе, Н. Махатели, Н. Чавчанидзе). Это — не безликие «дежурные» персонажи старых балетов, им присуща задорно-воинственная пластика — сродни танцевальному языку принца.

В воздушных и поэтичных вариациях четырех фей времен года хорошо показали себя юные балерины Ц. Баламчиадзе, Н. Гинзбург, И. Кавказидзе, Л. Ломаева, Р. Свирина. Эти номера, образно и технически трудные для исполнения, требуют дальнейшей шлифовки.

Совсем иной мир раскрывается в гротесковых образах злой мачехи и ее дочерей. Как саркастически заострены их угловатые, колкие, изломанные движения! Даже панталоны приобретают у них какую-то злую пронзительность, как бы выражая их обостренный эгоизм, строптивость и упрямство. Эта балетная триада нашла своих очень ярких исполнителей в лице мачехи (А. Церетели), Злюки (С. Буравлева) и Ломани (Н. Аробелидзе).

Особенно следует выделить балерину старшего поколения А. Церетели, обогатившую серию созданных ею интересных гротесково-острых образов (фея Карабос, мать Давриша и др.) еще одним талантливым портретом.

Иронической интонацией отмечены и характеристиками служебных персонажей — танцмейстера, парикмахера и других. Эта ирония сквозит и в танцевальной сюите придворного бала, открываемой паванной — танцем изящным и церемонным, но с оттенком жеманства у дам и легкой суетливости — у мужчин.

Высокой оценки заслуживает оформление молодого художника Б. Мессереира, хорошо согласующееся с исходным замыслом постановщика. Работа художника тонко сочетает стилизые предметы исторической обстановки сказки Перро, красочный и нарядный колорит придворного быта с задачами раскрытия музыкально-танцевальных характеристик персонажей и сценических ситуаций балета.

Выразительный лаконизм отличает костюмы персонажей, они являются как бы частью их портретных характеристик. Например, легкие воздушные тонники фей времен года оттеняются лишь колористическим элементом: весна — свежее зеленым, лето — золотистым, осень — светло-багряным, зима — осветительно белым.

Слегка гротесковые линии истовчески верных костюмов мачехи, дочерей и придворных сообщают их фигурам невольный комический оттенок, а такая, скажем, деталь, как подчеркнутые длинные панталончики у Ломани и Злюки придают их сухим, неуловимо-прямым силуэтам ту обличительную резкость, которая так красноречиво выражена в музыке и хореографии балета.

Образными деталями, идущими от общего духа и стиля спектакля, отмечена вся работа молодого художника. Например, добродушным юмором проникнута большая линейная фигура тореадора на заднике сцены, символизирующая Испанию в картине путешествий принца. Плеть тореадора, повелительно занесенная над быком, и совершенно вздернутый хвост быка — как живые реплики в немом, но выразительном диалоге между покорителем-человеком и непокорным животным. Так мотив путешествий принца зримо окрашивается иронически-лукавой шуткой, столь свойственной сказочному миру Прокофьева.

С глубоким проникновением в богатый и сложный мир музыки балета, с большим мастерством ведет оркестр дирижер В. Фидлер.

Балет «Золушка» — высший образец сочетания классических традиций и смелого новаторства в современном музыкально-хореографическом искусстве. Новаторский музыкальный и пластический язык «Золушки» — это не тот «модерн», что деформирует и сунит классическую балетную форму, схематизируя ее. Язык «Золушки» — язык реалистического искусства, обновленный и обогащенный новыми ритмами мажорной интонацией нашей героической эпохи.

Постановка балета С. Прокофьева в театре им. З. Палиашвили — дело всего коллектива во главе с постановщиком В. Чабукиани.

800 лет Руставели

Илья РУРУА

На палестинской земле

О дружбе и братстве, о счастье и освобождении трудящихся много было говорено в том же «русском саду», на трапезе у князей церкви. Представьте себе, христианские лозунги о человеколюбии они приспособили к целям и идеям Первого мая — Дня международной солидарности трудящихся.

Простачку, особенно верующему, легко попасть на их удочку.

Но расскажем по порядку.

На трапезу мы, «нехристи», попали впервые. Я лично представлял ее себе своеобразным продолжением церковной службы. И был страшно удивлен, когда вместо аскетического воздержания увидел земное, слишком земное чревоугодие.

Впрочем, до начала трапезы была произнесена коротенькая молитва, и все перекрестились.

Я хорошо приметил довольно выраженные лица священноначальника, когда подчиненные в один голос упростили его не совершать какого-то длинного и обременяющего душу и тело обряда.

Роль тамады взял на себя уже наш старый знакомый Гермоей. Неторопливо, с чувством собственного достоинства вел он стол: ни дать ни взять кавказец.

После нескольких стаканов началось веселье. Как и в обычной «мирской» компании, и здесь появился весельчак. Душой компании оказался настоятель Таборского монастыря, молодой грек Дионисий. Я не знаю, каким священником считает его митрополит Назарета и всей Галилеи Исидорос, но за столом Дионисий полностью оправдал полученное от бога вина и веселья имя. Он беспрестанно шутил и смеялся. Исидорос всячески поощрял молодого священника. А войдя в раж, попробовал спеть «Подмосковные вечера». Когда подтянули эту прекрасную песню, он зажмурился от удовольствия и под ко-

нец стал раскачиваться в такт песне. Красивое лицо Исидороса выражало блаженство...

Едва утихло «Подмосковные вечера», греческий дьякон затынул какую-то грустную мелодию. Его поддержал и молодой священник-румын. Запел и несловоохотливый, мрачный эфиоп. Его исполнение больше походило на берущую за душу древнеафриканскую ритуальную песню.

Заметно оживились и старцы. Несмотря на возраст, в них сквозила лихость наездников. Да и одежды они были под стать осанке, в форму кавалериста времен первой империалистической войны, правда, изрядно поношенную, но тщательно заштопанную и отутюженную. Их грудь украшали какие-то ленты, должно быть, обозначающие ордена и медали... Оказывается, в молодости они служили в войсках разных стран и имели чины младших офицеров. Один бог знает, через сколько боев и авантюрных приключений прошли они, чтобы греть сейчас свои старые кости на палестинском солнце и с бравадой, вызывающей усмешку, покручивать усы и нести свой крест священнослужителей.

Как выяснилось, и сам Исидорос был некогда офицером. Но потом по неизвестной для нас причине махнул рукой на военную карьеру и подался в священники. На этом поприще он тоже преуспел — среди греческих священноначальников он считается вторым после Бенедикта лицом. Судя по всему, человек он способный — знает несколько языков, в том числе и русский.

В завершение пира Борис затынул «Многие лета», и все сотрапезники, поднявшись на ноги, пожелали долгих лет жизни сначала присутствующим высшим священноначальникам, в том числе патриарху-каатоликосу всея Грузии Ефрему Второму.

Одним словом, трапеза протекала, как говорится, в дружественной и сердечной обстановке.

Окончание. Начало в № 11.

И только Михаил Иванович был явно недоволен, об этом говорило выражение его лица. Видно, сын атакующего класса считал свою «душу погубленной» кутежом со священниками, но не мог же он, атеист, войти в церковь и «замолить грехи».

Поблагодарив за прием и угощение, мы направились прямо в посольство. Михаил Иванович должен был встретиться с консультантом по политике. В машине он ругал на чем свет стоит духовенство и, словно очищаясь от скверны, вспоминал вечер, проведенный недавно среди своих. «А «своими» Михаил Иванович считает персонал посольства — всех от мала до велика — и каждого советского человека, навсегда отрекшегося от церкви».

— Что же получается, — разводит он руками, — мы идем вперед, к коммунизму, а они, попы, тянут нас за фалды назад.

Мы смеемся от души и затеваем разговор о буржуазии. Сейчас Михаил Иванович взялся за буржуев. Он по сей день не может забыть, как одна женщина, «проклятая буржуйка», на глазах у всех ограбила нас, троих советских граждан. А дело было так.

В тот день стояла безумная жара. Но нам было не до тени — работали на самом солнцепеке. Когда стало невозможно, мы вошли в гостиницу «Галиленд» выпить воды и перевести дух. К тому же хотелось посмотреть макет старого, времен Давида, Иерусалима, выставленный под открытым небом на территории этой фешенебельной гостиницы.

В холле мы сели за круглый низкий столик, выпили по стакану апельсинового сока и закусили бутербродами. Когда нам подали счет, Михаил Иванович поблагодарил от негодования. Египет денег любой нуждающейся семье хватило бы на три дня.

Заснять макет древнего Иерусалима нам не сразу разрешили. Мы уже собирались уходить, когда появилась владелица гостиницы — красивая стройная женщина, единственная наследница какого-то американского миллионера. Она сначала предложила нам написать расписку о гарантии авторских прав, затем все-таки разрешила бесплатно снять на пленку макет, но с условием, что в случае использования материала будут соблюдены ее авторские права.

Михаил Иванович враждебным взглядом проводил грациозно ступающую по мраморным лестницам хозяйку, затем с немалой ненавистью посмотрел на возлежащих в мягких креслах в холле и шезлонгах у плавательного бассейна полуголых леди и джентльменов.

— Возмутительно, просто возмути-

тельно, — брезгливо поморщился он. Всюду деньги, деньги... шату не ступишь без денег. У нас хоть целые деньги снимай Кремль, ни копейки не надо платить, здесь же... А на чьи деньги куплены эти земли, построены такие хоромы, на чьи деньги уважаемая госпожа воздвигла дворец, да еще какой, чистый модерн... Ох, эти буржуй! Несправедливо все это, несправедливо.

Такой уж человек Михаил Иванович, простой труженик, сын атакующего класса!

У него выработаны твердые принципы и взгляды и никогда он не отступится от них. И здесь, в далекой Палестине, он считает себя солдатом родной страны.

Первомайский вечер, проведенный на чужой земле, но в кругу соотечественников, запомнился нам навсегда.

Была и «официальная» часть, было и искреннее веселье. Тон задавали и на этот раз наш посол и его супруга. Так что все мы чувствовали себя в домашней обстановке.

Выступали дети, потом мы, взрослые, читали свои любимые стихи. Одна дама прочтала целую главу из «Войны и мира». Мы слушали ее несколько ученическую, но все же приятную декламацию. В другое время и в другом месте она, наверное, и не мечтала бы о таком ужасе.

Нас по традиции угоаривали станцевать темпераментный грузинский танец. Но под конец согласились на компенсацию — Гурам Патарая исполнил несколько юмористических сцен.

Разыграли памятную лотерею. Когда был вручен последний приз и обладатели несчастливых билетов обижено махнули рукой, мы потребовали продолжить лотерею в счет «грузинского фонда». Дополнительные пять призов — образцы чеканки и керамики — были шумно переданы выигравшим, которыми, в основном, оказались священники во главе с Гермогеном.

Вскоре к нашей самостоятельности подключился профессиональный артист Дмитрий Башкиров. Он пришел прямо с концерта и сыграл несколько пьес. А в заключение столь удавшегося вечера мы хором спели «Широка страна моя родная».

На приеме в посольстве тбилисцев оказалось целых пять человек. Трое нас, Дима Башкиров — ведь этот выдающийся музыкант рос в столице Грузии, и еще — Зеинаб Аджибейли. Мы познакомились с ней раньше, на вечере в честь Константина Симонова. Зеинаб с группой советских ученых изучает здесь мир насекомых и пресмыкающихся. Миссия достаточно прозаическая. Однако профессия не наложила отпечаток на эту прекрасную женщину.

Раз уже зашел разговор о тбилис-

цах, расскажу еще об одной встрече. Как-то нам сказали, что в советское посольство пришла некая дама с просьбой:

— Здесь, как я слышала, гостят из Тбилиси. Очень прошу вас уговорить их посетить мой дом.

К слову говоря, мы получили такое множество подобных предложений, что исполни их, у нас не осталось бы времени на основную работу. Но на этот раз трудно было отказать. За время пребывания в Израиле мы встретили разве что четыре-пять человек, разговаривающих по-грузински. В том числе и упомянутого в книге Ираклия Абашидзе Арона Багдадлишвили, или как его здесь называют, «рыжего Арона». Правда, он родился в Израиле, но благодаря родителям настолько изучил грузинский язык, что мог свободно разговаривать с нами.

Беседовали мы и с Исраелом Рижинашвили, он попросил у нас «Родную речь», мол, хочу, чтобы моя внуки хорошо владели грузинским. К сожалению, мы не смогли выполнить его просьбу, нам даже в голову не пришло, что в Израиле кто-нибудь может интересоваться грузинскими учебниками.

Воспользовавшись свободным вечером, мы направились по адресу.

Едва мы нажали кнопку звонка, как дверь распахнулась.

Хозяйки пригласил нас к столу, который ломился от яств. Среди гостей оказался и армянский патриарх Эгипсе. Засучив рукава, рясю, он сделал на мангале такие шашлыки, что пальчики оближешь.

Патриарх бывал и в Тбилиси. Грузины, сказал он, принимали меня на редкость тепло. Видно, помня их гостеприимство, он старался не оставаться в долгу.

Эгипсе оказался начитанным, широко образованным человеком. Он и теолог и поэт. Прочитал нам несколько своих стихотворений, чем-то перекликающихся с Платоном. Если судить по стихам и задорному блеску глаз Эгипсе, ему не чуждо ничто земное.

Патриарх знаком с историей Грузии, с деятельностью наших предков в Палестине. Он поделился с нами своими мыслями.

— Мы в течение многих веков жили и трудились бок о бок. Мне хорошо известны талант и трудолюбие грузин. Но если вы не обидитесь, скажу откровенно: иногда вам свойственна беззаботность... Сколько очагов и сокровищниц культуры было у грузин здесь, в Палестине, однако ни одного не сберегли... Вы скажете, что виной всему лихое время. Но ведь история и нас, ваших соседей и братьев, тоже не гладила по головке...

Когда Эгипсе узнал, что мы думаем

побывать на Иорданской стороне, незамедлительно пригласил нас в свою патриархию.

— Если попадете в древний Иерусалим, звоните, я окажу вам всяческую помощь.

Слова Эгипсе не оказались брошенными на ветер.

***

На палестинской земле всюду встречаешь грузинские памятники древности, однако большинство их разрушено, разорено.

Катамон, например, только кладкой растрескавшихся камней да виноградником напоминает о своем прошлом. Я не оговорился, именно виноградником. Мы обошли множество храмов и культовых зданий в Палестине, но только на местах, некогда населенных грузинами, растет особенно пышно виноград. Живым орнаментом украшает он развалины или двор. Каждый раз, увидев виноградные лозы, мы начинали волноваться, словно они обещали нам нечто интересное. То ли первый саженец оказался стойким и упорным, то ли рука, лелеющая его, — доброй. А может, и то и другое...

В Катамоне живет один-единственный старец-грек: словно сошедший с полотна Рембрандта отец блудного сына.

Серое, землистое лицо свидетельствует о долгой жизни старца в душевной и темной келье.

Шаркая одетыми на босу ногу шлепанцами, он повел нас в храм. Мы внимательно приглядываемся к местам, где по описаниям путешественников должны быть грузинские надписи. Но от них уже не осталось и следа. Старый пол, видно, выстлал плитам дешевого мрамора.

Весь церковный инвентарь состоит из нарисованных на жести пестрых икон да изготовленных заводским способом люстр и лампад. Ничего уникального, сделанного рукой вдохновенного мастера.

Старец подтверждает: да, некогда Катамон принадлежал грузинам. Здесь были древние иконы и лампады, но я их уже не застал.

Согласно преданиям и древним источникам грузины владели храмами, гостиницами дворами также близ Тиберского озера и в Назарете. Мы провели ночь на берегу этого озера, в гостинице — он стоит на земле, принадлежащей русской церкви. На все наши вопросы монахины только пожимали плечами, они ничего не знали о живущих здесь некогда грузинах. Увы, у нас остались только воспоминания о проведенной у красивого и экологического озера ночи. Ночи, таинственную тишину которой нарушали лишь плещущиеся в прозрачной воде рыбы.

А утром мы выкупались в сверкающем на солнце теплом озере.

В Назарете почему-то превалируют католические церкви. Конечно, есть и греческие. Одну из них, стоящую на юру, мы тщательно осмотрели, но любопытных примет не обнаружили. Нас заинтересовали находящиеся здесь же, рядом, развалины с какими-то тайными ходами, однако сопровождающий нас араб ничего не мог сказать о них. Он только посоветовал навестить митрополита Назарета и Галилея Исидороса, чья резиденция расположена неподалеку от храма девы Марии.

Этот храм принадлежит грекам и считается одним из древнейших в Назарете. Хотя с первого взгляда он больше похож на сравнительно новый. А между тем пристройке, создающей это впечатление, лет 350.

Потягивая черный кофе, мы о многом расспросили Исидороса. Оказалось, он кое-что знает и о деятельности грузин в Палестине. Исидорос посоветовал, если мы попадем в Иорданию, непременно осмотреть храм Архангела в старом Иерусалиме и церковь святого Георгия, ее еще называют Ходжевита, между Иерусалимом и Иерихоном. Они некогда были грузинскими.

Исидорос рассказал такое, что у нас захватило дух. Оказывается, когда в Назарете готовили фундамент для католической церкви, обнаружили остатки какого-то здания с мозаичным полом и надписями. А так как прочитать их было некому, обратились к митрополиту. Он же смог установить лишь то, что это были не греческие буквы.

Мы с Гурамом переглянулись, видно, подумали об одном и том же — «наверное, было написано по-грузински, непременно по-грузински».

Кто знает, может, это были надписи времен мозаик Бетлема, а то и более ранние. Может, они хранили великую тайну...

В Назарете мы стали свидетелями удивительной встречи, которая лишней раз подчеркнула размах и характер современной жизни, неисчерпаемые возможности добрых отношений между людьми.

Назаретский гид — араб Бишар Журжур, как принято, угостил нас чашкой кофе. Мы сидели в открытом кафе и лениво беседовали о разных разностях. Из соседней с кафе парижмахерской вышел рослый, приятной внешности человек и что-то спросил по-арабски у нашего гида. Бишар познакомил нас, и араб вдруг заговорил по-русски. Он как-то весь преобразился — стал необузданно веселым, принялся обнимать нас, пожимал руки. Затем стал допрашивать Гиви Мелкадзе: мы где-то встречались. Гиви подтвердил, мол, и мне знакомо ваше лицо. Мы, конечно, по за-

слугам оценили его воспитанность. Однако вскоре выяснилось, что они действительно старые знакомые. Подумать только, назаретский араб-парижмахер и тбилисский оператор знают друг друга... Вот как они познакомились.

В 1962 году грузинское телевидение снимало в Одессе короткометражный фильм «Вновь в командировке» (его видели на телеэкранах многие наши зрители). Он рассказывает о судьбе слепой девушки, которой заботливые руки врачей вернули зрение. Гиви Мелкадзе как оператор целый месяц пробыл в прославленной клинике Филатова. Ему посвятившись заснять на пленку одну из редчайших операций, впоследствии удивившую весь медицинский мир. Некому арабскому юноше взамен навеки ослепших глаз вставили новые. За несколько часов до операции погиб в автомобильной катастрофе человек — вот его-то глаза и прижили слепому.

Так увидел арабский юноша солнце и людей. Людей, среди которых был и светловолосый грузинский оператор. Могло ли прийти на ум счастливому арабу или Гиви Мелкадзе, что они вновь встретятся, да еще где — в Назарете?

Эта история чем-то созвучна идеалам бессмертной поэмы Руставели.

Лучшего эпизода для будущего фильма о Израиле и не придумаешь. Гиви Мелкадзе из оператора на какое-то время превратился в героя картины. Гурам Патарая застрекотал подруженным по штатив киноаппаратом, а я записал в блокнот сказанные арабом слова:

— Я очень рад, что увидел в Назарете доброго друга, советского человека. У вас мне некогда сделали сложную и успешную операцию, вернувшую мне зрение. В Филатовском институте я лежал шесть месяцев. И все это время чувствовал себя как дома. Это было выражением доброго расположения советских людей вообще к арабам и ко мне в частности. Я с чистым сердцем могу сказать, что в жизни не встречал людей более внимательных и чутких. У вас так относятся ко всем, невзирая на цвет кожи и национальную принадлежность. В Одессе я познакомился со многими советскими людьми, в том числе и с грузинами. С одним батумским парнем я особенно подружился.

Хочу с помощью вашего фильма еще раз, уже с экрана, сказать большое спасибо советскому народу, министерству здравоохранения, всему коллективу клиники имени Филатова и особенно профессору Давиду Григорьевичу Бушмишу.

Советские люди любят мир. Я обещаю посвятить делу мира все свои силы и возможности. Вот чем могу я отблагодарить советских людей...

Так говорит Исам Табуз, показывая нам арабские газеты и журналы, кото-

рые широко откликнулись на операцию, принесшую юноше счастье.

Исам идет по стопам отца, который двадцать пять лет назад вступил в Коммунистическую партию и является первым коммунистом в Назарете.

Исам мечтает еще хоть разок приехать в Советский Союз, повидать старых знакомых и, конечно, в первую очередь своих врачей.

Помню, говорит араб, я спросил у профессора Бупмиша, чьи глаза мне поставили. Он улыбнулся и сказал — русско. Не бойся, они видят не хуже черных арабских глаз.

На смуглом лице Исама медовые глаза кактусы еще светлее, они лучатся счастьем. В них горят солнце и радость, бескорыстно подаренные арабско-му юноше хорошими людьми.

* * *

Идя по следам древних грузинских памятников, мы, что и говорить, стали свидетелями каждодневной жизни еврейского народа, увидели в его быте хорошее и плохое, старое и новое.

Старое и новое! Их неразрывность, тугое переплетение — может, самое характерное для сегодняшнего Израиля. Библейская земля этой страны является одной из колыбелей цивилизации человечества и в то же время служит территорией для одного из самых молодых государств — Израиль создан всего 18 лет назад. Нам понравились настойчивость и энтузиазм, с которыми еврейский народ строит свое новое государство.

Все это за сравнительно короткий срок дало свои плоды и, наоборот, еще больше изменил облик опаленной зноем веками неродившей земли. Главное, чтобы те, кому вверена судьба этого талантливого народа, дали его энтузиазму правильное направление.

Нам понравились распорядительность и порядок, умение рационально использовать каждую минуту и каждую каплю воды...

Показалась достойной подражания и культура строительства, которая стоит на уровне современного вкуса и требований. Но вместе с тем в современный стиль органически вплетаются заимствованные у памятников древности архитектурно-художественные мотивы и линии.

Каждый дом, построенный со вкусом и окруженный палисадником, сидит в едином архитектурном стиле, внося нечто свое, неповторимое в красоту улиц района, города.

Было очень приятно видеть благожелательное и гостеприимное внимание к соотечественным людям. Это мы почувствовали и на себе, и в отношении к другим. Достаточно вспомнить прием, устроенный известному русскому писателю Константину Симонову, нашим прекрас-

ным музыкантам — Леониду Когану и Дмитрию Башкирову.

Концерт Леонида Когана, на котором присутствовали и мы, явился своеобразной демонстрацией столь характерной для евреев, словно врожденной музыкальной культуры. В огромном, на три тысячи мест зале, который был битком набит людьми, вы не услышали бы даже шороха или покашливания. Но зато какая грядущая овария, когда стихли последние аккорды! По окончании первого отделения весь зал встал на ноги. Казалось, аплодисментам не будет конца. Тогда Коган исполнил сверх программы еще одну пьесу. Сейчас все уже стоя слушали с благоговением музыку.

Вся эта атмосфера благожелательства так не походила на то, свидетелями чего мы оказались в дни приезда в Израиль Конрада Аденауэра. Нет, его машину не осыпали цветами. Люди в знак протеста бросались под колеса, загораживали своими телами дорогу. К святым для евреев местам его провожали не толпы людей, а вооруженные отряды мотоциклистов.

Конечно, надо быть слепым обывателем, чтобы не увидеть пороков и недостатков, присущих капиталистической действительности. Присущи они и государству Израиль.

Выше я коснулся мимоходом отношений между так называемыми белыми и черными евреями, их острой вражды. Если эта проблема существует, то в первую голову потому, что и здесь нашлись последователи высокомерных суждений о неполноценности родившихся на черном континенте людей. Насаждением подобных теорий занимаются, в основном, евреи из Америки, ведь за океаном суду Линча и сегрегации раздолье.

Для всякого же израильянина, обособившегося в Палестине из патристических побуждений, оскорбительно и чуждо любое проявление дискриминации.

Действительно, на каком основании американский или европейский еврей может пользоваться преимуществами, почему его труд должен оплачиваться значительно выше, чем еврея с черного континента. Неужели только потому, что у африканского еврея кожа чуть темнее, шоколадного цвета?

Невольно возникает вопрос, могут ли иметь в такой обстановке израильские арабы надежду на национальное равноправие. Куда там, ведь арабу запрещено даже появляться в «священном городе» без особого на то разрешения.

Если отвлечься от этих острых проблем, все равно непонятно, как уживаются в Израиле высокий уровень общественного сознания и культуры с фанатическими догмами ортодоксального иудаизма. Ведь слепая приверженность

этим догмам уродует духовный и физический облик человека, толкает его к вырождению.

Бесспорно, в Израиле многое сделано и делается. Однако всему этому пока что создает базис капитал, полученный извне. Большим подспорьем для израильской экономики является созданный евреями-миллионерами фонд пожертвований, а также западногерманские репарации за невозмещаемые потери, которые причинила евреям вторая мировая война.

Национальная экономика Израиля, как подтверждают и официальные данные, еще не в силах стоять на собственных ногах. Она испытывает давление других стран и скорее подчинена им. А это влечет за собой множество трудностей, что не отрицают и высокопоставленные лица. Так, например, когда мы были в Израиле, министр финансов заявил на пресс-конференции, что «первым шагом к оздоровлению израильской экономики должна стать ликвидация безработицы. У нас 90 тысяч безработных, а это составляет десять процентов всего трудового населения».

Поэтому и вышли трудящиеся Аштора и Димона на первомайскую демонстрацию с плакатами: «Хлеба и работы». В Ашторе демонстрация закончилась столкновением с полицией, пролилась кровь, шестьдесят безработных было арестовано.

Сельское хозяйство Израиля, в основном, удовлетворяет спрос внутреннего рынка. Это надо считать значительным достижением, если принять во внимание, что в течение веков евреи в большинстве случаев тяготели к городу и были оторваны от земли. Сегодня израильтяне вновь стали тружениками сельского хозяйства, они обрабатывают землю с помощью современной техники. Соху и плуг можно встретить разве что в арабских поселениях.

Земли главным образом принадлежат государству и Еврейскому национальному фонду. Для обработки они сдаются в аренду. С частным, капиталистическим хозяйством соседствуют различногохарактерные коллективные объединения, большинство из них называется «кибуцы». В одной из таких кибуц, расположенной на плодородной шаронской земле, побывали и мы.

Хозяйственными делами здесь управляет общее собрание членов кибуцы. Все состояние является коллективной собственностью, забота о материальных запросах членов лежит на коммуне. Организация труда построена на коллективных началах. Семьи живут в индивидуальных квартирах. Что касается детей, то со школьного возраста они живут в том самом классе, в котором учатся. У каждого класса свое собственное помещение, оборудование которого

меняется с переходом детей в следующий класс и соответствует духовным и физическим потребностям. Одним словом, дети живут отдельно от взрослых в своем городке, вырабатывают трудовые навыки, умение общаться между собой и самостоятельно существовать. Второгодников здесь не бывает. После прохождения курса среднего образования всех, невзирая на пол, берут в армию.

Кибуца «Мааборот», которую мы посетили, видно, считается одной из образцово-показательных. А таких здесь очень мало. Большинство кибуц в долгах как в шелках, они влчат жалкое существование. Этому несколько причин. Во-первых, кибуцы не являются крестьянским хозяйством в подлинном смысле этого понятия. Моделью для них послужили принципы утопической «коммуны». Поэтому кибуцы не в силах вовлечь и повести за собой крестьянство, массы. Кибуцы представляются нам детичем мелкой буржуазии и честных, но витающих в облаках интеллигентов.

И все же по сравнению с капиталистическим хозяйством кибуцы бесспорно являются более прогрессивной формой. Не случайно капитал так притягивает опирающиеся на коллективный труд кибуцы, старается прибрать их к рукам — это он делает и путем банковских ссуд. Об этом говорит и тот факт, что из года в год все чувствительней становится сокращение процента объединенных в кибуцы людей и распределяемой продукции их труда.

Благодаря увеличивающемуся числу иммигрантов из разных стран света, осложняется их трудоустройство и жилищная проблема.

Поэтому если на первых порах евреи, побуждаемые патриотизмом и сионистскими призывами, охотно ехали в Израиль, то в последние годы они это делают с оглядкой.

Многие убедились, что родина не всех принимает одинаково ласково и тепло, что для одних она настоящая мать, а для других мачеха.

Во всяком случае факт, что богатым переселенцам не приходится ютиться в узких, барачного типа помещениях для колонистов. Они где вздумается строят уютные в зелени особняки и коттеджи, легко начинают прибыльное дело, становятся влиятельными людьми, создают себе положение в обществе. А бедным и немощным, которые расчаты только на свои руки, приходится туго.

В одном из иерусалимских магазинов мы познакомились с молодым человеком, который до приезда в Израиль работал главным инженером. Здесь же после долгих поисков работы он устроился приказчиком в продовольственном

магазине — стоит у дверей и зовет покупателя.

Трудно забыть скорбные лица людей, которые приходят в наше посольство и со слезами на глазах умоляют вернуть их обратно в Советский Союз.

Мне запомнилась и такая сцена: мужчине с интеллигентным, очень уставшим лицом нелегко удается наскрести дрожащими руками в карманах мятого, заштопанного костюма несколько грошей. Он покупает кусочек хлеба с котлеткой и жадно съедает прямо на улице. Нетрудно догадаться, что голод мучает его давно.

Живым воплощением скорби и безысходности представились мне пожилые супруги-литовцы, Худощавый сутулый мужчина, посапывающий трубку, и старуха с распухшими ногами. Их крошечный — мышке негде повернуть хвостом — ларек нитко не посещает. Уже очень непривлекательным кажется выставленный здесь товар — всякая мелочь. А для пожилых литовцев эти мелочи были последним прибежищем надежды. По всему видно, еще один шаг и они выйдут на улицу с протянутой рукой.

Узкие с ветхими домами и лачугами улочки пригорода контрастируют с пышным великолепием центров Иерусалима и Тель-Авива. На этих улочках часто выставляется для продажи то, что по всем правилам должно быть выброшено в мусорный ящик. В старой Яффе мы наткнулись на странное зрелище. Какой-то еврей разбирал гору изношенного белья. Пыль от ветоши таким слоем лежала на его лице, что оно казалось плоским. Легко представить себе, какое множество бактерий глотает он каждый день, разбирая вещи больных или умерших людей. Но что поделаешь — это его бизнес, последний бизнес обреченного. В другом случае ему остается только пристать к тем попрошайкам, которые с библейской бородой ходят по улицам, прося милостыню.

Пусть никто не подумает, будто мы специально выискивали подобные явления. На это у нас не было времени. Мы просто отмечаем факты. Впрочем, все не собираемся делать открытий, ведь эти факты являются спутниками не одного Израиля, а всех капиталистических стран. О таких явлениях официальные лица предпочитают молчать, по разне этим их искоренить. Они вызваны целым рядом неразрешимых социальных, политических и экономических проблем. В Израиле есть люди, которые говорят об этих язвах общества прямо и открыто, намечают реальные пути избавления от них.

Свидетелями такого разговора явились и мы. В тот день нам предстояло побывать в кибуцы и по пути мы заглянули в редакцию коммунистической

газеты «Кол Гахам» («Голос народа»), чтобы взять с собой знакомого журналиста.

Мы опоздали на несколько часов — задержали утренние съемки. Рабочий день газеты уже кончился, однако сотрудники редакции и типографии стояли во дворе здания. Оказывается, они готовились к первомайскому празднику. Редакция «Кол Гахама» находится в том же помещении, что и Центральный Комитет коммунистической партии Израиля. Они занимают старый дом, но нам показалось символическим, что здание ЦК компартии стоит в самом центре рабочего района, на окраине Тель-Авива. Из каждого окна этого дома открывается типично рабочий пейзаж — районы бедняков, заочепенные мастерские и производств.

В печатном цехе был накрыт праздничный стол — по-рабочему просто и скромно, несколько бутылок водки, пиво и бутерброды. Нас пленила воистину рабочая, непринужденная атмосфера демократизма, когда линейный редактор сидел на одном табурете, а секретаря Центрального Комитета каждый похлопывает по плечу в знак одобрения произнесенной им речи.

Встречу открыл секретарь редакции. Он предоставил слово представителю комитета типографских рабочих. Затем выступил главный редактор газеты, член политбюро ЦК и секретарь израильской компартии Моше Сне.

— У нас такая традиция, — сказал он, — праздники Октября и Первого Мая мы отмечаем вместе. Кроме того, что мы подчеркиваем неразрывность этих праздников, в этом есть символический смысл: единство задач рабочего класса. Перед рабочими массами Израиля стоит множество проблем. Их существование не отрицает даже буржуазная пресса. Но если она и станет отрицать их на словах, то ведь сама жизнь напоминает об этих проблемах. Так например, забастовки происходят не из простого желания бастовать, их порождает сама капиталистическая действительность. Чтобы избавиться от неурядиц им явлений, капиталисты прибегают к разным уловкам. В такой обстановке большое значение приобретают повышению сознательности трудящихся и сплоченности наших рядов. Именно этой цели и служит наша газета. А о том, что «Кол Гахам» справляется со своей задачей, говорит хотя бы признание одного капиталиста:

— Когда я читаю эту газету в 8 часов утра, — заявил он, — то уже знаю, что скажут мне рабочие в 12 часов дня.

Наша газета, несмотря на малый формат и материальные трудности, пользуется большим вниманием, так как она стоит за правду. Она нужна не

только коммунистам, но и всему народу, чтобы никто не расслабил его мысли сказками о всеобщем благодеянии и равенстве, не отравил ядом национализма.

Наши задачи: защищать интересы рабочего класса, обеспечить будущее Израиля на основе социального и политического равенства, на основе братства и дружбы еврейского и арабского народов. Мы клеимым всякий шовинизм, независимо от того, касается он евреев или арабов. Наше будущее должно быть построено на мире и содружестве этих народов.

Наше знамя — интернационализм.

Мы солидарны с народом Вьетнама, всеми народами, которые борются против империализма.

Мы полностью солидарны с советским народом, строящим коммунизм во имя утверждения мира и справедливости на всем земном шаре...

Деловой разговор перемежался весельем и песнями. От смеха дрожали окна цеха, когда лютнист Хамм Рада прочитал прокравшиеся на страницы газеты курьезные выписки — этот балагур и остронос выписал их с завидным прилежанием.

Собравшиеся единодушно выжили за наше здоровье, пожелали успехов советскому народу. Они подробно спрашивали о Советском Союзе, о жизни евреев в нашей стране.

В ответном слове мы подчеркнута отметили историческую и традиционную дружбу, которой связаны наши народы, тот факт, что у нас никогда не имел места антисемитизм, что лучшие сыны нашего народа не раз жертвовали своей жизнью, защищая права евреев.

Встреча еще раз убедила нас в том, насколько велики симпатии широких масс еврейского народа к советской стране и ее гражданам. Хотя бесспорно и то, что эти настроения не всегда находят поддержку некоторых официальных кругов.

Ни для кого не секрет, что во внутренние и внешние дела Израиля суют свои руки заокеанские империалисты. Их желание — завладеть рычагами израильской экономики и путем диктата превратить еврейское государство в плацдарм своих интересов в Азии. Все это внешне прикрывается словами о «бескорыстной» помощи, хотя львиная доля экономической помощи идет на создание апрессивного кулака против арабских стран.

Мы имели возможность присутствовать на военном параде в Хаифе, он был впечатляющим: демонстрировались новейшего типа американские военные самолеты, оружие, выправка и боевой дух частей разных родов войск. На трибунах с особым акцентом встречали появление женских батальонов.

Конечно, каждое государство должно заботиться о безопасности и защите своих границ. Однако анализ кроко пролитных инцидентов, происшедших между Израилем и арабскими странами, часто показывает, что кое-кто желает использовать израильские вооруженные силы в своих интересах. А это, по нашему глубокому убеждению, в корне не соответствует чаяниям еврейского народа, идет вразрез с устремлениями тех, кто из чисто патриотических побуждений стоит под ружье.

***

Мы на территории израильского Национального музея в Иерусалиме. Скульптуры выставлены на большой площадке прямо под открытым небом. Особенно понравился нам скульптурный портрет Моисея на скромном пьедестале, выполненный югославом Матровичем. Библейская борода Моисея растекается по могучей груди. По произвольным, смотрящим из-под густых бровей глазам, напряженно сжатым пальцам и дрогнувшим губам легко угадать, что пророк говорит своему народу нечто очень важное, значительное.

Этот таинственный язык, наверно, лучше других понятен израильскому журналисту Раулю Тетельбауму. Глядя на этого человека, прошедшего ад фашистских концентрационных лагерей, ни за что не скажешь, что его так жестоко опалили ветры истории. На добром лице Рауля — всегда мягкая и доверчивая улыбка. И только глаза под толстыми стеклами очков говорят о том, что он познал горькую мудрость жизни. Видно, благодаря раздумьям над выпавшими на его долю испытаниями, Рауль пришел в коммунистическую партию. Мы очень подружился с этим простым и душевным человеком. Несколько раз бывали у него. Хозяйки — мать и жена Рауля — встречали нас радушно, и мы чувствовали себя как дома. Как-то даже шутя завели разговор на бессмертную тему — об отношениях невестки и свекрови. Дочерям Рауля очень пришлось по душе нарядные куклы в грузинских платьях.

Но вернемся к музею. Пока Гиви снимает, мы с Раулем осматриваем коллекцию скульптур, привезенных из многих стран света. Здесь экспонируются произведения новых и старых мастеров, реалистов и ультрамодернистов. Особенно полно представлены Огюст Роден, Оноре Домье и Яков Эпштейн. Среди работ современных скульпторов можно встретить такие «шедевры», что даже самые рьяные поклонники абстрактного искусства стыдливо обходят их стороной. Но есть работы, которые убеждают в том, что творческие поиски авторов этих скульптур не бесплод-

ны. Например, «Мать и дитя» Исаака Лившица. Первое впечатление от скульптурной группы — какое-то неосознанное раздражение. Но затем проникаешься к ней доверием, начинаешь чувствовать ту безмерную нежность и возвышенность материнства, которые вложены в эту нарочито грубую форму.

Бронзовое изваяние Лина Чедвита напоминает распластанного зверя, однако стон, вырывающийся из груди этого безликого существа с широко открытым ртом, словно сотрясает воздух. Здорово, по-настоящему здорово. Мое мнение во многом совпадает с оценками Рауля.

Израильский Национальный музей представляет собой современный архитектурный ансамбль. Помимо парка скульптур он включает в себя Дворец книги, картинную галерею и музей библейской археологии.

В Палестине, как и у нас, на каждом шагу сталкиваешься с историей. За неимением времени мы, к сожалению, видели малую часть того, что непосредственно связано с прошлым еврейского народа.

Могила царя Давида на Сионской горе. Если существование этого библейского царя — миф и больше ничего, тогда воистину гениальным мистификатором был тот, кто придал его могиле такую форму, выражающую спокойное величие.

Трудно простому смертному, а тем паче набожному человеку, поверить, что в усыпальнице нет тела царя Давида. Наверно, потому так горячи здесь молитвы евреев, взывающих о помощи. Часто они переходят даже к экстазу.

Мы видели и засняли на пленку развалины столицы Палестины — Кесарии — времен римского владычества.

Они и сейчас производят большое впечатление чисто римским архитектурным стилем — чуть суховатыми, но изысканными формами и грандиозностью планировки.

Больше всего нам хотелось посмотреть пещеры Кумранской горы у Мертвого моря и крепость Масаду, хранящую память о последней, самоотверженной битве евреев с римлянами. Но для этого, как выяснилось, нам пришлось бы совершить двухдневное путешествие по Негевской пустыне. Времени же у нас, увы, оставалось в обрез.

И все же мы видели рукописи, найденные в Кумранской пещере. Они хранятся в иерусалимском Дворце книги. Рауль по дороге рассказал нам некоторые подробности, связанные с историей этих рукописей.

Кумранские свитки были вывозлены из двухтысячелетнего заточения именно в те дни, когда члены Организации Объединенных Наций проголосовали за

создание независимого государства Израиль.

— Еще удивительней оказалось второе совпадение, — говорит Рауль. — Одно из писем, датированное 18 декабря 99 года, нашли через много веков именно в этот день — 18 декабря.

Редчайшие свитки, обнаруженные арабским крестьянином, перекочевали к епископу из Сирии. Тот, почуввав, какое сокровище попало ему в руки, мигом очутился в Америке.

В 1947 году первые три рукописи скупили за большие деньги, полученные от богатых американских евреев, профессор Сукеник — отец известного израильского археолога Игаеля Ядина. А через несколько лет, уже по поручению израильского правительства, Ядин купил и остальные четыре свитка.

Архитектурная форма Дворца книги оригинальна. Его купол уподоблен затичке высокого глиняного кузина, в котором в древности хранились рукописи. Линии белоснежного купола прекрасно смотрятся на фоне спротивного монолита из черного базальта. По замыслу архитектора эта стена олицетворяет страдания, перенесенные за две тысячи лет еврейским народом, а белый купол — его стремление к свету. Строению придает оригинальность и то, что оно полностью, за исключением купола, находится под землей. Этим оно словно напоминает о судьбе находившихся в двадцативековом плену рукописей. Кроме того, как нам говорили, в случае катастрофической опасности достаточно будет нажать на кнопку, чтобы весь дворец с редчайшим кладом оказался в безопасности, под землей.

Перед входом в рукописный фонд мы по-грузински обменивались друг с другом впечатлениями. К нам подошел сторож и спросив, откуда мы, тут же принялся рассказывать о себе.

Соломон Шнайдерман, оказывается, приехал в Израиль из Советского Союза. Он воевал против фашизма в рядах Советской Армии. Дважды был ранен, лежал в тбилисском госпитале. Очень хорошо знает нашу столицу, тепло вспоминал нескольких знакомых, живущих на улице 9 братьев. Соломон был рад нам и попросил сфотографироваться вместе на память о встрече.

Мы спустились по лестницам во Дворец книги.

Двойную параболу свода этого величественного дворца несет на себе, устремляя ввысь, стена из необработанных циклопических глыб. Диаметр стены вдоль пола равняется двадцати пяти метрам. Из окна, вырубленного под крышей, льется дневной свет. Он смягчается выставленными экспонатами, не режет глаз.

Рукописи — некоторые свернутые, другие раскрытые — лежат в чуть стилизованных под пещеры нишах. Там же глиняные сосуды и несколько кожаных мешков, в которых были обнаружены эти драгоценные свитки. А рядом выставлены образцы кумранских и мاسадских археологических находок.

Для полноты впечатления по стенам развешаны цветные фото и диапозитивы, которые воспроизводят места захоронения свитков и трагической мاسадской эпопеи.

Архитектурный комплекс израильского Национального музея вместе с ансамблем корпусов университетского городка, кстати, очень современного по форме, глядят с возвышенности на замыкающий оливковую рощу Крестный монастырь. Вдалеке, на холмах, виднеются новые кварталы; по левую руку — новая резиденция правительства и парламент, по правую — извивающаяся у подножия гор дорога на Тель-Авив. Так что некогда стоящий на отшибе Крестный монастырь оказался теперь в самом центре новых городских кварталов.

Ни в чем не уступает университетскому городку и медгородок с маленькой, построенной на модернистский лад синагогой, которую оформил витражами известный всему миру художник Марк Шагал. Этот видный современный художник родился в России и воспитывался на традициях русской живописи. Шагал неоднократно подчеркивал, что русское народное и профессиональное искусство вообще, а церковная роспись в частности, оказали большое влияние на становление его вкуса и манеры письма.

Витражи, действительно, производят большое впечатление. Особенно, когда они освещены дневным светом. Заснять их нам не удалось — для этого, оказывается, надо получить специальное разрешение из Соединенных Штатов Америки от уполномоченного по авторскому праву Шагала.

Второй, после Сйона, святыней для евреев в Иерусалиме является Гар Газикарон — мемориальная гора, окруженная глубокими ущельями. Здесь, в центре парка, разбитого в память о миллионах евреев, погибших во второй мировой войне, построено мемориальное здание — памятник жертвам нацизма. Площадь вокруг этого здания вмещает 5—6 тысяч человек. Широкие аллеи и лестница, по обе стороны которых тянутся длинные ряды деревьев — каждое из них посажено руками евреев, приехавших сюда почтить память своих родственников, загубленных фашистами, — ведут на площадку с огромным, накрытым плоской крышей, строением.

Благодаря железобетонной крыше это здание с первого взгляда напомина-

ет бомбоубежище. Подведенные под плоскую кровлю стены сделаны из огромных глыб вулканического происхождения. Эти глыбы привезены с галилейских гор, вес некоторых из них достигает нескольких тонн. Кажется, они дышат древностью, историей. Прорубленные в глыбах двери — входная и выходная, усеяны ржавыми, абстрагированной формы кусками железа, которые напоминают принявшие пытки, деформированные человеческие тела.

Внутри здание тоже строго и величественно. Пол устилают двадцать узких и длинных керамических плит. На них выбиты названия фашистских концентрационных лагерей, в которых евреи подвергались массовому уничтожению.

Под конусообразным центральным сводом в чаше из бронзовых лепестков горит вечный огонь. А рядом стоит другая каменная чаша — в ней хранится пепел погибших в лагерях смерти людей.

Строительство мемориального зала, которое осуществляется под руководством трех известных еврейских архитекторов, обошлось в 800 тысяч долларов и еще не завершено.

* * *

Наше пребывание в Израиле подходит к концу. Кажется, поработали неплохо — многое увидели и засняли. Но все же мы не испытываем полного удовлетворения. Ведь многие грузинские памятники находятся на иорданской земле. Историческая стена закрыла от нас всю древнейшую часть Иерусалима.

Так близко, рукой подать, находятся эти древности, а мы не можем их осмотреть, заснять на пленку. Тяжело, очень тяжело. Однако государство есть государство, и граница — граница. Вообще поспорить из Израиля в Иорданию или наоборот — слишком сложное дело. А тем паче для иностранца. Эти два государства разделяют вражда и ненависть, которые даже трудно представить советскому человеку.

Правда, несколько дней назад мы получили от Георгия Дзивани ободряющую телеграмму: — Ваше посещение Иордании решено.

Однако некоторые сотрудники нашего посольства все же сомневаются в успехе.

Гурам Патарая настроен оптимистично, его уверенность передается и нам. Во всяком случае, мы заблаговременно переправили самолетом весь заснятый материал на Кипр и соблюли все формальности для перехода на иорданскую сторону.

В назначенный день, сопровождаемые Иваном Стовбуном, Юрием Павловым и Михаилом Ивановичем, мы подошли к

пограничным воротам. За ними находится нейтральная земля, по которой лихо мчатся взад и вперед на лимузинах представители Организации Объединенных Наций и высшая духовная знать. Здесь же в определенные дни встречаются разлученные обстоятельствами и живущие на территориях разных государств арабы. Стоят нескончаемые плач, вопли, причитания.

Наш «парламентер» Гурам Патарая с разрешения пограничников спустился на нейтральную землю и надолго скрылся из глаз. Прошел час, другой... Наконец Гурам поднялся, улы, с опущенным носом. У пограничного пункта его, правда, встретили представители нашего посольства, однако они все же не смогли уладить вопрос о нашем переходе в Иорданию. Едва пограничники увидели в наших паспортах штампы государства Израиль, тут же швырнули документы обратно.

Не то что израильские штампы, оканчивается, будь в паспорте хоть одна буква ивритского алфавита, в Иорданию все дороги отрезаны. Гурам не растерялся и после неподходящего совета с нашим представителем заявил пограничнику: — Завтра в это же время мы выйдем с чистыми паспортами.

Советский посол в Израиле Дмитрий Чувахи и на этот раз вошел в наше положение. Нам заполнили новые бланки без всяких печатей и штампов.

На второй день нас уже без проволок впустили на иорданскую сторону. Первыми соотечественниками, которые оказали нам гостеприимство, были советский консул Александр Оганянц и его супруга.

Мы остановились в гостинице «Оливье», что находится на центральной улице иорданского Иерусалима. И тут же позволили Эгнису. Армянский патриарх любезно пригласил нас к 7 часам вечера в свою резиденцию.

Воспользовавшись свободным временем, мы на машине консула проехали вдоль иерусалимской стены, затем поднялись на Элеонскую гору... Отсюда еще лучше, отчетливей, чем с израильской стороны, был виден старый Иерусалим, его исторические храмы и памятники. Мы сверху оглядываем Гефсиманский сад, где согласно христианским легендам развернулось множество драматических событий. Там же, рядом с крохотной мечетью, мы увидели обозначенные на краю скалы «следы ног Христа».

Как мало надо подчас простодушной фантазии верующих!...

Армянская патриархия примыкает к иорданской стене, занимая часть городской территории. Патриархия представляет собой своеобразное маленькое государство в государстве. Она обнесена глухой стеной, и попасть во двор можно

только через одну-единственную дверь. Пройдя ее, вы через небольшой коридор выходите к широким мраморным лестницам, которые ведут в резиденцию патриарха.

Эгнис встретил нас на пороге своего рабочего кабинета. Просторная комната, пол которой устлан коврами, убрана со вкусом и роскошью. Старинная, но хорошо сохранившаяся уникальная мебель работы французских мастеров. На стенах — подлинники Рубенса, Ван-Дейка, Айвазовского и других великих живописцев...

Еще богаче выглядит патриаршая зала с расставленными вдоль стен иконами священноначальников и богатыми, красного дерева стенными шкапами, на полках которых хранятся драгоценные реликвии и грамоты армянской церкви. Со всех стен на нас глядят исторические личности и церковные иезуиты...

Два банкетных зала — малый и большой — также уставлены замечательной мебелью и дорогими принадлежностями для трапезы...

Переводчик нам не понадобился — Гиви Мелкадзе хорошо знает армянский язык, да и мы, правда, с прехом поклонам, но все же можем объясниться.

Нашу беседу прервало появление арабских чиновников — крупных должностных лиц с женами, которых Эгнис пригласил на званый ужин. Вскоре мы все перобрались в банкетный зал.

Эгнис, как хорошо осведомленный в делах Ближнего Востока человек, завел разговор на политические темы.

Когда беседа приняла острый характер, Эгнис словно ненароком перевел ее на бытовые вопросы. Даже рассказал пару смешных анекдотов. Да мы были рады такому направлению застойной беседы и принялись в свою очередь высмеивать некоторые отжившие обычаи.

О наших делах за столом не было сказано ни слова. И только уходя мы попросили армянского патриарха уделить нам несколько часов. Он охотно согласился.

Следующий день мы провели в столице Иордании Аммане. Нас принял и внимательно выслушал советский посол Петр Слесаренко. Он же познакомил нас с корреспондентом ТАСС по Иордании Борисом Уроновым, который оказал нам большую помощь.

Успешное завершение нашей работы зависело от того, как мы сможем подготовить почву для обозрения памятников грузинской древности. Эта задача усложнялась тем, что мы не могли и шагу ступить без разрешения департамента полиции. Причем всюду нас сопровождали полицейские. Такие

меры они старались объяснить нашим приездом из Израиля, то есть враждебного Иордании государства. Хотя к нам, как к советским людям, не скрывали симпатии.

Все здешние памятники истории принадлежат разным церквям, и мы были полностью зависимы от них. В этом отношении Эгипсе оказался первым, кто изъявил желание помочь нам. Когда мы пришли в армянскую патриархию, он вызвал к себе нескольких духовных лиц и велел им быть нашими проводниками как внутри патриархии, так и за ее стенами. Затем добавил: покажите им и хранящиеся у нас грузинские рукописи, пусть засимут.

Осмотр патриархии мы начали с главной ее достопримечательности — храма Якова. Этот храм и Крестный монастырь — одного возраста, хотя некоторые считают, что он построен на развалинах церкви пятого века. И его, видно, не пощадило время, поэтому храму Якова переделали и обновили. Размеры храма велики. Когда мы вошли в пещеру, там пел многочисленный хор детей.

И во дворе много детей. Вначале мы удивились, откуда здесь столько ребятишек, но потом нам объяснили, что для рассыпанных по ближневосточным странам армян иерусалимская патриархия не только духовный центр, но и своеобразный очаг просвещения. Сюда, как правило, привозят детей бедняков, которые учатся сначала в духовной школе, а затем — в духовной семинарии. Учебные здания нам показались прилично оборудованными. Детям с первых же дней внушают любовь к родному языку и родной земле. Стены классов увешаны портретами замечательных сынов армянского народа. Повсюду встречаешь макеты и рисунки армянских церквей, выполненные руками детей.

Самых одаренных учеников посылают за границу, где они получают высшее образование. Чаще всего — в Америку, Англию или Францию. В последнее время им всячески помогает родина-мать. Каждый год в высшие учебные заведения Советской Армении приезжает откуда множество нуждающихся юношей и девушек.

Благоустроенная типография местной патриархии печатает не только церковные книги, но и учебники, журналы. Они находят широкое распространение. Здесь имеется отдельная библиотека печатных изданий, в которой собраны армянские книги, газеты и журналы всех стран мира. Нам даже показали комплект армянской газеты, выходящей в Тбилиси.

Было бы наивно приписывать такие масштабы деятельности одному лишь

патриотическому энтузиазму местного армянского населения. Конечно, энтузиазма ему не занимать, однако значительно реальную базу патриархии все же создает помощь таких миллионеров, как нефтяной магнат Гюльбекян. Не случайно, у входа в библиотеку стоит бюст этого богатейшего в мире человека.

Бог с ними, с этими миллионерами, мне же хочется рассоветовать о встречах с простыми людьми. На каждом шагу мы ощущали добросердечное отношение сынов того народа, который веками делил с нами радость и горе.

У местных армян от волнения дрожал голос, когда они узнавали, откуда мы. Они просто не знали, чем доставить нам удовольствие, что сделать для нас.

Как-то для съемки рукописей нам понадобился штатив. Он стоит здесь недорого, но иного выхода мы не видели — надо было купить. Зашли в магазин. Продавец, оказавшийся армянином, ни за что не взял у нас денег, мол, вы посланцы Грузии, оставьте его на память. Ну, на худой конец, попользуйтесь и верните обратно. Мы, конечно, вернули ему штатив с большой благодарностью.

В другой раз у нас кончился запас кассет. Не хотелось беспокоить доброго знакомого, и мы заглянули в магазин на соседней улице. Но и здесь повторилась та же история.

Дежурный администратор нашей гостиницы, средних лет армянин, просто обхаживал нас, при каждом удобном случае делясь с нами мечтой вернуться на родину.

Осмотр патриархии мы завершили посещением библиотеки рукописей. Диву даешься, сколько старания и энергии надо было приложить, чтобы собрать воедино все эти некогда разбросанные по свету рукописи.

Помещение библиотеки выбрано со знанием дела. Здесь царит образцовый порядок — составлены подробные каталоги, соблюдены все правила хранения и размещения рукописей...

Нам рассказали, что в библиотеке в течение нескольких месяцев работали научные сотрудники Матенадарана. Они досконально изучили рукописи, составили их полную опись.

Управляющий библиотекой, глубокий старик Никон Наираир Багарян, снял с полок восемь армянских рукописей, в которых оказались написанные в разное время по-грузински отдельные страницы. Пленку, запечатлевшую эти страницы, мы привезли в Тбилиси. Выяснилось, что до этого никто не знал о их существовании. Профессора Илья Абуладзе и Елена Метревели с первого же взгляда определили, что некоторые страницы рукописей относятся к IX—X векам. Мы слушали, как Елена Метревели читала вслух отдельные фразы.

Известные слова Ветхого и Нового завета словно рассказывали о страданиях, думах и мечтах переписчиков книг, заброшенных в пустыню, за тридцать семь лет.

* * *

Наладить взаимоотношения с верховной церковью нам не удалось. Патриарх Бенедикт хворал, и Эгипсе посоветовал нам обратиться к его секретарю. На выручку нам пришел Борис Уронов. Он вспомнил, что его знакомый грек — ремесленник, женатый на русской, в близких отношениях с некоторыми священниками патриархии.

— Василий хороший мастер, они часто прибегают к его помощи, — сказал Борис. — Вы подождите, я мигом обещаю.

Действительно, он вернулся очень быстро. Василий, оказывается, обещал ему псыдвать своего приятеля — библиотекаря греческой патриархии и попросить, чтобы тот пустил нас в книгохранилище.

Мы все же решили не терять времени зря. Еще в Тбилиси академик Георгий Церетели сказал нам, что в элесском женском монастыре должна быть грузинка-монахиня по фамилии Багратиони, мисает, она знает что-нибудь интересное о древних грузинских памятниках.

Мы обошли этот монастырь со всех сторон, но он оказался неприступным, как крепость. Дело в том, что именно в элесском монастыре гнездится реакционная часть эмигрировавшего духовенства русской православной церкви, которая на пушечный выстрел не подпускает даже священников из Советского Союза. Ну а нас — тем более. Но выход был найден. С помощью сопровождающего нас молодого армянского священника все же удалось проникнуть в монастырь.

Мы долго ходили по двору, стараясь при каждом удобном случае выпытать у монашек о Багратиони. Но тщетно. Наконец одна старушка прошамкала: может, эта наша игуменья. Мы тут же послали к ней посредницу. Вскоре она вернулась с ответом: игуменья просит вас к себе.

Нас ввели в просторную комнату, стены которой были плотно увешаны русскими иконами, портретами Николая Второго и членов его семьи. Через некоторое время открылась дверь и вошла вежливого роста пожилая, но еще хорошо сохранившаяся женщина в черном платье монахини. По чертам ее лица нетрудно было догадаться, что игуменья в молодости была красавицей.

Вскоре выяснилось, что игуменья не грузинка. Она чистокровная русская, племянница последнего царя вселенских, правда, была замужем за грузином

Георгием Багратиони-Мухранским. Тем самым генералом, который пал в первой мировой войне и захоронен во Мхедрацетском пантеоне.

Игуменья вспомнила некоторых родственников мужа, хотя после его смерти в Грузии не была.

О грузинских древностях, больше всего интересующих нас, она ничего нового не рассказала.

День посещения библиотеки греческой патриархии был назначен заранее. И вот настало долгожданное 9 мая — мы входим в здание библиотеки, где хранятся редчайшие грузинские рукописи. В наших научных кругах они хорошо известны и часто цитируются, существует их описание и каталог. Но все же меня охватило волнение, когда спустившись по лестницам и пройдя лабиринт, мы очутились у закрытых на замок дверей неказистой стеклянной галереи.

Неужели это и есть известная библиотека, о которой мы столько слышали, столько читали?

Из маленькой прихожей, служащей кабинетом управляющего библиотекой Артемиса, попадаешь в темные и сырые комнаты — их две. Пол этих с позволения сказать, книгохранилищ находится на урвине земли. На полках шкафов, источенных древесными червями и прогнивших от сырости, лежат грузинские фолианты. Рассматриваешь кожаные или папирусные свитки, привязанные столько пыток и мук, и думаешь о людях, истинных подвижниках, которые ценой многих лишений создали эти творения.

Благоговейно снимаем с полки древнюю книгу, осторожно переворачиваем пожелтевшие страницы, вглядываемся в написанные, как жемчуг, буквы... Написанные сангивной строчкой растекаются по страницам, словно свежепролитая кровь...

В глубине души мы боялись за судьбу этих рукописей, вдруг их уже не существует, вдруг их растаскали, затеряли. И, честно говоря, немного успокоились, когда нашли их на месте.

Но на месте ли они, наши грузинские сокровища, здесь ли, так далеко от Грузии, должны они лежать, покрытые слоем пыли и ежедневно подвергаемые опасности погибнуть, исчезнуть без следа.

Изъеденные молью и сыростью, рассыпанные, неуложенные, они словно молят о пощаде, и если мы своевременно не протянем руку помощи, то жить им осталось недолго.

В библиотеке нам разрешили работать всего четыре часа. Два часа сегодня и два — завтра. С девяти до одиннадцати утра. Много ли успеешь за эти короткие четыре часа?

Полностью мы засняли только три рукописи на коже. Затем решили снимать лишь первые и последние страницы книг, начиная с нижних полок...

В самый разгар работы мы услышали странный гул. Выглянули в окно — боже, двор был полон тучными греческими полами в черных рясах. Я вырос в Ватуми, где много греков, и хоть и слабо, понимаю их язык. Поэтому легко уловил причину недовольства собравшихся во дворе патриархии рясноносцев. Они засыпали бедного Артемюса угрозами, мол, зачем ты разрешаешь им снимать, мы этого не допустим.

Нам не хотелось, чтобы Артемюс имел из-за нас неприятности, и мы препратили съёмки. Артемюс — добрый, отзывчивый человек, прокоротавший в библиотеке пятьдесят лет, — как-то сконфужен, растерян. Он даже просит у нас извинения...

С тяжелым сердцем прощаемся мы с сокровищницей нашего народа. Может, навечно... Может, не увидим больше никогда этих грузинских рукописей, этих красных, как кровь, строк...

* * *

С киноаппаратом в руках мы ходим по старому Иерусалиму. Узкие улицы города кишат паллигримами, которые принадлежат к разным национальностям, говорят на разных языках. Но всех влекут сюда «святые места» или храмы их веры.

Некогда в Иерусалим приходили и богомольцы-грузины. Как уже говорилось, наши древние предки имели в Палестине около сорока церквей и гостиных дворов. Даже в самых святых для верующих христиан храмах, какими являлись «Могила Христа» и Голгофы, у грузин было зажжено больше, чем у других, лампад. А это, в свою очередь, свидетельствует о их большом влиянии. Конечно, у нас, людей двадцатого века, другие критерии, однако в те времена количеству поставленных в храмах лампад придавали большое значение. И что самое главное — в церквях создавались и переписывались книги, которые способствовали повышению культурного уровня людей той эпохи.

Как видно, неспроста послала царица Тамар в захваченный сарацинами Иерусалим своего самого лучшего поэта и министра — Шота Руставели, поручив ему вести переговоры с Саладином о выкупе грузинских церквей.

История круто обошлась с грузинскими храмами в Палестине. Некоторые из них перешли в чужие руки, другие потеряли свой облик, заступели, обвалились. И все же изучение этих памятников древности имеет большое значение для нашего народа, ибо каждая обнару-

женная надпись бросает свет на белые пятна на карте истории.

Древние летописи говорят о том, что грузинские храмы в основном разрушились вокруг «Могилы Христа». Эти строения, хотя они дошли до нас в ином, часто трудно узнаваемом виде, все же сохранили что-то грузинское. Например, на стене одного углового дома, который стоит в центре старого Иерусалима поблизости от «Могилы Христа», и сегодня можно увидеть грузинскую, — асонтатурули, — надпись. Нам указали и на другую надпись, сохранившуюся внутри одной из церквей греческой патриархии, однако проникнуть в эту церковь мы не смогли.

Храмы «Могилы Христа» и Голгофы, из-за которых человечество пережило столько кровопролитных войн, особыми архитектурными достоинствами не блещут.

Сама «Могила Христа» — в середине церкви. Под куполом находится сделанный в романском стиле из красноватого мрамора балдахин. Чтобы протиснуться в низкую дверь, надо хорошенько согнуть спину.

Богато освещенная свечами и пропитанная запахом ладана крохотная келья с трудом вмещает несколько человек. Священник перстом указывает вам на «гроб господний» — четырехугольный кусок скалы. Небесное блаженство, которое охватывает здесь верующего человека, для простого посетителя как бы призмелено бойким сбором пожертвованных.

Храм «Могилы Христа» сегодня принадлежит сразу трем церквям — греческой, католической и армяно-григориянской. Вся его территория и колонны разделены между ними поровну, что вовсе не мешает князьям церкви вести нескончаемые споры.

Мы посетили храм господний в самый разгар капитального ремонта. Вековую тишину легендарной «Могилы Христа» бесцеремонно нарушает скрежет подъемных кранов, шум камнерезных машин. Пневматический молот снимает со стен оедение — многослойную штукатурку.

Сколько тайн уносят с собой эти обращенные в груды мусора наслоения веков.

Все это делается бесцеремонно, по настоянию отцов разных церквей, по их надобной воле — соперничая, они назо друг другу уничтожают современца. Иногда же из-за пустяка, такого, как оставшийся в стене гвоздик, идут с жалобой в суд. О страхе перед Спасителем, почтении к его храму в таких случаях они забывают.

Храм Голгофы, который вплотную прильмывает к «Могиле Христа», мы увидели уже обновленным. После недавнего ремонта он принял более современный вид. Как нам рассказал армянский

священник, на стенах церкви до покрытия их мозаикой было несколько грузинских надписей.

В обоих храмах мы долго и тщательно изучали оставленные священниками в покое иконостасы, однако ничего грузинского в них не обнаружили.

В Иерусалиме и последователи мусульманской религии не сидят сложа руки. Они тоже заняты ремонтом — восстанавливают мечеть Омара. Так что этот замечательный памятник арабской архитектуры мы видели только изда-лека.

В нашем распоряжении оставалось всего три дня. Во что бы то ни стало хотелось увидеть лавру святого Саввы и места, где проводил раскопки Корбо. На поиски этих развалин древних грузинских храмов ушло целых два дня. Первый — прошел бесплодно: ни один араб, к которому мы обращались, не смог точно указать, где находятся эти развалины. Одни послали нас в одну сторону, другие — в противоположную. Помог нам опять-таки молодой священник католической церкви — он вынес из библиотеки итальянское издание книги Корбо, и мы по картинкам приблизительно установили холм, где должны быть развалины грузинского храма.

На следующий день мы под палящим солнцем с трудом дотащили ноги до этого холма, но никаких раскопок не нашли. Сверили эту местность с фотографиями, которые были помещены в книге Георгия Церетели, и убедились, что шли по неверному следу. Тогда мы в одиночку разобрались по разным направлениям. Не знаю, как остальные, но я прополз и протопал по горячим камням, наверное, несколько километров. Уже возвращаясь на условленное место, я услышал:

— Скорее, скорее, мы нашли!

Только профессиональное чутье журналиста Бориса Уронова спасло нас от неудачи. Оказывается, он набрал на стоянку бедуинов, и те указали ему возвышенность Вир-Элдут.

Не отдохнув — дорога была каждая минута, — мы перекинули через плечо сумки с тяжелой аппаратурой и двинулись в путь.

Сопровождающий нас молодой полицейский Халаб Паваз все вырывает у меня сумку, мол, я привычный, дай помогу. Ему словно передалось наше настроение; поминутно обнажая в улыбке белые зубы и торопя нас, он признается, что с радостью сменял бы профессию — лучше быть археологом, чем полицейским.

— Археолог, археолог, — время от времени восклицает он, легко взбегая на холм.

Развалины грузинского храма периода раннего христианства, которые не-

сколько лет назад обнаружил итальянский археолог Виржиллио Корбо, мы увидели на выжженной солнцем возвышенности вблизи Бетлема. Хотя от храма уже почти ничего не осталось, все же можно различить открытый двор с колоннами и места, где раньше находились бассейны. В центре бывшего храма под тесным камнем угадывается подземное хранилище, видимо, оно глубокое — эхо от брошенного нами камня мы услышали не сразу. В некрополе и сегодня валяются человеческие кости. По характерным для грузинских строений приметам легко узнать мара-ни, где хранилось вино.

Но самым интересным открытием Корбо все же является выложенный мозаикой пол с грузинскими надписями. Эти надписи, как доказал академик Георгий Церетели, на полвека старше даже знаменитых надписей болнисского Сиона.

Правда, мозаику мы здесь не увидели — ее целиком перевезли в Иерусалим и поместили на специально выстроенной стене в археологическом музее францисканцев.

Вернувшись в Иерусалим, мы повидали и засняли на пленку Корбо, археолога, которому грузинская культура обязана столь многим. Виржиллио Корбо оказался духовным лицом. Мы показали ему книгу Георгия Церетели «Грузинские надписи в Палестине», в которой много места уделено его раскопкам. Итальянский археолог, как выяснилось, не знал о существовании этой книги. Он очень обрадовался и тут же стал читать резюме, помещенное в конце труда. Нам ничего не оставалось, как подарить ему книгу Георгия Церетели, причем мы добавили, что об этом просил нас сам автор. Корбо был весьма тронут этим подарком.

На следующий день ни свет ни заря мы отправились в лавру святого Саввы. Наш путь лежал через безлюдную пустыню. Даже удобно расположившись в комфортабельной машине, тяжело было ехать по раскаленным, дышащим зноем пескам. А какво приходилось нашим водителям. И все же они пересекли эту пустыню, не страшась ни зноя, ни подстерегающих их опасностей.

Некогда в этой лавре жило и трудилось множество грузин. Они пользовались большим почетом и привилегиями. Особенно интенсивно и плодотворно наши предки работали здесь в VIII—X веках. Подавляющее большинство древнегрузинских рукописей, которые хранятся сейчас на Синайской горе, написаны и переведены именно в этот период.

Лавре и в наши дни придают большое значение — совсем недавно сюда перевезли из Венеции «прах» святого

Саввы, которому верующие приписывают чудодейственную силу.

Первое, что бросилось нам в глаза при виде лавры — это большое сходство с Вардзиа. Такое же ущелье, только вода в реке высохла, такая же известняковая скала со множеством пещер, только напротив нее выстроено многоэтажный дом. Мы осмотрели гнездящуюся в скале церковь, которую и сегодня называют грузинской, и келью Иоанна Дамаскина. Того самого Дамаскина, известного церковного деятеля, рядом с которым изображен на колонне Крестного монастыря Шота Руставели.

В лавре мы застали приход или четверых старцев и греческого епископа. Один из этих старцев вышел к нам только тогда, когда узнал, откуда мы приехали.

Одет он был бедно, в лохмотья, однако манеры старца и умение держать-ся выдавали в нем старого аристократа. Он сказал нам только свое имя — Николай, а фамилию утаил. Но потом, немного подумав, добавил:

— Я убежденный монархист и раб божий. Мои предки были грузинами, один из них некогда переселился с Вахтангом Восьмым в Россию. Так что в каком-то колене и я грузин.

Овал лица, глаза и нос с горбинкой служили как бы наглядным подтверждением его слов.

Николай интересуется грузинской историей. Но его слабость — иконы. Соборная им обширная коллекция находится здесь же, в храме. Несколько икон он считает грузинскими. Николай даже сделал попытку реставрировать их по методу Уварова, но, как признался он с улыбкой, немного струсил — побоялся испортить и бросил эту затею.

К сожалению, нам не удалось занести эти иконы — не было достаточного освещения, а вынести их во двор священники не разрешили.

По дороге из Иерусалима в Амман мы заглянули в Иерихон, надеясь увидеть один грузинский монастырь.

Мы знали, что на том самом месте у реки Иордан, где будто произошло первое крещение, грузины построили монастырь.

Иордан, который мы по Ветхому и Новому завету представляли себе фантастической рекой, оказался мелководной зеленоватой речушкой с низкорослым кустарником по берегам. Но туристов и паломников здесь хоть отбавляй. На каждом шагу идет продажа сувениров. В этот своеобразный бизнес включились и бедняки. Они услужливо приглашают туристов фотографироваться на верблюде, лениво пожевывающем свою явачку у шатра. И это все, что осталось от полной романтики жизни бедняков.

Грузинского монастыря мы не нашли. На его месте стояла удивительно неприглядная греческая церковь, входом со входом валявшаяся как попало большие камни и капители, изукрашенные утонченным грузинским орнаментом. Бережно ощупываем мы эти камни, ласкаем их, вглядываемся в затейливый рисунок орнамента, созданного некогда благословенной десницей грузинских мастеров.

* * *

Уезжая из Иерусалима, мы думали, что уже не вернемся обратно, и попрощались с Вечным городом. Но волею судеб встретились вновь. Арабские государства наотрез отказались пропустить нас, побывавших в Израиле, через свою территорию. Пришлось ждать самолета авиакомпании Кипра, и мы целую неделю проторчали в Аммане.

Самолет вылетел с иерусалимского аэродрома, и мы еще раз увидели разделенный стеной библейский город. Глядя в иллюминатор, я думал о днях, проведенных на чужбине; особенно дорогим моему сердцу воспоминанием было короткое, но чем-то протатальное прощание с Руставели. Наверное, многие из вас, дорогие читатели, испытали в какие-то минуты своей жизни поэтический экстаз. Окружение не всегда оказывается синхронным внутреннему возбуждению, аффекту. Поэтому опасаясь показаться смешным или излишне сентиментальным, сдерживаешь искренние порывы души или же ищешь одиночества.

В минуты такого одиночества и сотворил я своеобразную «молитву» во славу поэзии.

Еще в Тбилиси, собирая вещи, я положил в чемодан поэму Руставели, томики Бараташвили, Галактиона Табидзе и еще одного малоизвестного, но очень любимого мной поэта и человека.

Перечитать их в Иерусалиме не оставалось времени, но однажды, когда Гиви снимал во дворе, я подошел к фреске Шота, раскрыл все четыре книги и очень тихо, почти шепотом прочитал Руставели одно из его четверостиший, а затем по стихотворению этих поэтов.

Мы пробыли в Иерусалиме после этой «молитвы» еще несколько дней, но я почему-то избегал Крестного монастыря.

И вот однажды, возвращаясь из Тель-Авива, мы поздним вечером проезжали мимо Крестного монастыря. Вдруг все в один голос попросили шофера остановить машину. Лучи заходящего солнца отбрасывали на темно-голубое полотно неба величественные контуры монастыря.

Иоаким, словно угадав наше желание, молча открыл дверь и, не закинув

света, впустил нас в храм предков. Мы стояли в полутемном зале перед фреской Руставели. Водарилась торжественная, почтительная тишина.

— Мы в бога не верим, и все же у нас есть бог: вот он, — тихим шепотом произнес Гурам.

Он подошел к колонне и благоговейно припал губами к попруженному во тьму лику Руставели.

Затем подошел я.

Потом Гиви.

Когда мы прощались с Иоакимом, он приказал каждого из нас к груди. Мне показалось, что он так же, как и мы, прослезился.

Перед нами стоял не священник, а Эллин—в нем проснулась поэтическая душа.

Но кто совершил это чудо?!

Где-то рядом словно дышал Руставели.

Хроника

ВРУЧЕНИЕ ВЫСОКОЙ НАГРАДЫ ДРУЗЬЯМ ГРУЗИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

25 ноября в Малом зале театра имени Руставели состоялся вечер, посвященный вручению премии имени Шота Руставели писателям М. П. Бажану и Н. С. Тихонову.

Открывая вечер, председатель правления Союза писателей Грузии, председатель Грузинского республиканского комитета по премиям имени Шота Руставели, поэт-академик И. Абашидзе сказал:

— Если грузинская литература далеко шагнула за родные рубежи, то этим мы обязаны лучшим представителям литературы братских народов, которые многое сделали для ее популяризации. И среди них мы с большой любовью называем имена Миколы Бажана и Николая Тихонова.

Зачитав постановление о вручении им премии Руставели, заместитель председателя Совета Министров Грузинской ССР В. М. Сирадзе вручает этим большим друзьям грузинской литературы дипломы и прикрепляет значки лауреатов.

М. Бажан и Н. Тихонов искренне поблагодарили за оказанную им высокую честь.

С теплыми словами приветствия к новым руставелевским лауреатам обратились писатель-академик К. Гамсахурдиа, ректор Тбилисского университета, академик И. Векуа, секретарь правления Союза писателей Грузии Б. Жгенти, писатель Д. Шенгелая, директор Института истории грузинской литературы имени Руставели, академик Академии наук Грузинской ССР А. Барамидзе, литературный критик Г. Асатиани, поэтесса Т. Эристави.

В этот вечер в Малом зале театра имени Руставели стихи Н. Тихонова и М. Бажана прозвучали в переводе на грузинский язык. Их читали грузинские поэты.

Содержание журнала „Литературная Грузия“ за 1966 год

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ		Журн.	Стр.
Ч. Амирэджиби. Глаз Шивы	V VI		4, 17
Б. Андроникашвили. Август месяц	VII		5
М. Асатиани. Гегутские дзелквы	IX—X	167	
Ш. Дадiani. День поэта	IX—X		56
Р. Джпаридзе. Бухенвальдский колокол	I II III IV		31, 48, 22, 35
Д. Драгунский. Сердце Кутузова	V		37
Р. Иванишвили. Кто-то опаздывает на автобус	XI XII		22 47
О. Иоселиани. По дороге с мельницы	VI		11
Ир. Кавжарадзе. Встреча в пути	IV		64
Д. Квицинидзе. Мариана, где ты?..	XI XII		31, 16
Л. Когошвили. Зарисовки с натуры	V		29
А. Моруа. Три письма	V		32
С. Мозм. Общественное мнение	I		44
Г. Натрошвили. Фольга. Кетино кончает школу	I VI		5, 6
Т. Натрошвили. Шатили	XII		56
Н. Тарба. Мациса	III IV		5, 20
Э. Фейгин. Обида Егора Грачева	I II		12, 6
Дж. Чивер. Пловец	III		47
Гр. Чиковани. Дуту	VII		36
Т. Чиладзе. Кто живет на звездах?	VIII		7
Б. Шатберашвили. Эховины	VIII		50
Д. Шенгелая. Фреска	IX—X		100
А. Эбаноидзе. Рассказ о войне	V		23
СТИХИ И ПОЭМЫ			
Ир. Абашидзе. Голос у Катамона	IX—X		32
А. Абшилава. Из лирической тетради	VIII		56
А. Адамиа. Бессмертие	IX—X		63
А. Аджинджал. Сосны Пицунды	II		69
П. Антокольский. Вариант Фауста	VIII		47
М. Бараташвили. Звездный камень. Моей дочери	III		3
Р. Беродзе. Хочу знать. Здесь он бродил	VII		42
Х. Берулава. Портрет друга. Чудо. Два голоса	XI		28
В. Гаприндашвили. Мать Руставели	IX—X		54
Ш. Гасан. Моя родина. Люби меня	I		30
И. Гришашвили Шота Руставели в моей библиотеке	IX—X		55
Т. Джангулашвили. Легенда моря и земли	V		3
Г. Дзугаев. Монтер. Земля. О, радость— быть поэтом	IV XI		34, 64
М. Дудин. Восемь строк на могилу Георгия Леонидзе	XII		12
Е. Ештуенко. Пушкинский перевал	II		46
Е. Загурски. Два тоста из поэмы «Тамара»	XII		15
Из старых поэтов:			
Д. Гурамишвили, Н. Цицишвили, Арчил, Аноним, В. Орбелiani	IX—X		145

	Журн.	Стр.	Журн.	Стр.
М. Кахидзе. Небеса твои и рощи. Все равно мне было...	V	31	Г. Самхарадзе. Светицховели. Я хотел бы...	XI 30
Э. Квтанавили. Дождь. Море	VIII	57	И. Сергеева. Тбилиси. Читаю Руставели. Вхожу в Кашветский храм	III 4
М. Квливидзе. Летняя погода. Следы на снегу. Вампиры. Опять всю ночь бессонницею мучаюсь...	V	27	В. Соснора. Из цикла «Хроника Ладоги»	VI 16
Ст. Куняев. Вечный город. Заповедь. Мы жители равнин, и поэтому... Не то, чтобы жизнь подоела...	VIII	49	Г. Табидзе. Поэма тигра	IX—X 29
Г. Леонидзе. Камень			Т. Табидзе. За Пушкина и Руставели	IX—X 96
V века в Болнисском монастыре. Две птицы. Завет. Матьер места. Кармен. Реминисценция. Соловьиная крепость. Микел. Родник. Было — Кахетия!	III VIII IX—X XII	19, 5, 31, 13	В. Тарба. С любовью потомки прочтут	IX—X 165
Л. Магистрова. Осенние мотивы	XII	46	А. Тевзадзе. Ленин	II 3
Р. Маргиани. Воспой пресветлый праздник лесни. Тур. Антверпен. Зоосад. На старой квартире. Седина	IX—X XI	55, 20	А. Церетели. К портрету Руставели	IX—X 29
Мариджан. Мгновения, которые помнишь. Мое оружие — стихи... Что привело тебя в Палестину?	III IX—X	3, 97	А. Цыбульский. Из пшавских стихов. Это главное, не главное...	VI 42
М. Мачаварниани. Рассвет. Весна знакомая... Дорога моя останется. Дума. Волга... Когда расцветает	I VI IX—X	11, 10, 97	К. Чачава. Песня. На морском берегу	XII 45
К. Надирадзе. Скрыбин — этюд второй. Ветер. С вершин бессмертия	V IX—X	22, 165	С. Чиковани. На Сигнахской горе. Детский плач. Тень ручья. Песня влюбленного рыболова. Третья приписка. Мы в море заплыли. Набери мне ежевики в мой кубшин... Песня рыболова. Буйволы. Озеро Цунда	I 3, V 20, IX—X 53
Ш. Нишнинидзе. Симону Чиковани. Песня восьми столетий	V IX—X	19, 99	О. Чиладзе. Итальянская тетрадь. Новые стихи. Снег. Женщина лежала на песке... Памяти Галактиона Табидзе	IV 17, VII 3, XI 63
И. Нонешвили. Вступление к поэме. Ниагара. Баллада о последнем из... Цветок в тени небоскреба	II VI	4, 3	О. Шаламберидзе. Сухуми	VII 35
Л. Нудубидзе. Храм Баграта. Солнце бусы в траве соберет... Домик Лермонтова	I	43	С. Шаншиавили. Поэту-борцу	XII 3
Важа Пшавела. Тени Руставели	IX—X	53	Г. Шатберашвили. Солнце на календаре. После спектакля	XI 27
Р. М. Ргльке. О фонтанах. Песнь любви. Павтера. Испанская танцовщица. Смерть поэта	VII	43	А. Шенгелиа. Моя земля	IX—X 163
			Б. Шинкуба. Услышал песню я...	IX—X 164
			КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
			Ир. Абашидзе. Николай Тихонов	XII 5
			Г. Асатиани. Да не угаснет чистый свет сердец!	XII 9
			Г. Батнашвили. На верном пути	VI 54
			Л. Браилловская. Хроника наших будней	III 80
			И. Вэлза. Книга о певческом дыхании	XII 70

К. Гамсахурдиа. Данте Алигьери	V	60			
Б. Гордзениани. Отражение виденного и пережитого	XII	72	Ир. Абашидзе. Лучшие годы	IV	6
Вл. Джигути. Пожарам сердце радо	VII	66	В юбилейные дни	XI	5
Л. Долидзе. Песнь о Родине. Пафос жизнеутверждения	III VIII	78 71	Л. Гошхотелиани. Романтика плюс экономика	IV	3
Э. Елигулашвили. Долгий путь стиха	VI	43	Т. Донжашвили. Мой город — Тбилиси	VIII	79
Искра, высеченная сердцем	III	65	Вл. Мачавариани. Всемогущие, необоримые идеи	II	70
К. Имедашвили. Размышления о прозе Н. Думбадзе	VIII	58	Навстречу славному пятидесятилетию	XI	3
Г. Канкава. Рассказы Эдишера Кипиани	IV	87	На писательском форуме	VIII	3
М. Квливидзе. Памяти старшего друга. Так гори мне, гори...	V VII	19 70	Н. Новицкий. Министерство, предприятие, магазин	IV	76
А. Крон. Виктор Гольцев	VII	67	Д. Шенгелая. Писатель — исследователь жизни	VII	45
Ст. Куняев. «Исполненный ясности и благородства»	V	18	ДОРОГИ И ВСТРЕЧИ		
М. Луконни. Слово о друге	XI	18	Ир. Абашидзе. Римский диалог	I	47
Г. Маргвелашвили. Огромность утраты. Дань с русской музы	V VII	15 51	Б. Жгенти. Десять дней во Франции	I	54
А. Махарадзе. По следам истории	III	82	ОЧЕРКИ		
Вл. Мачавариани. Время, человек, литература	XII	62	М. Давиташвили. На радость людям!	VI	70
Г. Мерквилладзе. Заметки о современной грузинской прозе	XI	69	Вл. Имедашвили. День за днем	V	85
Н. Натадзе. Характер в современной литературе	I	68	И. Месхи. Сага о Муррее	VII	72
Г. Натрошвили. Вдохновенный мастер слова	VII	47	ИСКУССТВО		
Н. Табидзе. Из воспоминаний	XII	8	Ю. Васильев. Эристави, Нижарадзе, Мирзашвили	VI	76
Л. Тихонова. Слушая рассказчика	IV	90	Г. Горделадзе. Иллюстраторы поэмы Руставели	IX—X	79
М. Траскунов. Книга о культуре Советской Грузии	VI	57	Э. Гугушвили. Шалва Гамбашидзе	XI	74
А. Федоров. За синтез мнений в теории перевода	III	54	Н. Гуднашвили. Художники-самоучки	VII	76
Вл. Хомутов. Бережная память ветеранов	V	58	Г. Демирханова. Возрожденная песнь металла	IX—X	124
С. Чиковани. Как песня, молодой	XII	6	Э. Думбадзе. Жемчужина грузинского балета	I	94
Г. Шатберашвили. Гурам Рчеулишвили	VII	61	Г. Рчеулишвили. «Тбилиси» Елены Ахвледиани	III	84
			Н. Чхеидзе. «Золушка» С. Прокофьева на сцене театра имени З. Палиашвили	XII	74

	Журн.	Стр.
Н. Швангирадзе. Руставели в драматургии и на сцене	IX—X	81
Н. Элиашвили. К. Марджанишвили и поэма Руставели	IX—X	122
ВЕЛИКОМУ ЛЕНИНУ		
М. Горгидзе. Ленин и грузинское студенчество в Петербурге	IV	68
И. Дубинский. Соратник Ленина	IV	75
А. Шарашидзе. Из воспоминаний	IV	72
ПОЛВЕКА ОКТЯБРЯ		
Р. Канделаки. Колхида	XI	65
Дм. Фурманов. Красная Грузия	II	80
СТРАНИЦЫ МИНУВШЕГО		
Г. Бебутов. По страницам одной переписки	III	70
К. Зданевич. Я вспоминаю...	<u>VI</u>	80
Страница прошлого	<u>VIII</u>	96
ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ		
Г. Ломтатидзе. Академик И. А. Джавахишвили	V	47
Л. Чиковани. Неизвестный псевдоним А. Церетели	VI	60
ЛЕТОПИСЬ ДРУЖБЫ		
Б. Пастернак. Письма друзьям	I II	75, 83
НАУКА		
З. Какабадзе. Возможна ли автоматизация поэтического творчества	III	86
НАШИ ИНТЕРВЬЮ		
С. Баруздин. До новых встреч	IV	93
Р. Маргиани. От съезда к съезду	VII	92
Путь к изобилию. (Беседа с Председателем Совета Министров Грузинской ССР Г. Д. Джавахишвили.)	VIII	74

	Журн.	Стр.
С. Рижинашвили. Вечер в Центральном Доме литераторов в Москве	VII	95
Руставелевский год	I	93
С. Чилая. Накануне съезда писателей Грузии	I	92
Н. Чхендзе. Симпозиум по вопросам теории художественного перевода	VII	93
800 ЛЕТ РУСТАВЕЛИ		
Гр. Абашидзе. Вечный спутник	IX—X	14
Ир. Абашидзе. Верны идеалам нашего великого предка	IX—X	9
К. Баграташвили. Неизвестный портрет Руставели	V	93
Ш. Бадридзе. Спутник жизни	IX—X	199
Н. Бальмонт-Бруни. Бальмонт и Грузия	IX—X	113
А. Барамидзе. Великий поэт и мыслитель	IX—X	33
Р. Барамидзе. Предшественники Руставели	IX—X	195
П. Н. Берков. «Бог», «мир» и «люди» в поэме Руставели. О композиции «Витязя в тигровой шкуре»	VIII IX—X	89, 70
И. Богомолов. Первое знакомство	IX—X	148
Х. Варди. Веяние вечной молодой поэзии	IX—X	26
Л. Гудиашвили. Солнце восьми столетий	IX—X	27
Г. Джибладзе. Руставели и современность	IX—X	23
Е. Загурски. Исповедь грешника	IV	95
Н. Заболоцкий. Шота Руставели	III	92
К. Кулиев. Его бессмертие в верности жизни	IX—X	12
Г. Курганели. Благородный труд переводчиков	IX—X	146
А. Кутателадзе, М. Мамулашвили. О толковании термина «вепхи»	VII	90
И. Мегрелидзе. Н. Я. Марр о Руставели	IX—X	194
Э. Межелайтис. Слава особого рода	IX—X	9

	Жури.	Стр.	Жури.	Стр.
М. Мрвлишვილი. Гений народа	IX—X	1	Г. Сарьян. Гений грузинского народа	IX—X 18
Н. Натадзе. Персонажи «Витязя в тигровой шкуре». Признание народа	VIII IX—X	84, 178	С. Серебряков. Поэма Руставели за рубежом. Поэма Руставели на испанском языке	VI 86, IX—X 184
И. Нонешвили. Гимн жизни — через века	IX—X	19	К. Симонов. Глубоко национальный памятник	IX—X 16
Ш. Нуцубидзе. Мирозерцание Руставели.	V	90	Я. Судрабкали. Привет тебе, великий Шота!	IX—X 16
Н. Орловская. Первые сведения о Руставели в Англии	IX—X	188	И. Сургуладзе. О взглядах Руставели на государство и право	VI 93
Прославленный в веках: И. Чавчавадзе, М. Шолохов, А. Церетели, А. Фадеев, Х. Лакснесс, Важа Пшавела, А. Толстой, П. Антокольский, Л. Арагон, Ю. Тынянов, Н. Я. Марр, М. Броссе, М. Бура, И. Джавахишвили, Н. Бор, М. Бажан, К. Бальмонт, А. Исаакян, Ф. Гладков, Н. Погодин, И. Луппол, И. Сельвинский, А. Серафимович, П. Павленко, А. Корнейчук, А. Лейст, А. Сутнер	IX—X	1, 4, 28, 49, 50, 112, 155, 156, 157, 158, 180, 183	Н. Тихонов. Слово и дело поэта	IX—X 6
Рассказывает С. Цуладзе	IX—X	181	Ю. Туулик. Подвиг во имя жизни	IX—X 22
Р. Рза. Энциклопедия человеческой жизни	IX—X	21	О. Уордроп. Зеркало жизни	IX—X 85
И. Руруа. На палестинской земле	XI XII	83, 93	К. Федин. Созвучие	IX—X 5
			С. Цаншвили. Шота Руставели. Академический текст поэмы Шота Руставели	VII 80, IX—X 192
			С. Чиковани. Песнь любви, дружбы и доблести	IX—X 129

ХРОНИКА

I 42, 53; III 21, 53, 64, 69, 81, 91; IV 92; V 26, 46, 57; VI 5, 41, 53, 79; VII 44, 65, 75, 89; VIII 46, 55, 70, 83, 88; IX—X 69, 78, 84, 147, 158, 162, 187, 191, 197, 204; XI 17, 81; XII 83.

Подписано к печати 4 января 1966 г. 6 печ. листов. Формат бумаги 74 X 106 мм.
Заказ № 4028 Тираж 1900 УЗ 02703

Цена 40 коп.

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются

ჟურნალი „ლიტერატურნაია გრუზია“ (რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის გამომცემლობა „ლიტერატურა და ხელოვნება“

Полиграфкомбинат издательства ЦК КП Грузии, Тбилиси, ул. Ленина № 14.

ИНДЕКС
76117

43.10/3.

на 40 к.